

Говард Филлипс Лавкрафт

Сомнамбулический поиск неведомого Кадата

(The Dream-Quest of Unknown Kadath)

Трижды Рэндольфу Картеру снился этот чудесный город, и трижды его вырывали из сна, когда он стоял неподвижно на высокой базальтовой террасе. Весь в золоте, дивный город сиял в лучах закатного солнца, освещавшего стены, храмы, колоннады и арочные мосты, сложенные из мрамора с прожилками, фонтаны с радужными струями посреди серебряных бассейнов на просторных площадях и в благоуханных садах; широкие улицы, тянущиеся между хрупкими деревьями, мраморными вазами с цветами и статуями из слоновой кости, что выстроились сверкающими рядами; а вверх по крутым северным склонам карабкались уступами вереницы черепичных крыш и старинные остроконечные фронтоны – вдоль узких, мощенных мшистой брусчаткой переулков. То был восторг богов, глас божественных труб и бряцанье бессмертных кимвалов. Тайна объяла его, точно тучи легендарную безлюдную гору, и, покуда ошеломленный и мучимый неясным предчувствием Картер стоял на кромке горной балюстрады, его мучили острая тревога почти что угасших воспоминаний, боль об утраченном и безумное желание вновь посетить некогда чарующие и покинутые им места.

Он знал, что когда-то этот город имел для него некое высокое значение, хотя, в каком жизненном цикле или в какой инкарнации он посещал его и было ли то во сне или наяву, он не мог сказать точно. Неясным образом видение этого города вызвало отблески давно позабытой поры юности, когда удивление и удовольствие пронизывали таинство дней, а рассвет и закат равно полнились пророчествами под пронзительные звуки лютни и песни, распахивая ярящиеся врата к новым и еще более удивительным чудесам. Но каждую ночь Картер стоял на этой высокой мраморной террасе, украшенной диковинными вазами и резными перилами, и глядел на тихий предзакатный город, исполненный красоты и неземного смысла, ощущая бремя власти тиранических богов своих грез; ибо никоим образом он не мог ни покинуть эту возвышенность, ни спуститься по широким мраморным ступеням, бесконечно сбегаящим вниз, – туда, к объатым старинными ведьмовскими тайнами улицам, что властно манили его к себе.

Когда же он пробудился в третий раз, так и не осмелившись спуститься по лестнице и прогуляться по тихим предзакатным улицам, он долго и истово молился тайным богам своих грез, что гордо восседают над облаками, плывущими мимо неведомого Кадата в холодной пустыне, куда не ступала нога смертного. Но боги не дали ему ответа и не выказали своей милости, как не подарили ему никакого благого знамения, когда он молился им во сне и самоотреченно звал их, прибегнув к помощи брадатых жрецов Нашта и Каман-Та, чей пещерный храм с огненными колоннами находится неподалеку от врат в реальный мир. Казалось, однако, что его молитвы сослужили ему плохую службу, ибо уже

после первой из них он вдруг вообще перестал видеть чудесный город, точно прошлые три встречи с ним были лишь случайными миражами или оптическими иллюзиями и он узрел их в нарушение некоего тайного плана или вопреки воле богов.

Наконец, устав от томления по этим сверкающим предзакатным улицам и загадочным горным проулкам, вьющимся меж древних черепичных крыш, и неспособный ни во сне, ни наяву прогнать их от своего мысленного взора, Картер решил отправиться с дерзкой мольбой туда, куда еще никогда не хаживал ни один человек, пересечь во тьме льдистые пустыни и попасть туда, где неведомый Кадат, сокрытый в облаках и увенчанный невообразимыми звездами, хранит во мраке вечной тайны ониксовый замок Великих богов.

Погрузившись в легкий сон, он одолел семьдесят ступенек к пещере огня и рассказал о своем замысле брадатым жрецам Нашту и Каман-Та. Но жрецы покачали венценосными головами и предрекли ему смерть его души. Они заметили, что Великие уже проявили свою волю и не любят, когда их тревожат назойливыми мольбами. Они напомнили ему также, что ни один человек никогда не был на Кадате, и никто даже не догадывался, в какой части мироздания он находится – то ли в мире грез, обнимающем наш зримый мир, то ли в тех далеких мирах, что окружают какой-нибудь загадочный спутник Фомальгаута или Альдебарана. Если же в мире наших снов, то его, вероятно, можно достичь, ибо лишь трем смертным, с тех пор как возникло время, удалось пересечь черные бездны к сонным мирам, но из этих троих двое вернулись безумцами. В своих путешествиях они встретили бесчисленные испытания, а напоследок их ожидал несказанный ужас, который невыразимо бормотал что-то из-за пределов стройного космоса – оттуда, куда не достигают наши сны; тот последний бесформенный кошмар в средоточии хаоса, который богомерзко клубится и бурлит в самом центре бесконечности – безграничный султан демонов Азатот, имя которого не осмелятся произнести ничьи губы, кто жадно жует в непостижимых, темных покоях вне времени под глухую, сводящую с ума жуткую дробь барабанов и тихие монотонные всхлипы проклятых флейт, под чей мерзкий грохот и протяжное дудение медленно, неуклюже и причудливо пляшут гигантские Абсолютные боги, безглазые, безгласные, мрачные, безумные Иные боги, чей дух и посланник – ползучий хаос Ньярлатотеп.

Обо всем этом предупредили Картера жрецы Нашт и Каман-Та в пещере огня, но он, тем не менее, не изменил своего решения найти богов на неведомом Кадате в холодной пустыне, где бы он ни находился, и выпросить у них прозрение, и память, и пристанище в чудесном предзакатном городе. Картер знал, что путешествие его будет нелегким и долгим и что Великие ему воспротивятся, но, будучи старожилом мира грез, он понадеялся на помощь многих своих полезных воспоминаний и ухищрений. Итак, испросив необходимого благословения у жрецов и тщательно обдумав свой маршрут, он отважно преодолел семьсот ступеней к вратам Глубокого Сна и вошел в зачарованный лес.

На потаенных тропинках этой непроходимой чащи, где низкие толстоствольные дубы сплетают протянутые друг к другу ветви и диковинные грибы на их стволах испускают таинственное сияние, обитают хитрые и необщительные зуги, которым ведомо много темных тайн сонного мира и кое-какие тайны мира явного, ибо сей лес двумя опушками подступает к жилищам людей, хотя где именно – сказать нельзя. Там, куда пробираются

зуги, множатся необъяснимые слухи, происходят непонятные события и исчезают люди, так что очень даже хорошо, что они не могут удалиться от пределов сновидческого мира. Однако по приграничным областям сновидческого мира они перемещаются свободно, порхая там крошечными коричневыми невидимками и принося на хвосте занятные байки, которыми потом обмениваются, коротая часы у огня в своем любимом лесу. Большинство из них обитает в земляных норах, кое-кто населяет стволы больших деревьев, и, хотя в основном они питаются древесными грибами, ходят слухи, что они любят полакомиться и человечинкой, в телесном или бесплотном обличье, так как совершенно точно известно, что многие спящие вступали в пределы леса и более назад не возвращались. Картер тем не менее не испытывал страха, ибо он был опытным сновидцем и давно выучил их стрекочущий язык и заключил с ними немало уговоров; и в частности, обнаружил с их помощью чудесный город Селефаис в Оот-Наргае за Танарианскими горами, где половину года владычествует великий царь Куранес, человек, при жизни известный ему под другим именем. Куранес был одним из тех, кто совершил путешествие в зазвездные бездны, но единственный вернулся оттуда с ясным рассудком.

Продвигаясь по низким фосфоресцирующим туннелям меж гигантских деревьев, Картер издавал стрекот, подражая зугам, и напрягал слух в ожидании их отклика. Он помнил, что одно поселение этих тварей находится в самом центре леса, где выложенный круг мшистых валунов на месте старой вырубki хранит память о древних и куда более страшных обитателях, ныне прочно позабытых, – и к этому-то кругу камней он и устремил свои стопы. Он держал путь мимо диковинных грибов, которые по мере приближения к страшному кругу камней, где древние твари устраивали свои пляски и приносили жертвоприношения, казались значительно более тучными и разросшимися. Наконец, в ярком сиянии толстых и сочных древесных грибов обнаружилась угрюмая зелено-серая глыба, устремленная ввысь и теряющаяся из виду над куполом леса. Это был первый из каменных колоссов ритуального круга, и Картер понял, что он недалеко от деревни зугов. Возобновив свой стрекот, он стал терпеливо ждать, и в конце концов его терпение было вознаграждено появлением мириадов глаз, вперивших в него свой взор. Это были зуги, ибо сначала можно увидеть их зловещие глаза, а потом уж различить скользкие коричневатые тельца.

И вот они высыпали роем из потаенных нор и древесных стволов, и скоро вся тускло освещенная поляна кишела этими тварями. Кто-то из самых дерзких грубовато теребил Картера, а один даже нагло ущипнул его за ухо, но этих негодников очень быстро окоротили старейшины. Совет Мудрых, узнав пришельца, предложил ему бурдюк древесного сока, добытый из необычайного дерева-привидения, что выросло из упавшего с луны семени, и, пока Картер чинно пил предложенный ему напиток, завязалась весьма странная беседа. Зуги, к несчастью, не знали местонахождения Кадата и даже не могли сказать, обретается ли холодная пустыня в мире наших снов или в каком-либо ином мире. Слухи о Великих богах приходили отовсюду, и было очевидно лишь то, что скорее их можно узреть на высоких горных пиках, нежели в долинах, ибо на этих вершинах, когда луна высоко, а тяжелые облака клубятся внизу, они пускаются в свой ностальгический танец.

А потом один очень древний зуг вспомнил нечто, о чем не слыхивали прочие, и сказал, что в Ултаре, за рекой Скай, до сих пор находится последний список тех невероятно древних Пнакотикских рукописей, что были составлены наяву мужами в позабытых арктических царствах и принесены в страну снов, когда косматый каннибал Гнофкес победил многохрамый Олатое и убил всех героев земли Ломар. Эти манускрипты, по его словам, могли поведать много о богах, и, кроме того, в Ултаре были люди, которым довелось видеть знаки богов, и среди них один старый жрец, который взошел на великую гору, дабы узреть танцующих богов при лунном свете. Он, однако, не сумел достичь своей цели, а вот его спутник сумел и сгинул в неизвестности.

Итак, Рэндольф Картер поблагодарил зугов, и те ответили ему дружелюбным стрекотом и дали ему на дорогу еще один бурдюк с вином из сока лунного дерева, и он отправился в путь по фосфоресцирующему лесу, туда, где быстрая Скай стремится свои потоки вниз по склону Лериона, а на равнине разбросаны Хатег, Нир и Ултар. Следом за ним, незримо порхая за его спиной, устремилось несколько любопытных зугов, которым хотелось узнать, что за страсть овладела гостем, и потом рассказать об этом своим соплеменникам. По мере того как Картер удалялся от деревни, громадные дубы теснились все плотнее, и он внимательно искал глазами то место, где стена дубов должна была расступиться, чтобы перед ним возникли древние высохшие или засыхающие стволы, торчащие между невиданно густых грибов, гнилой плесени и полых стволов своих падших собратьев. Там он должен был свернуть резко в сторону, ибо на том самом месте покоится на земле огромная каменная глыба, и те, кто отважился к ней приблизиться, говорили, что в нее вмуровано железное кольцо диаметром в три фута. Помня о древнем круге из мшистых каменных глыб и о том, для чего он был тут воздвигнут, зуги не рисковали надолго задерживаться у каменной глыбы с железным кольцом, ибо понимали, что забвение вовсе не обязательно означает смерть, и не горели желанием увидеть, как каменная глыба медленно сдвигается со своего места.

Картер свернул в нужном месте и услышал позади перепуганный стрекот робких зугов. Он предвидел, что они пустятся за ним следом, поэтому не удивился, ибо рано или поздно привыкаешь к странностям поведения этих пытливых созданий. Когда он подошел к лесной опушке, сгустились сумерки, а теперь посветлевшее небо подсказало ему, что близится рассвет. Над тучными лугами, сбегаящими к водам Ская, поднимался дымок из печных труб – повсюду виднелись заросли живой изгороди, вспаханные поля и соломенные крыши мирных хижин. Один раз он подошел к колодцу напиться, и собаки в испуге облаяли невидимых зугов, ползущих за ним в траве. Подойдя к другому двору, где было многолюдно, он спросил о богах, верно ли, что они часто пускаются в пляс на Лерионе, но фермер и его жена в ответ лишь изобразили знак Старцев и показали ему дорогу к Ниру и Ултару.

В полдень он прошел по широкой улице Нира, который некогда уже посещал во сне и который стал тогда конечным пунктом его маршрута, а вскоре после того он вышел к большому каменному мосту через Скай, тому самому, в чей центральный пролет каменщики, когда строили его тринадцать веков назад, вмуровали жертву – живого человека. Когда он перешел на другой берег, многочисленные кошки (при виде сопровождающих его зугов они воинственно выгнули спины) возвестили о близости

Ултара, ибо в Ултаре, согласно древнему непререкаемому закону, человек не вправе убить кошку. Окрестности Ултара являли приятное глазу зрелище: зеленые коттеджики и обнесенные аккуратными заборами фермерские угодья, – а еще приятнее был вид тихого городка со старинными островерхими крышами и тяжелыми вторыми этажами с массивными балконами и бесчисленными печными трубами и узкими улочками, где меж спинами отдыхающих кошек виднелись темные камни брусчатки. Невидимые зуги распугали всех кошек, а Картер направился прямо к огромному храму Старцев, где, как говорили, обитали жрецы и хранились старинные рукописи. И, едва оказавшись в этой стоящей на вершине высочайшей горы Ултара древней круглой башне, чьи каменные стены увиты густым плющом, он отыскал патриарха Атала, который когда-то взошел на запретный пик Хатег-Кла и вернулся оттуда целым и невредимым.

Аталу, восседавшему на кафедре из слоновой кости в изукрашенном гирляндами алтаре в верхней части храма, было от роду три века, но он сохранил удивительную ясность сознания и памяти. От него Картер узнал много интересного о богах, и самое главное – что они и впрямь были единственными детьми Земли, немощно владычествующими над нашим сновидческим миром и более нигде не имеющими ни обиталища, ни власти. Они, по словам Атала, способны внять молитве, коли находятся в хорошем расположении духа, но нельзя даже помыслить о том, чтобы подняться в их ониковую крепость на вершине Кадата в холодной пустыне. Это хорошо, что никому из смертных не дано узнать местонахождение башен Кадата, ибо плоды такого поиска были бы весьма удручающими. Спутника Атала по имени Барзай Мудрый, за то только, что он поднялся на всем известный пик Хатег-Кла, унесла неведомая сила в небо, а он при этом отчаянно кричал и стонал. А что касается неведомого Кадата, то последствия могут оказаться куда страшнее, ибо хотя богов Земли иногда и может превзойти мудрый смертный, они находятся под покровительством Иных богов из Внешнего мира, о которых лучше вовсе не говорить. По меньшей мере дважды в мировой истории Иные боги оставляли свой знак на древнем земном граните – первый раз в допотопные времена, как можно догадаться по рисункам в самой древней и нечитабельной части Пнакотикских рукописей, и второй раз на Хатег-Кла, когда Барзай Мудрый попытался увидеть земных богов, танцующих в лунном свете. Так что, добавил Атал, лучше оставить богов в покое и тревожить их лишь смиренными молитвами.

Картер, хотя и разочарованный советом Атала и тем, что большой помощи от Пнакотикских рукописей и семи загадочных книг Хсана ждать не приходится, не отчаялся. Сначала он спросил старого жреца о чудесном предзакатном городе, который можно увидеть с горной террасы, полагая, что, вероятно, его можно отыскать и без помощи богов, но Атал ничего не мог ему поведать. Возможно, сказал Атал, это место обретается в его собственном мире снов, а вовсе не в большом сновидческом краю, посещаемом многими, и, кроме того, логично предположить, что оно и вовсе находится на другой планете. В таком случае боги Земли не в силах стать ему провожатыми. Но, правда, скорее всего, это не так, ибо резкий обрыв сновидения ясно свидетельствовал: то было нечто, что Великие хотели от него утаить.

И тогда Картер совершил недостойный поступок, предложив хозяину испить множество глотков лунного вина, которое зуги дали ему в дорогу, и старец стал чересчур

разговорчив. Утратив всякую осторожность, бедняга Атал выболтал гостю много запретных вещей и, в частности, рассказал ему о гигантском лике, который, судя по рассказам путешественников, выбит на скалистом склоне горы Нгранек, что находится на острове Ориаб в Южном море, а также намекнул, что это то самое изображение, которое земные боги однажды сделали по своему подобию в те дни, когда плясали на той горе при свете луны. И еще он добавил, что черты этого лика на скале весьма странны и всякий без труда их запомнит, а потом узнает, что и они, вне всякого сомнения, несут в себе знаки принадлежности к истинному роду богов.

И теперь Картер понял, как полезно ему все то, что он узнал, для поиска богов. Известно было, что, принимая то или иное обличье, самые молодые из Великих частенько вступали в любовную связь с дочерьми человеческими, так что все крестьяне, живущие близ границ холодной пустыни, где стоит Кадат, должны быть связаны с ними кровным родством. Поэтому найти ту пустыню можно следующим образом: отыскать каменный лик на Нгранеке, запомнить его черты, а затем, точно перенеся их на бумагу, предпринять поиски людей с теми же чертами. В тех местах, где обнаружится наибольшее число похожих человеческих лиц, и обитают боги, и если где-то близ деревни есть каменная пустыня, то в ней находится Кадат.

В таких укромных углах многое можно узнать о Великих, и те, в чьих жилах течет их кровь, наверняка унаследовали кое-какие обрывки воспоминаний, весьма полезных для ищущего. Людям могут быть неизвестны их пращуры, ибо боги не любят появляться среди людей, и нет никого, кто бы воочию видел их лики, – это Картер осознал еще до того, как пустился на поиски Кадата, но им должны быть свойственны необычные возвышенные помыслы, непонятные для их соплеменников, и они должны петь о далеких краях и садах, не похожих на те, что всякому могут привидеться во сне, отчего обыкновенные люди назовут их глупцами, но из этих отрывочных сведений, вероятно, можно узнать старинные тайны Кадата или уловить намеки на чудесный предзакатный город, в котором боги хранят свои тайны. И более того, в иных случаях кому-то удастся взять в заложники какое-нибудь возлюбленное божье дитя или даже полонить самого молодого бога, принявшего человеческое обличье и живущего среди людей со своей невестой – какой-нибудь прехорошенькой крестьяночкой.

Атал, однако, не знал, как найти Нгранек на острове Ориаб, и посоветовал Картеру идти берегом поющей Скай к самому Южному морю, где не бывал ни один житель Ултара, но откуда купцы приплывали на своих кораблях либо приводили длинные караваны мулов, впряженных в двуколки. Там есть великий город Дайлат-Лин, но в Ултаре о нем ходит дурная слава из-за черных галер с гребцами в три ряда, что приплывают туда с грузом рубинов из неведомых краев. Торговцы, которые сходят с этих галер и торгуют с местными ювелирами, – самые обычные люди или почти что люди, но вот гребцов еще никому не доводилось увидеть, и в Ултаре ропщут из-за того, что городские купцы берут товар с приплывающих невест откуда черных кораблей, чьи гребцы никому не показываются.

Эти последние сведения Атал поведал уже в полудреме, и Картер осторожно уложил его на инкрустированную эбеновым деревом лежанку и аккуратно расправил ему на груди бороду. Собравшись было уйти, он вдруг отметил про себя, что его больше не

сопровождает приглушенный стрекот, и подивился, отчего это зуги так внезапно уняли свое любопытство и прекратили погоню. А потом он заметил ултарских лоснящихся кошек, которые облизывались с нескрываемым удовольствием, и тут же вспомнил, что, пока он беседовал со старым жрецом, с нижней части храма до его слуха доносились приглушенное чавканье и кошачий визг. Он также вспомнил, с какой кровожадностью самые безрассудные из молодых зугов поглядывали на крошечного черного котенка, сидящего посреди мостовой. И поскольку Картер более всего на свете любил черных котят, он наклонился и стал гладить лоснящихся ултарских кошек, облизывавших свои лапки, ничуть не печалась из-за того, что любопытные зуги более не будут сопровождать его в пути.

Солнце уже клонилось к закату, и Картер решил сделать привал в древней харчевне, примостившейся на крутом склоне, откуда открывался вид на городок внизу. И когда он вышел на балкон и бросил взгляд на океан красных черепичных крыш, и мощные улочки, и ласковые поля вдали, загадочно купающиеся в косых лучах солнца, он подумал, что мог бы навечно поселиться в Ултаре, кабы не воспоминания о потрясающем предзакатном городе, властно влекущем его к новым неизведанным опасностям. А потом пала ночь, и розовые стены оштукатуренных фронтонов стали фиолетовыми и обрели загадочный вид, а в старых решетчатых оконцах один за другим вспыхивали крошечные желтые огоньки. В колокольне наверху зазвонили мелодичные колокола, и первая звезда замерцала в небе над лугами и над темными водами Скай. В ночи зазвучала песня во славу стародавних дней, и Картер стал слегка покачивать головой в такт звукам лютни, которые неслись из-за резных балконов и из мощенных мозаикой дворигов скромного Ултара. И в этот час сладкими могли бы показаться даже голоса многочисленных ултарских кошек, кабы они не умолкли, отяжелев после диковинной трапезы. Некоторые укрылись в тайных углах, которые ведомы только лишь кошкам и, по словам деревенских жителей, располагаются на обратной стороне луны, куда кошки допрыгивают с высоких городских крыш, но один крошечный черный котенок вскарабкался вверх по лестнице, вспрыгнул Картеру на колени и стал урчать и играть, а когда путник улегся наконец на лежанку и приклонил голову на подушку, набитую благоуханными дурманящими травами, котенок свернулся калачиком у его ног.

Утром Картер присоединился к каравану купцов, державших путь в Дайлат-Лин с грузом ултарской спряденной шерсти и капусты с ултарских огородов. Шесть дней они были в пути, под перезвон колокольных звонков двигаясь по ровной дороге вдоль Скай, останавливаясь на ночлег в старинных постоялых дворах в сонных рыбацких поселках, а иногда проводя ночь под звездным небом и вслушиваясь в доносящиеся с дремлющей реки песни рыбаков. Окружающий пейзаж радовал глаз: зеленые кустарники и рощи, живописные островерхие домики и восьмигранные громады ветряных мельниц.

На седьмой день на горизонте показалось перышко дыма, и вскоре путники увидели высокие черные башни Дайлат-Лина, сложенные по преимуществу из базальтовых глыб. Дайлат-Лин с его тонкими гранеными башнями издали казался похожим на мост гигантов, и улицы его были мрачны и неприветливы. Там у многих пирсов теснилось немало печальных таверн, а в городе бродили диковинные моряки со всех концов света, а кое-кто, как поговаривали, прибыл даже из портов, коим нет места на земле. Картер

опросил диковинно одетых горожан о горе Нгранек на острове Ориаб и узнал, что тут она всем хорошо известна. Из порта Бахарна на том острове сюда прибывали корабли, и один из них должен был вернуться туда через месяц, а Нгранек находится всего-то в двух днях плавания от того порта. Но мало кто видел каменный лик бога, потому что он находится на труднодоступной стене Нгранека, которая смотрит на острые утесы и долину, покрытую застывшей лавой. Когда-то жители той части острова чем-то прогневили богов, и те пожаловались Иным богам.

Непросто было выудить эти сведения у торговцев и моряков в тавернах Дайлат-Лина, потому что они предпочитали шепотом рассказывать о черных галерах. Одна из этих галер через неделю должна была прибыть в порт с грузом рубинов, и горожане с ужасом ожидали дня, когда она бросит здесь якорь. У сходящих с этих галер купцов были огромные рты, а их тюрбаны с торчащими над лбами двумя верхушками свидетельствовали о дурновкусии их владельцев. Их ноги были обуты в сандалии – короткие и диковинные, каких не найти в Шести царствах. Но тревожнее всего была тайна, связанная с невидимыми гребцами. Весла в три ряда сновали так быстро, так слаженно и так мощно, что у стоящих на берегу зрителей по спине бежали мурашки, и совсем уж странным казалось то, что корабль неделями стоял в порту, его купцы всю торговали, а команду никто в глаза не видел. И владельцы дайлат-линских таверн, и зеленщики, и мясники также этому дивились, ибо на эти галеры никогда не посылалось ни фунта провизии. Приезжие купцы покупали в городе лишь золото и упитанных чернокожих рабов из Парга за рекой – только золото да тучных черных рабов из Парга, цену которым они назначали из расчета за фунт живого веса. Больше они ничего не брали, эти малоприятные на вид купцы, никогда и ничего они не покупали ни у зеленщиков, ни у мясников. А запахи с тех галер, которые южный ветер доносил с пирса, были так ужасны, что и описать невозможно. Вынести этот смрад могли лишь самые стойкие из завсегдатаев таверн, да и то лишь постоянно куря свои трубки с крепчайшими душистыми травами. Дайлат-Лин никогда не допустил бы эти галеры в свои пределы, кабы рубины можно было добывать где-то еще, но ни один рудник во всем сновидческом мире не давал таких камней.

Об этом и о многом другом судачил разноязыкий народ Дайлат-Лина, покуда Картер терпеливо дожидался корабля из Бахарны, который мог доставить его к острову, где голыми изваяниями громоздятся высокие башни Нгранека. Тем временем он не уставал расспрашивать гостей из далеких краев о всевозможных преданиях, которые они могли слышать о Кадате в холодной пустыне или о чудесном городе с мраморными стенами и серебряными фонтанами, появляющемся под высокой террасой в предзакатный час. Об этом, однако, он ничего не узнал, хотя как-то ему показалось, что у одного старого косоглазого купца при упоминании о Кадате в холодной пустыне странным образом вспыхнули глаза. Этот старец, как говорили, давно торговал с ужасными каменными деревьями на льдистом пустынном плато Ленг, куда ни один здравомыслящий человек не отваживался забираться и чьи мрачные костры издали виднеются в ночи. Ходили слухи, что он даже вел какие-то дела с верховным жрецом, о ком лучше не упоминать и который носит желтую шелковую маску на лице и обитает затворником в древнем каменном монастыре. То, что этот старик мог иметь деловые сношения с существами,

обитавшими в холодной пустыне, сомнений не вызывало, но Картер вскоре понял, что об этом его бесполезно даже спрашивать.

А вскоре безмолвная и зловещая черная галера вошла в гавань мимо базальтового вельса и высокого маяка, испуская невероятный смрад, который южный ветер тут же донес до города. В тавернах на берегу пронесся ропот, и вскоре появились смуглые большеротые купцы в горбатых тюрбанах, которые отправились искать ювелиров. Картер внимательно их рассмотрел, и чем больше он их разглядывал, тем меньше они ему нравились. Потом он увидел, как они привели тучных чернокожих мужчин из Парга, и те поднимались по сходням на диковинную галеру, недовольно бурча и потея, и подумал, в каком уголке земли – если на земле – этим несчастным работникам суждено трудиться.

А в третий вечер один из зловещих купцов, мерзко ухмыляясь, заговорил с Картером и намекнул, что слышал в городских тавернах разговоры о его поисках. Он, похоже, знал нечто тайное, что нельзя было произнести во всеуслышание, и, хотя голос его был невыносимо отвратительным, Картер решил, что многоопытностью этого путешественника стоит воспользоваться. Посему он пригласил его к себе в уединенную комнату наверху и, дабы развязать своему собеседнику язык, достал последний бурдюк с лунным вином зугов. Диковинный купец много пил, но напиток не возымел на него никакого действия. И тогда он вытащил необычную бутылку со своим вином, и Картер, приглядевшись, увидел, что та бутылка представляет собой полый рубин, причудливо изукрашенный замысловатой узорчатой гравировкой. Купец предложил хозяину свое вино, и, хотя Картер выпил лишь маленький глоточек, он тотчас почувствовал головокружение: вокруг него все поплыло, и он очутился посреди самых настоящих джунглей. А улыбка на лице его гостя становилась все шире и шире, и последнее, что увидел Картер перед тем, как провалиться во тьму, было смуглое злобное лицо, искаженное приступом сатанинского хохота, и еще нечто совершенно неопишное под одной из двух передних складок тюрбана, которая в порыве этого эпилептического веселья вдруг распустилась.

В следующее мгновение Картер пришел в себя: он учуял чудовищный смрад и увидел, что лежит под навесом на борту корабля, а вдали за бортом с невероятной быстротой проносятся чудесные берега Южного моря. Он не был прикован цепями, но три смуглолицых купца стояли поодаль и сардонически ухмылялись, и от самого вида высоких складок на их тюрбанах Картер ощутил почти такой же приступ тошноты, какой вызывало у него жуткое зловоние, поднимавшееся из зловещего трюма. Он видел, как мимо проносятся величественные земли и города, о которых его земной приятель-сновидец – хранитель маяка в древнем Кингспорте – частенько рассуждал в стародавние дни, и узнал храмы Зака, обиталища позабытых снов, и шпили бесславного Фалариона, демонического города тысячи чудес, где правит призрачный идол Лафи, и кладбищенские сады Зуры, края недостижимых наслаждений, и двуглавый хрустальный мыс, чьи пики, встречаясь, образуют высокую арку, сторожащую вход в гавань Сона-Нил, благословенной фантастической страны. Мимо всех этих чудесных мест угрюмо летел зловонный корабль, подгоняемый могучими ударами весел, которые сжимали руки незримых гребцов в трюме. И еще не отгорел день, как Картер увидел, что гребцы направили галеру прямо на Базальтовые колонны запада, за которыми, как гласит

простонародная молва, лежит чудесная Катурия и, как известно мудрым сновидцам, находятся врата чудовищного водопада, откуда океаны земного мира низвергаются в бездну и сквозь пустые пространства устремляются к иным мирам и иным звездам, к кошмарным безднам вне пределов нашего упорядоченного космоса, туда, где в хаосе, под топот, и трубные гласы, и адский танец Иных богов, вместе с их духом и посланником Ньярлатотепом жадно жуёт султан демонов Азатот, безглазый, безгласный, мрачный и безумный...

Тем временем три сардонически ухмыляющихся купца ни словом не обмолвились от своих намерениях, хотя Картер догадывался, что они заодно с теми, кто хочет отвратить его от поиска. В сновидческом мире известно, что у Иных богов есть много клеветов, посланных в гущу людей, и все эти клеветы, имея вполне или не вполне человеческий облик, ревностно творят волю безглазых и безгласных тварей в обмен на благодеяния их ужасного духа и посланника, ползучего хаоса Ньярлатотепа. Поэтому Картер сделал вывод, что смуглые купцы в уродливых тюрбанах, прослышав о его дерзком поиске Великих в их замке на Кадате, решили похитить его и доставить к Ньярлатотепу за неведомое вознаграждение, которое им посулили. Откуда прибыли эти купцы, то ли из наших земных краев, то ли из сверхъестественных пространств за их пределами, Картеру оставалось только гадать, и он мог лишь вообразить, на каком адском перекрестке его похитители встретятся с ползучим хаосом, чтобы выдать ему свою жертву и получить причитающуюся награду. Он знал, однако же, что ни одно человеческое или почти человеческое существо, подобное этим тварям, не осмелится приблизиться к недостижимому мрачному трону демона Азатота в бесформенной запредельной пустоте.

На закате купцы стали облизывать исполинские губы, и их очи жадно засверкали, и тогда один из них спустился в трюм и вернулся из какой-то потаенной и пугающей каюты с котелком и полной корзиной тарелок. Затем они уселись на корточки в кружок под навесом и стали есть дымящееся мясо, передавая котелок из рук в руки. Но когда они предложили порцию Картеру, очертания и размеры куска мяса нагнали на него сущий ужас, поэтому он побледнел больше прежнего, и, когда все отворотили от него взоры, он украдкой швырнул мясо за борт. И вновь он стал размышлять о том, что же это за невидимые гребцы внизу и какую же загадочную пищу они вкушают, чтобы поддерживать свои неиссякаемые силы.

Было уже совсем темно, когда галера прошла между Базальтовыми колоннами запада и шум чудовищного водопада впереди стал усиливаться. А потом взметнулся мощный веер брызг, затмив звезды на небе, и палуба вмиг покрылась влажным покровом, и судно заплясало в бурлящем потоке, предвещавшем близость водного обрыва. А затем со странным свистом и толчком они совершили прыжок, и Картер испытал отчаянный ужас, точно в ночном кошмаре, когда палуба ушла у него из-под ног и гигантский корабль беззвучной кометой низринул в межпланетное пространство. Никогда прежде не знал он, что за бесформенные черные твари носятся, кружатся и пляшут в эфире, усмешкой и хохотом встречая редких в их пределах путешественников и стараясь дотронуться до них своими склизкими лапами, если пролетающий мимо предмет возбудит их любопытство. Это безымянные личинки Иных богов, и, подобно последним, они безглазы, и безумны, и томимы жесточайшими голодом и жаждою.

Но омерзительная галера устремилась вовсе не туда, куда боялся попасть Картер, ибо вскоре он увидел, что рулевой направил ее прямым курсом к лунному серпу, сияющему все ярче по мере их приближения, и скоро уже показались лунные кратеры и горные пики. Корабль летел к лунному окоему, и вскоре стало ясно, что пунктом его назначения была загадочная незримая сторона, которая вечно отвернута от Земли и которую ни один человек, за исключением разве что сновидца Снирет-Ко, никогда не видел. Зрелище лунных ландшафтов взволновало Картера не на шутку, и ему не понравились ни размеры, ни очертания руин, которые виднелись повсюду. Мертвые храмы на горах были расположены так, что было ясно: их воздвигли во славу далеко не славных богов, а в симметрии разрушенных колонн угадывался некий тайный и мрачный смысл, не подвластный человеческому разумению. И что это были за древние богопоклонники и каков мог быть их облик, Картер решительно не догадывался.

Когда же корабль обогнул окоем и поплыл над лунной поверхностью, невидимой человеку, в странном пейзаже внизу появились первые признаки жизни, и Картер увидел множество низких круглых домов среди полей, поросших причудливыми белесыми грибами. Он отметил, что в домах нет окон, и подумал, что своей формой они напоминают эскимосские иглу. Потом он увидел маслянистые волны сонного моря и тут только понял, что дальше они продолжат путь вновь по воде, или, во всяком случае, по жидкой субстанции. Галера с жутким шумом рухнула на воду, и Картер подивился тому, каким мягким объятием встретила морская гладь корабельное днище. Теперь они мчались по волнам с огромной скоростью, то и дело обгоняя схожие по форме галеры, но перед взором Картера маячило лишь безбрежное море и усыпанное звездами черное небо, хотя где-то на горизонте ослепительно сияло солнце.

Вскоре впереди показались зубчатые горы белесого, точно чешуйчатого, побережья, и Картер увидел могучие и неприглядные серые башни города. Узнику стало совсем не по себе при виде того, как они наклонены, и как громоздятся на берегу, и что все они без окон, и он горько пожалел о своей глупости, когда так бездумно хлебнул хмельного вина, предложенного ему купцом в уродливом тюрбане. Берег приближался, и исходившее от его башен жуткое зловоние усиливалось. Картер увидел, что склоны зубчатых хребтов покрыты лесами, причем ему удалось разглядеть отдельные деревья, и они странным образом показались ему похожими на то одинокое лунное дерево в зачарованном лесу на земле, из чьего сока крохотные коричневые зуги делают свое диковинное вино.

Теперь Картер мог различить движущиеся фигурки на вонючем причале, и, чем пристальнее он их разглядывал, тем большим страхом и отвращением наполнялась его душа, ибо в их облике не угадывалось ничего человеческого, это были исполинские серо-белые скользкие твари, которые сокращались и расширялись и своими очертаниями – они постоянно меняли форму – были похожи на безглазых жаб с непрерывно вибрирующими короткими розовыми щупальцами на конце тупой морды. Эти твари деловито сновали по набережной, без усталости перетаскивая с места на место ящики, тюки и коробки, и носились между берегом и стоящими на якоре галерами, сжимая в передних лапах длинные весла. И то и дело кто-то из них стогнял с галер небольшие группки рабов, которые были почти что люди, но с огромными ртами, вроде тех купцов, которые вели меновую торговлю в Дайлат-Лине, да только эти несчастные, без тюрбанов, разутые и

раздетые, совсем потеряли человеческий облик. Кое-кого из рабов – самых толстых, кого жабы-десятские ощупывали со знанием дела, – выгружали с кораблей и сажали в деревянные клетки, которые портовые рабочие заталкивали в низкие пакгаузы или грузили на огромные повозки.

После того как очередная повозка заполнилась и покатила прочь, у Картера, уже повидавшего в этом богомерзком месте немало мерзейших чудовищ, даже перехватило дыхание, стоило ему увидеть, что за диковинная тварь впряжена в нее. Время от времени группы рабов в такой же одежде и в таких же тюрбанах на головах, что и на смуглых купцах, поднимались на галеры, а за ними шли толпы жабообразных тварей – матросы, лоцманы, гребцы. И Картер увидел, что человекоподобные существа выполняли самые презренные виды подневольной работы, для которой не требовалась физическая сила – стояли у штурвала, готовили пищу, были посыльными или вели торговлю с жителями Земли и иных планет. Эти существа, должно быть, прекрасно чувствовали себя на Земле, ибо, одетые и обутые, в тюрбанах, они почти ничем не отличались от людей и могли смешаться с шумной толпой на рыночных площадях или в лавках, не вызывая ни замешательства, ни недоуменных вопросов. Но большинство из них, за исключением самых худосочных и уродливых, раздевали и заталкивали в тесные клетки и увозили на громяющих повозках, запряженных фантастическими существами. Иногда с галер сгоняли других существ, кое-кто из которых был очень похож на почти-людей, кое-кто не очень похож, а некоторые и вовсе странного обличья. И Картер подумал, не ожидает ли кого-то из несчастных чернокожих толстяков из Парга печальная участь быть посаженным в клетку и увезенным в глубь острова на ужасных повозках.

Когда их галера причалила к замызганному и грязному пирсу, сложенному из окаменевших губок, и из трюма высыпала чудовищная орда жабообразных, двое из них подхватили Картера под руки и поволокли на берег. Зловоние и самый вид этого города произвели на Картера ужасающее впечатление, и в его мозгу запечатлелись лишь отрывочные видения мощных улиц, и черных подъездов, и бесконечной вереницы высоченных серых стен без окон. Наконец его втокнули в низкий дверной проем и заставили подниматься по бесконечной лестнице в крошечной тьме. Было совершенно очевидно, что жабообразным все равно где находиться – на свету или во мраке. Запах стоял тошнотворный, и, когда Картера заперли одного в каком-то помещении, он с трудом собрался с силами, чтобы ползком обследовать свою новую обитель. Комната была круглая, около двадцати футов в диаметре.

Потом время словно остановилось. Через равные промежутки ему приносили еду, но до нее Картер не дотрагивался. Он не знал, какая его ждет участь, но интуитивно чувствовал, что его держат тут в ожидании страшного духа и посланника бесконечности Иных богов, ползучего хаоса Ньярлатотепа. Наконец, по прошествии нескончаемо долгих часов или дней исполинская каменная дверь отверзлась, и Картера повели вниз по лестнице и вытолкнули на залитые красными бликами улицы страшного города. На Луне была ночь, и по всему городу были расставлены рабы с пылающими факелами в руках.

На какой-то мерзкой площади они выстроились в некое подобие процессии: десять жабообразных и двадцать четыре человекоподобных факелоносца – по одиннадцать с каждой стороны и по одному спереди и сзади. Картера поставили в самую середину

колонны, пятеро жабообразных шли позади него и пятеро – впереди, и по одному человекоподобному факелоносцу было справа и слева. Некоторые жабообразные достали резные флейты из слоновой кости и стали извлекать из них омерзительные звуки. Под их адскую музыку процессия покинула мощеные улицы города и вышла на объятую ночным мраком равнину, поросшую отвратительными грибами, и вскоре двинулась вверх по склону низкого пологого холма. Картер ничуть не сомневался в том, что где-то на ужасном склоне или на богомерзком плато их поджидает ужасный ползучий хаос, и он лишь молил, чтобы этот кошмар поскорее завершился. Завывание сатанинских флейт было невыносимым, и он отдал бы все на свете, лишь бы услышать голос, хотя бы отдаленно напоминающий человеческий, но жабообразные были немые, а рабы безмолвствовали.

И вот сквозь звездный мрак прорезался нормальный звук. Он донесся с высоких гор вдалеке и эхом отразился от всех зубчатых вершин вокруг, соединившись в нестройный пандемический хор. Это был полуночный кошачий крик, и тут Картер понял, что деревенские жители правы в своих догадках – существуют таинственные области, ве́домые только котам, куда кошачьи старейшины убегают тайком по ночам, прыгая с самых высоких крыш. И ведь верно, что прыгали они на оборотную сторону Луны, чтобы порезвиться на лунных горах и побеседовать с древними тенями; и вот, бредя в середине процессии зловонных существ, Картер услышал их привычный дружелюбный клич и враз вспомнил о высоких крышах, горячих очагах и освещенных окошках родного городка.

Рэндольф Картер владел кошачьим языком почти в совершенстве, и в этом жутком краю он издал подходящий для ситуации вопль. Но этого даже и не требовалось, ибо, как только его губы раскрылись, он услышал, что кошачий хор стал громче и ближе, и увидел, как на фоне звезд быстро замелькали тени и крохотные кошачьи силуэты, элегантно перепрыгивая с холма на холм, начали собираться в многочисленные стаи. Он издал кошачий зов, и, прежде чем участников мрачной процессии объял страх, на них, точно штормовой прибой, обрушились тучи вздыбленной шерсти и волны убийственных когтей. Флейты замолкли, и в ночи раздались ужасные крики. Умиравшие человекоподобные визжали, а коты шипели, фыркали и урчали, а жабообразные не издавали ни звука, когда их вонючая зеленая сукровица орошала пористую землю, поросшую мерзкими грибами.

В свете факелов зрелище было чудовищное. Картеру никогда в жизни не приходилось видеть такую армию кошек. Черные, серые, белые, желтые, полосатые и бог знает какие еще, обычные домашние, бесхвостые, тибетские, персидские, египетские – все смешались в вихре схватки, и над ними висела пелена той неподдельной и неоскверняемой святости, благодаря которой была прославлена их богиня в величественных храмах Бубастиса. Кошки мощными прыжками кидались к горлу человекообразных или вцеплялись в розовый пучок щупальцев жабоподобных и яростно низвергали их на поросшую грибами равнину, где мириады их собратьев тучей набрасывались на поверженную жертву и, обуянные священным упоением боя, вонзали в нее трепещущие когти и клыки. Картер подхватил факел из руки поверженного раба, но вскоре его накрыла волна верных защитников. Потом он лежал в кромешной тьме, слушая неистовую какофонию войны и победные крики и ощущая мягкие лапки своих освободителей, метавшихся рядом с ним в круговерти битвы.

Наконец страх и усталость смежили ему веки, и, вновь открыв глаза, он увидел довольно странную картину. Гигантский сверкающий диск Земли, раз в десять больше видимой нами Луны, в всполохах тревожного сияния появился над лунным горизонтом, и по всему пространству сумрачного плато до самых зубчатых хребтов вдали раскинулось безбрежное море стройных рядов кошек. Колонна за колонной они шли и шли к нему, и их вожаки лизали ему лицо и добродушно и успокаивающе мурлыкали. Картер не видел ни убитых рабов, ни жабообразных, хотя потом ему почудилось, будто в прогале между ним и отрядами пушистых воинов мелькнула обглоданная косточка.

Картер завел беседу с вожаками на кошачьем языке и узнал, что в здешних краях хорошо известна его старинная дружба с этим племенем и о нем часто вспоминали в местах кошачьих сборищ. Его заметили и в Ултаре, когда он там появился, и старые лоснящиеся коты вспомнили, как ласково он с ними обошелся после того, как они расправились с голодными зугами, бросавшими злобные взгляды на черного котенка. И еще они вспомнили, как приласкал он того самого черного котенка, который пробрался к нему в харчевню, и как утром перед своим уходом он дал ему блюдо жирных сливок. Дед того самого котенка был главнокомандующим собравшейся здесь армии, ибо он первым с дальней горы узрел страшную процессию и тотчас узнал в узнике дражайшего друга своих соплеменников как на Земле, так и в сновидческом мире.

С далекой горы донесся кошачий вопль, и старый вожак резко оборвал свою речь. Там, на высочайшем горном пике находился один из передовых форпостов кошачьей армии, откуда дозорные вели наблюдение за приближающимися врагами земных котов – необычайными исполинскими котами с Сатурна, которых по непонятной причине влекло к темной стороне Луны. Они были связаны тайным союзом с мерзкими жабоподобными и чрезвычайно враждебно относились к земным котам, так что предстоящая встреча не предвещала ничего хорошего.

После краткого военного совета коты выстроились в боевые порядки, окружив Картера оборонительными рядами, и приготовились совершить небывалый прыжок сквозь космическое пространство обратно на крыши земных домов. Старый фельдмаршал пообещал Картеру бережно и без лишних усилий доставить его обратно на Землю в гуще мягких пушистых прыгунов и объяснил, как надо оттолкнуться ногами вместе с остальными и совершить мягкую посадку на Землю также одновременно с остальными. Он также предложил доставить его в любую нужную ему точку, и Картер выбрал город Дайлат-Лин, откуда унесла его черная галера, ибо он возжелал уплыть оттуда к Ориабу и найти вырезанное на склоне горы Нгранек изображение, а также наказать горожанам более не вести торговлю с черными галерами, если, конечно, эту торговлю можно разумно и обоснованно пресечь. Потом по сигналу все коты изящно прыгнули, и их друг оказался очень удобно зажатым между их пушистыми боками; а тем временем в черной пещере на богомерзкой вершине лунных гор напрасно дожидался своей добычи ползучий хаос Ньярлатотеп.

Полет котов через космическое пространство был стремительным, и, находясь в гуще своих пушистых друзей, Картер на этот раз не увидел безмерную черную бесформенную массу, пляшущую, скачущую и кружащуюся в бездне. Не успев вполне осознать, что с ним произошло, он вновь оказался в знакомой комнате в дайлат-линской харчевне, и

друзья-коты стайками незаметно выпрыгнули в окно. Старый вожак из Ултара покинул его последним, и, когда Картер пожал ему на прощание лапу, сказал, что должен вернуться домой до первого петушиного крика. С рассветом Картер спустился вниз и узнал, что с момента его исчезновения прошла целая неделя. Но ему оставалось ждать еще две недели до прибытия корабля, направлявшегося в Ориаб, и в продолжение этого времени он подробно рассказывал горожанам все, что ему стало известно о нечестивых черных галерах и об их нечестивых хозяевах. Многие ему поверили, но местные ювелиры очень ценили огромные рубины и не решились прекратить торговлю с большеротыми купцами, так что если с Дайлат-Лином и случится нечто ужасное по причине продолжающейся торговли, то это будет не вина Картера.

А через неделю долгожданный корабль прошел мимо черного вельса и высокого маяка, и Картер с радостью увидел команду нормальных людей во главе с седым капитаном в шелковом костюме, и свежеекрашенные борта, и желтые треугольные паруса. Корабль доставил груз душистой смолы из лесов Ориаба и хрупкие керамические сосуды, вылепленные гончарами Бахарны, и странные фигурки, вырезанные из древней нгранекской лавы. За эти дары им платили ултарской шерстью, и переливчатыми хатхегскими тканями, и резными поделками из слоновой кости, которые изготавливают чернокожие ремесленники за рекой в Парге. Картер договорился с капитаном, чтобы тот взял его пассажиром до Бахарны, и его предупредили, что путешествие займет десять дней. Всю неделю он провел в беседах с капитаном из Нгранека и узнал, что немногие видели резной лик на горном склоне и что в основном путешественники довольствуются темными преданиями, услышанными от стариков и собирателей лавы и ваятелей из Бахарны, а уж потом, вернувшись домой, уверяют, будто сами видели этот лик воочию. Капитан даже сомневался, что вырезанный на горе лик видел хоть один из ныне живущих, ибо дальняя сторона Нгранека необычайно труднодоступная, безжизненная и зловещая, и ходят слухи о неких пещерах близ горного пика, где обитают ночные призраки. Капитан, правда, не стал уточнять, как выглядят тамошние ночные призраки, ибо эти копытные чудища неизменно являются в снах тем, кто слишком часто о них размышляет. А потом Картер принялся расспрашивать капитана о неведомом Кадате в холодной пустыне и о чудесном предзакатном городе, но добрый человек откровенно признался, что ничего о них не знает.

Наконец на рассвете в час отлива Картер покинул Дайлат-Лин и напоследок увидел, как первые солнечные лучи заиграли на тонких граненых башнях мрачного базальтового города. Два дня они плыли к востоку, не теряя из виду зеленые берега, и часто им на пути попадались симпатичные рыбацкие поселки, чьи красные черепичные крыши и печные трубы карабкались по крутым склонам гор от старых сонных пирсов и песчаных пляжей, на которых сушились старые сети. Но на третий день, когда они резко свернули к югу и волнение на море усилилось, земля совсем скрылась из виду. На пятый день матросы заволновались, но капитан извинился за их малодушие, объяснив, что кораблю предстояло пройти мимо поросших водорослями стен и рухнувших колонн затонувшего города, о котором даже и воспоминаний не осталось, но в тихую погоду на глубине можно разглядеть множество движущихся теней, отчего простой народ это место недолюбливает. Он также сказал, что в этих местах исчезло немало кораблей, которые получали сигнал с острова, но потом никто их больше не видел.

В ту ночь луна светила особенно ярко, и от нее по воде бежала широкая серебристая дорожка. Ветер совсем утих, и корабль едва двигался, а на океане воцарился полный штиль. Глядя через борт, Картер заметил на огромной глубине внизу купол дивного храма, а перед ним целую вереницу неведомых сфинксов, тянущуюся к бывшей рыночной площади. В каменных руинах весело сновали дельфины, и неуклюжие морские свиньи иногда всплывали на поверхность и выпрыгивали из воды. Через некоторое время ровное дно океана вздыбилось горами, и можно было разглядеть древние улицы, бегущие вверх-вниз по горным склонам, и выбеленные стены множества домишек.

Потом показался пригород и, наконец, – одинокое здание на холме, более простой архитектуры, нежели соседние строения, и куда лучше сохранившееся. Оно было темным и низким, все испещренное диковинными круглыми окошками и располагалось по периметру площади с высокими башнями в каждом углу и мощеным двором в центре. Возможно, оно было сложено из базальта, впрочем, почти все его стены поросли водорослями; и эту одинокую импозантную постройку на вершине дальней горы можно было принять за храм или монастырь. Диковинные светящиеся рыбы, заплывавшие внутрь, освещали его окошки неясным сиянием, и Картер понял, что вызывало у матросов такой страх. А потом в жидком лунном свете показался странный высокий монолит в центре двора, и Картер увидел, что к нему что-то привязано. Попросив у капитана подзорную трубу, он разглядел, что к монолиту привязан ориабский матрос в шелковом платье; голова его свесилась вниз, глаз не было вовсе; и, когда поднявшийся ветер быстро помчал корабль прочь от этого проклятого места, Картер искренне возрадовался.

На следующий день они встретили корабль с фиолетовыми парусами, который держал курс на Зар, в край позабытых снов, и имел на борту диковинный груз разноцветных лилий. А к вечеру одиннадцатого дня плавания они увидели остров Ориаб и Нгранек, взметнувший в небо свой зубчатый снежный пик. Ориаб – огромный остров, а его порт Бахарна – большой шумный город. За выложенными из порфира причалами Бахарны величественными каменными террасами поднимается город со ступенчатыми улицами, над которыми нередко высятся арки домов и мосты между домами. Под городом протекает широкий канал в туннеле с гранитными воротами; воды канала бегут в глубь суши к озеру Ят, на чьем дальнем берегу лежат кирпичные руины древнего города, имя которого никто не помнит. Когда корабль под вечер вошел в гавань, его приветствовало яркое сияние двойного маяка Тона и Тала, и в бесчисленных бахарнских окнах один за другим тихо вспыхивали, точно звезды на небе, ласковые огоньки, и скоро этот горный порт превратился в огромное созвездие, висящее между небесными звездами и их зыбким отражением в сонной гавани.

После того как корабль бросил якорь, капитан пригласил Картера в свой небольшой дом на берегу Ята, на городской окраине, и его жена и слуги, к радости утомленного путешественника, поставили на стол диковинные аппетитные яства. В последующие дни Картер во всех тавернах и на площадях, куда приходили собиратели лавы и ваятели, расспрашивал про предания и легенды о Нгранеке, но не встретил никого, кто побывал бы на высоких склонах и видел бы вырезанный в скале лик. Нгранек был неприступной горой, за которой лежала проклятая долина, да и, кроме того, никто не был уверен в том, что ночные призраки – всего лишь плод вымысла.

Когда капитан отправился обратно в Дайлат-Лин, Картер разместился в старой таверне на ступенчатой улице в древней части города, выстроенной из кирпича и напоминавшей руины на дальнем берегу Ята. Тут он составил свой план восхождения на Нгранек, учтя все рассказы собирателей лавы о тамошних тропинках. Хозяин таверны был седым стариком и знал так много старых преданий, что оказался весьма полезен Картеру. Он даже привел Картера в верхнюю комнату своего старинного дома и показал ему дурно написанную картину, которую некий путешественник прикрепил к глинобитной стене еще в те стародавние времена, когда люди были отважнее и охотнее совершали восхождения на верхние пределы Нгранека. Прадед старика – хозяина харчевни слышал от своего прадеда, что путешественник, прикрепивший эту картину к стене, самолично забрался на Нгранек и видел вырезанный на скале лик и запечатлел его на холсте, дабы другие могли его увидеть. Но у Картера на этот счет возникли сильные сомнения, ибо крупные черты лица были нарисованы поспешно и небрежно, да и почти полностью скрывались за сонмом мелких фигур с рогами, крыльями, клыками и спирально завитыми хвостами, чьи изображения выказывали полное отсутствие у художника вкуса.

Наконец, собрав в тавернах и на площадях Бахарны все полезные сведения, Картер нанял зебру и в одно прекрасное утро выехал по дороге вдоль берега Ята в направлении высящихся каменных башен Нгранека. Справа тянулись бесконечные холмы, приятные сады и аккуратные крестьянские домишки, и этот край напомнил ему тучные поля по берегам Скай. К вечеру он приблизился к безымянным древним руинам на дальнем берегу Ята, и, хотя собиратели лавы наказали ему не останавливаться там на ночлег, он привязал свою зебру к диковинной каменной колонне перед рухнувшей стеной и положил одеяло на землю под каким-то барельефом непонятного содержания. Картер завернулся в другое одеяло, ибо ночи на Ориабе чрезвычайно холодны, а когда проснулся во тьме, то вдруг почувствовал на лице мягкое прикосновение крылышек какого-то насекомого, после чего поплотнее завернулся с головой и мирно проспал до первых криков птиц мага в дальнем смолоносном лесу.

Солнце только что показалось над гигантским склоном горы, где к берегу Ята сбегали бесчисленные каменные фундаменты и древние стены, треснувшие колонны и пьедесталы. Картер стал озиаться в поисках своей зебры. Каково же было его изумление, когда он увидел несчастное животное распостертым на земле у колонны, к которой он его привязал, и еще более удивился, увидев, что копытное мертво, а вся его кровь выпита сквозь крохотную ранку на горле. Кто-то рылся в его узлах, откуда исчезло несколько блестящих безделушек, а весь песок вокруг был испещрен многочисленными, как бы птичьими, следами, которые не принадлежали ни одному из известных ему животных. Тут ему на ум пришли рассказы собирателей лавы, и он вспомнил о легких прикосновениях к лицу ночью. Потом он взвалил тюк на плечи и двинулся к Нгранеку и, когда дорога зазмеилась по древним руинам, содрогнулся при виде гигантского зева арки в стене старинного храма и ступеней, ведущих в кромешную тьму, в которой ничего нельзя было различить.

Теперь путь Картера лежал в гору по нехоженой лесистой местности, и он встречал лишь лачуги угольщиков да места стоянок собирателей смолы. Воздух был напоен благоуханием, и птицы мага беспечно распевали песни, подставляя солнцу свое

семицветное оперение. Ближе к закату путник наткнулся на очередной лагерь собирателей лавы, возвращающихся с набитыми мешками от нижних склонов Нгранека. Картер подсел к ним и стал жадно внимать их песням и рассказам и даже подслушал, как они шептались о пропаже одного из своих компаньонов. Несчастный забрался слишком высоко, привлеченный россыпью чудесных лавовых камней, и к вечеру не вернулся к своим товарищам. Когда же на следующий день они отправились его искать, то нашли лишь его тюрбан, но внизу в пропасти не обнаружили никаких следов его падения. Они прекратили поиски, ибо находившийся среди них старик сказал, что это бесполезно. Никто так и не понял, что стащили ночные призраки, хотя самый факт существования этих тварей был столь сомнительным, что многие полагали их плодом фантазии. Картер поинтересовался, не пьют ли ночные призраки кровь, и не любят ли блестящие предметы, и не оставляют ли они следы, похожие на птичьи, но его собеседники в ответ лишь отрицательно покачали головами: похоже, его вопросы нагнали на них страху. Видя, что страх запер их рты на замок, Картер перестал задавать вопросы и, завернувшись в одеяло, крепко уснул.

На следующий день он встал вместе с собирателями лавы; распрощавшись, они уехали на запад, а он – на восток, оседлав купленную у них зебру. Старики благословили его, дав много добрых советов, и предупредили, что лучше ему не взбираться слишком высоко на Нгранек. Картер их сердечно поблагодарил, но ни в малейшей степени не изменил своего первоначального намерения. Ибо велико было его искушение найти богов на неведомом Кадате и узнать у них путь к чудесному и неотступно манящему городу на закате. К полудню после долгого восхождения он вышел к заброшенному кирпичному поселку горцев, которые некогда обитали здесь совсем близко от Нгранека и вырезали идолов из мягкой горной лавы. Они жили здесь еще при жизни деда хозяина харчевни, но уже в ту пору поняли, что их присутствие кому-то не по нраву. Их хижины постепенно взбирались все выше по склону горы, и чем выше они строили свои новые жилища, тем больше односельчан недосчитывались с первыми лучами солнца. Наконец они почли за лучшее совсем покинуть эти места, ибо порой во мраке ночи кому-то виделись малоприятные и малопонятные предметы, так что в конце концов все они спустились к морю и поселились в Бахарне, обосновавшись в старинном квартале и обучая своих сыновей древнему искусству идолотворения, коим до сего дня они владеют в совершенстве. Именно от отпрысков изгнанных горцев Картер, блуждая по старым тавернам Бахарны, и услышал самые захватывающие легенды о Нгранеке.

Все это время гигантская призрачная стена Нгранека – по мере приближения к ней Картера – поднималась все выше и выше. Внизу он встречал редкие деревья, потом пошли чахлые кустики, а потом в небо вонзился голый чудовищный утес, точно призрак, объятый морозом и льдами и вечными снегами. Картер видел устрашающие разломы и зубчатые гребни каменного исполина, но не отвергал мысль о покорении его вершины. Местами он встречал застывшие лавовые потоки и горы вулканического шлака на скальных откосах и уступах. Давным-давно, еще прежде чем боги исполнили свой первый танец на этой горе, здесь бушевал огонь и грохотали потаенные громы. А теперь этот пик высился молчаливо и грозно, тая на своем скрытом от посторонних глаз склоне титанический лик, о котором ходило так много слухов. В этой горе было множество пещер,

возможно, пустых, где обитала одна лишь крошечная тьма, а может быть – если верить легендам, – таились ужасы, превосходящие даже самые смелые фантазии.

Дальше дорога пошла вверх к подножию Нгранека, поросшему низкорослыми дубками и ясенями, и повсюду земля была покрыта обломками скал, слоем лавы и древнего пепла. Повсюду виднелись обугленные кострища прежних стоянок собирателей лавы и несколько грубых алтарей, которые они наспех сложили, дабы умиловить Великих либо же отпугнуть воображаемых обитателей высоких перевалов и пещер Нгранека. Под вечер Картер достиг самого дальнего кострища и решил заночевать здесь, привязав зебру к деревцу и поплотнее завернувшись в одеяло. Всю ночь где-то далеко-далеко на берегу некоего потаенного водоема глухо ухал вунит, но Картер не страшился этого водоплавающего чудовища, ибо его заверили, что эти твари не отваживаются приближаться к склонам Нгранека.

Едва забрезжил рассвет, как Картер начал долгое восхождение, решив ехать верхом на зебре, пока это полезное копытное сможет карабкаться по горным кручам, но, когда лесистый склон стал слишком крутым, он привязал животное к ясеню, после чего продолжил путь наверх в одиночестве. Сначала он двигался через лес, минуя останки покинутых деревень в давно заросших вырубках, а потом по высоким травяным коврам с чахлыми кустами. Он пожалел, что удалился от деревьев, ибо склон был довольно крутой и у него уже начала кружиться голова. Наконец, оглядываясь назад, он стал различать далеко внизу покинутые поселения каменотесов, рощи смолосодержащих деревьев и заброшенные лагеря собирателей смолы и леса, где обитали звонкоголосые и радужноперые птицы мага, и уж совсем далеко – полосу берега Ята и неприступные древние руины города с позабытым названием. Он счел за благо не вертеть головой и продолжал восхождение до тех пор, пока кусты не поредели и ему, дабы удержать равновесие, не пришлось цепляться за тучные травы.

Потом трава стала редеть, и его подошвы то и дело натыкались на острые обломки камней и гнезда кондоров в узких расщелинах. Наконец его глазам предстали голые скалы, и, если бы они не были все покрыты трещинами и уступами, он не смог бы продолжать восхождение. Каменные отростки, уступы, выбоины служили скалолазу подспорьем, и ему было в радость замечать следы отчаянных собирателей лавы, поскользнувшихся на ломких камнях, и делать вывод, что когда-то до него в этих местах побывали люди. Еще выше о присутствии человека говорили высеченные в самых труднодоступных местах ступеньки, а также небольшие раскопы, в недрах которых обнаруживались редкие жилы или лавовые потоки. В одном месте была искусно вырублена узкая щель, ведущая к чрезвычайно богатым залежам далеко правее от основного маршрута. Один или два раза Картер отважился оглядеться, и представший его взору ландшафт поразил его до глубины души. Он увидел весь остров, протянувшийся между ним и морским побережьем, с каменными террасами Бахарны и призрачным дымом из труб вдалеке. А за городом виднелось бескрайнее Южное море, таящее множество неразгаданных загадок.

До сих пор его тропа вилась зигзагом по горе, так что дальний склон с высеченным ликом был все еще скрыт от его взора. Но теперь Картер увидел выступ, бегущий вверх и влево, который, похоже, указывал ему верный путь, он и отправился этим маршрутом в

надежде, что выйдет в нужное место. Минут через десять он увидел, что это и впрямь не тупик, потому что дорога круто взбиралась вверх к арке, которая, если только там не было глухой стены, через несколько часов тяжкого пути могла вывести его к неведомому южному склону, выходящему на безлюдные утесы и проклятую лавовую долину. Когда перед его взором раскинулся новый ландшафт, он отметил, что здешние места куда более мрачны и дики, нежели те, которые он ранее преодолел. Да и горный склон выглядел совсем по-другому, весь изрезанный угрюмыми трещинами и пещерами, не попадавшимися ему на прямой дороге, с которой он недавно свернул. Иные из этих каменных шрамов зияли над ним, иные под ним, и все они тянулись к почти перпендикулярным утесам, где еще не ступала нога человека. Стало холодно, но восхождение давалось так трудно, что Картер даже и не заметил перемену температуры. Его беспокоила лишь пугающая угрюмость пейзажа, и он подумал, что в силу именно этого обстоятельства прочие путешественники сторонились здешних мест и вдохновлялись на совершенно нелепые рассказы про ночных призраков, чьими злодеяниями они и объясняли исчезновение тех отважных скалолазов, которые срывались с непроходимых горных круч в ущелья. Эти предания не слишком-то пугали его, но на всякий случай он вооружился острым ятаганом. Все же прочие мысли были заглушены неодолимым желанием увидеть высеченный на скале лик, который мог указать ему верный путь к обители богов на вершине неведомого Кадата.

Наконец одолев жуткие льдистые пределы горной вершины, он оказался на противоположном склоне Нгранека и увидел в бесконечных безднах внизу небольшие утесы и девственные поля застывшей лавы – приметы стародавнего гнева Великих. Перед его взором также раскинулась огромная равнина в южной стороне, но то была голая пустыня без малейшего намека на уютные поля или сельские домики, которая тянулась к самому горизонту. На этой стороне он не увидел моря, ибо Ориаб – гигантский остров. Нагие вертикальные утесы были испещрены черными зевами пещер и причудливыми расщелинами, но туда ему было не добраться. Прямо у него над головой нависла каменная глыба, застывшая ему обзор, и Картера на мгновение посетило сомнение, не станет ли она для него неприступной преградой. Стоя на продуваемой всеми ветрами скале в нескольких милях над уровнем моря, где с одной стороны его поджидали разверстая бездна и смерть, а с другой лишь теснились скользкие скалы, он вдруг на мгновение ощутил прилив того самого страха, что отвращал людей от невидимого склона Нгранека. Но он уже не мог повернуть назад, ибо солнце стояло низко. Если дальше дороги нет и путь наверх ему заказан, то ночь придется провести тут, свернувшись калачиком, и неизвестно, доведется ли ему увидеть рассвет...

Но путь все же был – он обнаружил его очень своевременно. Только очень опытный сновидец мог бы воспользоваться столь узкими ступеньками, но Картеру их оказалось достаточно. Вскарabкавшись на отрог скалы, он понял, что идущий дальше склон одолеть куда легче, чем все предыдущие отрезки пути, ибо от таяния огромного ледника осталась довольно широкая полоса глинистой почвы и каменных выступов. Слева крутая стена горы резко обрывалась в неведомые бездны, и на недостижимой высоте он заметил чернеющий зев пещеры... С другой же стороны гора уходила вверх косою стеной, оставляя путешественнику достаточно места для отдыха.

Судя по холодному дуновению сверху, можно было предположить, что, вероятно, уже совсем близка область вечных снегов, и он устремил взгляд вверх, чтобы отыскать заснеженную вершину, сверкающую в багровых лучах закатного солнца. И точно, в тысячах футов над головой он увидел снег, а прямо под ним резкий абрис тяжело нависшего отрога, похожего на тот, какой он только что преодолел. И, увидев этот отрог, он задохнулся, и громко вскричал, и в благоговейном порыве схватился за щербатую каменную стену, ибо исполинский скальный вырост явно изменился с той поры, как на заре земной истории его изваяла природа, и теперь в лучах заходящего солнца подернулся багрянцем, полыхавшим на отполированных чертах вырубленного в камне божественного лика.

Ужасным и грозным казался этот резной лик, озаренный всполохами закатного солнца. Его исполинские размеры были непостижимы, но Картер тотчас понял, что человек никогда бы не сумел высечь в камне ничего подобного. Это было изображение бога, высеченное руками богов, и его очи надменно и гордо взирали с высоты на искателя. Предания утверждали, что каменный лик настолько необычен, что его нельзя ни с чем спутать, и Картер понял, что предания не лгали, ибо длинные узкие глаза, и длинные мочки ушей, и тонкий нос, и выпяченный подбородок – все выказывало принадлежность к роду не человеческому, но божественному.

От созерцания грозного высокогорного тайника Картера сковал благоговейный ужас, хотя именно это он и ожидал увидеть, и за этим пришел; ибо лик бога исполнен большего чуда, нежели можно предположить, и когда божественный лик размерами превосходит самый большой храм, и когда видишь его очи, устремленные вниз на закатное солнце с объятых таинственным безмолвием высот того горного мира, из чьей черной лавы он был божественным промыслом изваян в стародавние времена, зримое чудо столь велико, что никто не в силах избежать его мистического воздействия.

А тут еще добавилось и чудо узнавания, ибо, хотя Картер и намеревался исходить весь край снов в поисках тех, чье сходство с этим ликом могло бы выдать в них детей бога, он теперь осознал, что в этом нет никакой необходимости. Вне всякого сомнения, в вырубленном на скале исполинском лике ничего необычного не было, и своими чертами он сильно напоминал тех, кого Картер часто встречал в тавернах морского порта Селефаис, что лежит в Оот-Наргае за Танарианскими горами и где правит царь Куранес, кого Картер некогда знал еще по явному миру. Каждый год матросы с похожими лицами прибывали на черных кораблях с севера выменивать свой оникс на нефритовые поделки и золотую проволоку да красных певчих пташек из Селефаиса, и теперь ему было ясно, что они-то и есть полубоги, которых он ищет. А рядом с теми местами, откуда они родом, наверняка и лежит холодная пустыня, где находится неведомый Кадат и ониксовый замок Великих, так что надо идти в Селефаис, а это далеко от острова Ориаба, и ему вновь придется вернуться в Дайлат-Лин и вновь пройти вверх по течению Скай к мосту Нир, и вновь войти в Зачарованный лес зугов, откуда его путь будет лежать на запад через сады Украноса к позолоченным шпилям Трана, где ему предстоит найти галеон, направляющийся к Серенарианскому морю.

Сгустились сумерки, и теперь, подернутый мраком, резной лик приобрел еще более суровое выражение. Ночь нашла путника примостившимся на каменном выступе, и в

крошечном мраке он не мог ни карабкаться вверх, ни спуститься вниз. Ему оставалось лишь стоять на узком перешейке, плотно прижавшись к скале, зябко ежиться и дожидаться рассвета, стараясь не уснуть, ибо стоило ему во сне оторвать ладони от каменной стены, как он сорвался бы с узкого выступа и упал с головокружительной многомильной высоты на острые утесы и скалы проклятой долины. Высыпали звезды, но кроме них его глаза увидели лишь чреватую смертью черную бездну, чьему манящему призыву он мог воспротивиться, лишь еще крепче вцепившись руками в каменную стену, и подальше отступить от незримого края. Последней земной тварью, представшей его глазам, был кондор, паривший над ущельем в западной стороне, почти рядом с ним, который при приближении к разверстому черному зеву пещеры с испуганным криком улетел прочь.

И вдруг Картер почувствовал, как чья-то невидимая рука легко вынула у него из-за пояса ятаган. Потом он услышал, как клинок со звяканьем покотился вниз по скалам. И ему почудилось, будто между ним и Млечным Путем возникло какое-то омерзительно тонкое, рогатое и хвостатое существо с крыльями, как у летучей мыши. А в западной части неба какие-то тени закрыли звезды, словно из неприступной пещеры высоко на дальнем склоне горы безмолвно вылетела стая диковинных крылатых тварей. Потом как будто холодная эластичная рука схватила Картера за шею, и что-то еще обхватило его за ноги, и неведомая сила подняла его в воздух и швырнула в пустоту. Еще мгновение – и звезды исчезли, и Картер понял, что стал добычей ночных призраков.

Они утащили его в черную пещеру на склоне голой скалы и поволокли по чудовищным внутренним лабиринтам. Поначалу, скорее, инстинктивно, он пытался сопротивляться, и тогда они принялись его щекотать, не издавая при этом ни звука, и даже их перепончатые крылья не зашелестели. Они были пугающе холодными, мокрыми и скользкими, а каждое прикосновение их мерзких лап заставляло Картера содрогаться. Вскоре они провалились в непостижимую бездну, завертевшись головокружительной тошнотворной спиралью в могильном холоде, и Картер почувствовал, что их вот-вот подхватит запредельный вихрь истошных воплей и демонического безумия. Он стал было кричать, но, как только издавал крик, черные лапы принимались его щекотать с изощренно-мучительной лаской. Потом над головой появилось серое сияние, и Картер догадался, что они приближаются к сугубому миру подземных кошмаров, о котором ему доводилось слышать невнятные легенды и который освещен лишь бледным смертным огнем, где носится трупный воздух и клубятся первобытные туманы земного ядра.

Наконец далеко внизу обозначились бледные очертания серых гигантских вершин, которые, как он сразу понял, были легендарными пиками Трока. Ужасные и зловещие, они высились в мрачном колодце бессолнечной вечной бездны, вздымаясь выше, чем дано постичь человеку, стоя на страже ужасных долин, где ползают и роют свои норы отвратительные долы. Но Картер предпочел бы глядеть на них, а не на своих похитителей – отвратных черных тварей с гладкими, лоснящимися, точно китовая кожа, боками, мерзкими изогнутыми внутрь рогами, с перепончатыми, беззвучно хлопающими крыльями, с уродливыми цепкими лапами и колючими хвостами, которыми они то и дело угрожающе щелкали, точно бичами. И самое ужасное, что они не проронили ни звука, ни смешка и даже не улыбнулись, ибо у них вместо лиц было лишь блеклое пятно. За все

время полета они лишь беззвучно махали крыльями, крепко сжимали его и щекотали – ибо таковы повадки ночных призраков.

По мере того как стая снижалась, серые пики Трока становились все выше и обступали их плотнее со всех сторон, и сразу было видно, что на этих мрачных гранитных глыбах в краю вечных сумерек никто не живет. В более низких пределах заплясали языки смертного огня и разверзлась абсолютная черная бездна, только в выси виднелись неясные очертания тонких пиков, похожих на гоблинов. Вскоре и пики остались далеко, и Картер уже ничего не ощущал, кроме свистящего ветра, овейного влажным смрадом адских гротов. Наконец ночные призраки сели на незримый пол, усеянный какими-то невидимыми предметами, похожими на кости, и Картер остался один в черной долине. На этом закончилась миссия ночных призраков, сторожей неприступного Нгранека, и они беззвучно улетели прочь. Картер попытался было проследить их полет, но не смог, ибо даже пики Трока исчезли из виду. Вокруг была лишь крошечная тьма, и ужас, и безмолвие, и кости...

Теперь Картер понял, что находится в долине Пнота, где ползают и роют норы исполинские долы, но он не знал, чего теперь ожидать, потому что никому из людей не доводилось прежде видеть долов, и никто даже не догадывался, что собой представляют эти твари. О долах известно лишь по невнятным легендам: об их присутствии можно догадаться только по шелесту, который они издают, двигаясь между холмов костей, да по липкому прикосновению, когда они проползают мимо. Их нельзя увидеть, потому что они ползают лишь в крошечной тьме, но Картеру и не хотелось встречаться с долом, так что он чутко вслушивался во тьму, пытаясь распознать малейший звук среди безбрежного поля костей вокруг. Даже в этом страшном месте он определил для себя план и цель, ибо многим из тех, с кем ему доводилось беседовать раньше, хоть что-то да было известно о Пноте. Кратко говоря, это вроде бы было то самое место, куда все упыри явного мира сбрасывают объедки своих пиршеств, и, если ему улыбнется удача, он сможет найти огромный утес, вознесшийся даже выше пиков Трока, который отмечает рубеж их владений. А направление поисков укажет ему сброшенная сюда новая порция костей, и, найдя нужный утес, он сумеет окликнуть упыря и попросит сбросить ему веревочную лестницу, ибо, как ни странно, между ним и этими ужасными тварями существовала удивительная связь.

В Бостоне он знал одного человека – художника, писавшего причудливые полотна в укромной студии в старинном мрачном переулочке близ кладбища, – который подружился с упырями и научил Картера понимать простейшие фразы их с отвратительного визгливого лопотания. Этот художник в конце концов куда-то исчез, и Картеру почему-то подумалось, что именно здесь он сумеет его найти и впервые за все время пребывания в сновидческом мире воспользуется давним английским языком своей прежней жизни наяву. Во всяком случае, ему казалось, что он сумеет убедить упырей вывести его из Пнота, так что лучше уж встретить тут упыря, которого хотя бы можно рассмотреть, чем дола, которого видеть не дано никому.

Итак, Картер двинулся во тьме, и, когда ему почудился какой-то шорох среди костей, он перешел на бег. Один раз он наткнулся на каменный склон и понял, что это, скорее всего, подножие пиков Трока. Потом он услышал чудовищный грохот высоко наверху и понял,

что подошел к утесу упырей. Он, однако, усомнился, что упыри услышат его голос с вершины утеса, которую от него отделяли многие мили, но ведь ему было известно, что в подземном мире свои особенные законы. Пока он об этом размышлял, падающая кость ударила его, да так сильно, точно это был целый череп. Теперь-то, зная наверняка, что он стоит у судьбоносного утеса, Картер, собравшись с силами, издал протяжный визг – призывный клич упырей.

Звук летит медленно, так что прошло немало времени, прежде чем он услышал ответное лопотание. Но все же он его услышал, и вскоре ему сообщили, что сейчас сбросят веревочную лестницу. Он ждал ее с тревожным нетерпением, ибо не знал, какую мерзкую тварь, притаившуюся в горах костей, мог потревожить его крик. И действительно, очень скоро до его ушей донеслось тихое шуршание вдалеке. И по мере приближения этого пугающего шороха Картеру становилось все тревожнее, ибо ему не хотелось уходить с того места, куда должна была упасть спасительная лестница. Наконец нервное напряжение достигло предела, и он уже собрался в ужасе убежать, как вдруг что-то упало на кучу свеженаваленных костей и отвлекло его внимание от приближающегося шороха. Это была лестница, и после минутной борьбы с непослушной веревкой он крепко в нее вцепился. Но шорох не стихал и преследовал его, пока он лез наверх. Картер уже одолел футов пять, когда грохот внизу стал громче, и после того, как он поднялся еще футов на пять, кто-то стал сильно трясти снизу конец веревочной лестницы. На высоте в десять, а то и пятнадцать футов он почувствовал, как по его боку скользнуло что-то длинное, скользкое и извивающееся, которое становилось то выгнутым, то вогнутым... После чего он с утроенной силой стал карабкаться вверх, чтобы избежать нестерпимых прикосновений отвратного объевшегося дола, чей облик не может увидеть ни один из смертных.

Несколько часов он поднимался вверх, руки у него болели, ладони покрылись волдырями, и вот он вновь увидел серый смертный огонь и страшные пики Трока. Наконец он различил над своей головой нависший край огромного утеса упырей, чью отвесную стену он разглядеть не смог, но несколько часов спустя увидел диковинную морду, свесившуюся через край утеса, точно горгулья на соборе Парижской Богоматери. Картер едва не лишился чувств и не выпустил из рук веревочной лестницы, но через мгновение пришел в себя, ибо его пропавший друг Ричард Пикман однажды познакомил его с одним упырем, и он узнал эту собачью морду, неуклюжую фигуру и чудовищные повадки. Так что он сумел сохранить присутствие духа, когда ужасная тварь вытащила его из головокружительной бездны и перетащила через край утеса, и он не вскричал от ужаса при виде кучи обглоданных костей и сидящих кружком упырей, которые, не переставая жевать, вперили в него изумленные взоры.

Он находился на тускло освещенной равнине, покрытой редкими валунами и испещренной черными норами. Упыри отнеслись к нему уважительно, хотя кто-то из них и попытался его ущипнуть, а прочие оценивающе оглядели его исхудавшее тело. Воспользовавшись своими познаниями в их языке, он спросил их о своем пропавшем друге и узнал, что тот превратился в высокопоставленного упыря и обитал в безднах близ самых границ с явным миром. Зеленоватый старец упырь предложил перенести Картера к нынешнему местожительству Пикмана, так что, невзирая на естественное отвращение,

Картер последовал за чудовищем в нору и несколько часов полз следом за ним в вонючей тьме. Они выползли на равнину, где повсюду были разбросаны странные памятники земного мира – старые надгробия, сломанные кладбищенские вазы и обломки древних изваяний, – и Картер с волнением понял, что за все время своих скитаний по миру сновидений с того самого момента, как он одолел семьсот ступенек от пещеры огня к вратам Глубокого Сна, впервые оказался так близко к пределам явного мира.

И тут, на надгробии 1768 года, украденном с бостонского кладбища «Гранари», восседал упырь, ранее бывший художником Ричардом Аптоном Пикманом. Он был голым и скользким, и в чертах его лица появились настолько явные черты сходства с упырьим племенем, что его человеческое происхождение стало неопознаваемым. Однако он все еще немного помнил английский и смог вести беседу с Картером, употребляя простейшие слова и помогая себе то и дело упырьим лопотанием. Узнав, что Картер хочет добраться до зачарованного леса, а оттуда до города Селефаис в Оот-Наргае за Танарианскими горами, тварь глубоко задумалась, ибо упыри бодрствующего мира не промышляют на кладбищах верхнего сновидческого мира (оставляя их красноногим вампирам, обитающим в мертвых городах), и на пути между их владениями и зачарованным лесом таится много опасных препятствий, в том числе и ужасное царство гугов.

Гуги, волосатые гиганты, некогда воздвигли те самые крути из камней в лесу и принесли ужасные жертвы Иным богам и ползучему хаосу Ньярлатотепу, но вот однажды ночью их отвратительные стенания достигли ушей земных богов, и их изгнали в подземные пещеры. Лишь одна потайная каменная дверь с железным кольцом связывает владения земных упырей с зачарованным лесом, и ее-то гуги и опасаются открывать из-за ниспосланного на них проклятия. И просто непостижимо, что смертный сновидец смог вторгнуться в их тайные пределы и обнаружить эту дверь, ибо смертные сновидцы служили прежде им пищей, и они до сих пор помнят рассказы об аппетитном вкусе таких сновидцев, хотя изгнавшие гугов боги ограничили их диету ужасными гастами – омерзительными тварями, которые умирают на свету, живут в подземных склепах Зина и передвигаются по-кенгуриному, прыгая на длинных задних ногах.

Итак, упырь, ранее бывший Пикманом, посоветовал Картеру либо выйти из бездны близ Саркоманда, заброшенного города в долине под Ленгом, где из мира сновидений к нижним пределам ведут черные смрадные лестницы, которые сторожат крылатые львы, либо вернуться через церковный двор в бодрствующий мир и начать свой поиск заново, спустившись по семидесяти ступенькам неглубокого сна к пещере огня и затем к семистам ступенькам, ведущим к вратам Глубокого Сна и к зачарованному лесу. Но это нашего путника не устраивало, ибо он не знал дорогу от Ленга к Оот-Наргаю и равно не испытывал желания пробуждаться, дабы не позабыть всего того, что он узнал в этом сне. Забвение величественных и божественных лиц тех моряков с севера, которые торговали ониксом в Селефаисе и которые, будучи сынами богов, могли указать ему дорогу к холодной пустыне и к Кадату, где обитают Великие боги, имело бы катастрофические последствия для его поиска.

После долгих уговоров упырь согласился провести своего гостя за великую стену царства гугов. У Картера была одна лишь возможность проскользнуть в сумеречные пределы круглых каменных башен – в час, когда гиганты, наевшись досыта, будут храпеть

внутри, он сумеет добраться до центральной башни со знаком Кота и до лестницы в ней, которая ведет к потайной каменной двери в зачарованном лесу. Пикман даже согласился отрядить ему в помощь трех упырей, чтобы те помогли ему могильным ломом поднять каменную дверь, ибо гуги побаивались упырей и частенько при виде этих тварей, пожирающих мертвецов, улетали прочь.

Он также посоветовал Картеру самому переодеться упырем – сбрить отросшую бороду (ибо у упырей бороды нет), вывалиться голым в глине, чтобы придать телу соответствующий вид, и ходить типичной для упырей неуклюжей походкой, а одежду нести в узелке, точно деликатес, только что выкопанный из могилы. Они доберутся по нужной норе до города гугов – которым и ограничено все их царство – и вылезут наружу на кладбище неподалеку от башни Кота, где и находится та самая лестница. Им только следовало опасаться большой пещеры близ кладбища, ибо то был вход в подземные склепы Зина, где коварные сторожа-гасты вечно поджидают пришельцев из верхних пределов дольней бездны, которые приходят охотиться на них. Гасты обычно появляются, когда гуги спят, и нападают на упырей, равно как и на гугов, ибо они не могут их различить. Это весьма примитивные твари, и они пожирают даже друг друга. Гуги выставляют часового в узком проходе в подземных склепах Зина, но он вечно дремлет на посту, а иногда его застают врасплох отряды гастов. Хотя гасты не переносят дневного света, они способны часами выдерживать сумерки дольней бездны.

Итак, в конце концов Картер пополз по бесконечным норам с тремя помощниками-упырями, прихватив с собой аспидное надгробие полковника Непемии Дерби, почившего в 1719 году и похороненного на сейлемском кладбище на Чартер-стрит. Когда же они вновь вынырнули в сумерки, то оказались в гуще поросших лишайниками гигантских монолитов, чьи верхушки терялись в выси, – то были скромные надгробия гугов. Справа от лаза, в который они протиснулись на поверхность, между рядами монолитов теснилась неисчислимая толпа циклопических круглых башен, устремивших свои вершины в бесконечность дольных пределов земли. Это был великий город гугов, где дверные проемы поднимаются в высоту на тридцать футов. Упыри часто навещают сюда, ибо один умерший гуг может в течение года кормить целый поселок упырей, и даже при всех опасностях, подстерегающих их тут, они предпочитают отрыть из могилы гуга, чем копать в людских могилах. Картер теперь понял, откуда взялись те исполинские кости, на которые он наткнулся, блуждая во тьме по долине Пнота.

Сразу за кладбищем вздымалась голая отвесная скала, у подножия которой зиял зев огромной страшной пещеры. Упырь предупредил Картера, чтобы он держался от нее подальше, ибо это был вход в мерзкие склепы Зина, где гуги во мраке охотятся на гастов. И верно, очень скоро это предупреждение подтвердилось, ибо один из упырей медленно приближался к башням – посмотреть, не настал ли час отдыха гугов, и тотчас из мрака исполинской пещеры сверкнула сначала одна пара красно-желтых глаз, потом другая, и это значило, что гуги лишились одного часового и что у гастов вправду отменно острое обоняние. Итак, упырь вернулся в нору и жестом приказал своим спутникам замолкнуть. Самое разумное было дать гастам возможность насладиться плодами победы, к тому же они, вполне вероятно, скоро должны были и вовсе уйти, ибо, естественно, они утомились после нападения на часового-гуга в мрачном склепе. Через мгновение какая-то тварь

размером с жеребенка выскочила в серые сумерки, и Картеру едва не стало дурно при виде этого гнусного зверя, чья морда странным образом имела сходство с человеческим лицом, несмотря на отсутствие носа, лба и прочих важных черт.

Потом еще три гаста выскочили из подземелья к своему соплеменнику, и упырь тихо пролопотал Картеру, что отсутствие на их теле боевых шрамов – дурной знак. Выходит, они и не вступали в битву с часовым, а просто прошмыгнули мимо него, пока тот спал, так что ни силы, ни ярости у них не убавилось и не убавится до тех пор, пока они не встретят и не уничтожат очередную жертву. Противно было смотреть на этих грязных и уродливых животных, число которых скоро приблизилось к пятнадцати. Они копались в земле и прыгали по-кенгуриному в серых сумерках близ исполинских башен и высоченных монолитов, но еще омерзительнее гасты становились в те мгновения, когда заговаривали друг с другом кашляющими горловыми выкриками. И все же, как ни отвратны они были на вид, куда ужаснее оказалось то, что внезапно вылезло следом за ними из пещеры.

То была лапа двух с половиной футов шириной с исполинскими когтями. За ней показалась другая лапа, а потом уже покрытая черной шерстью исполинская рука, с которой обе лапы были соединены короткими перешейками. Потом сверкнули два розовых глаза и появилась огромная, как бочка, голова разбуженного гуга-часового. Его глаза под костистыми выростами, покрытыми мохнатой щетиной, выпирали в стороны на два дюйма. Но самое отвратительное в этой голове была исполинская пасть. Из пасти торчали желтоватые клыки, а начиналась она от верхушки до самого низа головы, и раскрывалась вертикально, а не горизонтально.

Не успел жуткий гуг вылезти из своей берлоги и встать в полный двадцатифутовый рост, как коварные гасты налетели на него со всех сторон. Картер на мгновение перепугался, что часовой подаст сигнал тревоги и призовет сюда всех своих соплеменников, но упырь тихо сообщил ему, что гуги безголосы и общаются между собой лишь посредством мимики. Разразилась чудовищная битва. Разъяренные гасты бросались со всех сторон на ползающего гуга, сопя, ввинчивая в него свои рыла и осыпая его смертоносными ударами тяжелых и острых копыт. И они то и дело возбужденно кашляли и визжали, когда гуг время от времени впивался своей вертикальной пастью в одного из бойцов, так что шум боя, без сомнения, переполошил бы весь город, если бы слабеющий часовой не отступал все глубже и глубже в пещеру, увлекая за собой нападавших. Так что вскоре шум утих в подземном мраке, и лишь резкое гулкое эхо злобных воплей свидетельствовало о продолжающейся схватке.

Потом самый чуткий из упырей сигналом призвал остальных уходить, и Картер последовал за ковыляющей троицей, так что вскоре они вышли из леса монолитов и очутились на зловещей улице жуткого города, чьи циклопические каменные башни устремлялись вверх и терялись из виду. Они бесшумно прошли по мостовой, с омерзением вслушиваясь в приглушенный храп из темных дверных проемов – гуги спали. Понимая, что час отдыха близится к концу, упыри перешли на рысцу, но тем не менее путь им предстоял неблизкий, ибо расстояния в городе гигантов весьма и весьма приличные. Наконец они вышли на открытую площадь перед башней, что была куда больше прочих, и над ее колоссальным входом был укреплен чудовищный символ-барельеф, и от одного только взгляда на него невольная дрожь пробирала тело.

Эта была центральная башня со знаком Кота и огромными каменными ступенями, едва заметными в мрачном чреве башни, начиналась длинная лестница к верхнему уровню мира сновидений и к зачарованному лесу.

В крошечной тьме они двинулись вверх по лестнице, и из-за исполинского размера ступеней, выложенных для гигантов гугов, по ним было очень трудно подниматься, ведь каждая была в ярд высотой. Картер скоро потерял им счет, ибо очень быстро выбился из сил, и не знавшие усталости проворные упыри были вынуждены прийти к нему на подмогу. В продолжение всего бесконечного подъема их неотступно преследовал страх, как бы их не обнаружили и не пустились за ними в погоню, ибо хотя гуги и не рискуют поднимать каменную дверь в лесу из-за ниспосланного проклятия Великих, ни в башне, ни на лестнице им эта преграда не страшна, и беглых гастов очень часто настигали на этой лестнице – даже на самых верхних ступенях. Ибо у гугов настолько острый слух, что они могли услышать даже легкий шорох рук и ступней беглецов, и быстроногим гигантам, за время долгой охоты на гастов в подземных склепах Зина научившимся ориентироваться во мраке, не составляло труда схватить столь ничтожную и тихоходную жертву на этой циклопической лестнице. Картер с горечью размышлял о том, что безмолвные преследователи гуги могут подкрасться неслышно и внезапно, как вихрь, напасть во тьме на беглецов. И в этой угрюмой ловушке, где гуги имели несомненное преимущество, уповать на их привычный страх перед упырями было бессмысленно. Опасаться следовало и коварных и сторожких гастов, которые частенько проникали в башню во время отдыха гугов. Если гуги проспят долго, а гасты быстро вернутся из своей ужасной экспедиции в пещеру, то эти мерзкие и зловредные твари тотчас учуют запах беглецов, а в этом случае уж лучше быть сожранным гугами.

И потом после бесконечного восхождения по лестнице из тьмы наверху неожиданно раздался кашель, и дело приняло тревожный оборот. Было очевидно, что гаст, а может быть, и несколько гастов попали в эту башню задолго до Картера и его провожатых, и еще было очевидно, что опасность подстерегает их совсем близко. Через секунду бегущий впереди упырь оттеснил Картера к стене и выстроил своих соплеменников боевым порядком, причем они подняли старинное аспидное надгробие наподобие тарана, чтобы нанести им сокрушающий удар по врагу, буде он появится в поле зрения. Упыри способны видеть в темноте, так что под их защитой Картер был в большей безопасности, чем если бы он оказался тут один. В следующее мгновение раздался цокот копыт сверху, выдав приближение по меньшей мере одного зверя, и упыри приготовились нанести чудовищный удар гранитным орудием. Вскоре во мраке сверкнули два желтовато-красных глаза, и шумное сопение гаста заглушило цокот копыт. Когда он вспрыгнул на ступеньку над упырями, те с невероятной силой обрушили на него древнее надгробие, так что раздался лишь булькающий всхлип, и жертва рухнула замертво. Похоже, наверху затаился лишь один этот зверь, и, выждав немного, упыри схватили Картера под руки и повлекли дальше вверх. Как и прежде, им пришлось ему помогать, и он был рад покинуть поле боя, где во тьме остался лежать поверженный гаст.

Наконец процессия упырей остановилась, и Картер понял, что они наконец-то достигли тяжелой каменной двери. Отодвинуть массивную плиту было просто немислимо, но упыри надеялись чуть приподнять ее и просунуть в образовавшуюся щель

надгробие как подпорку, чтобы Картер смог проскользнуть наружу. Сами же они намеревались спуститься обратно и вернуться восвояси через город гугов, ибо они там были неуязвимы, да и, кроме того, не знали верхней дороги к призрачному Саркоманду с вратами в бездну, охраняемыми львами-часовыми.

Три упыря с превеликим трудом отодвинули каменную глыбу, и Картер, как мог, им помогал. Они сочли выступ над последней ступенью лестницы надежной точкой опоры и напрягли мускулы, напитанные нездоровой пищей. Через несколько мгновений появился проблеск света, и Картер, ради кого предпринимались эти усилия, просунул конец надгробия в щель. Теперь им надо было употребить все силы на то, чтобы сделать щель пошире, но дело шло медленно, и им, разумеется, приходилось несколько раз начинать все заново, когда из-за одного неверного движения тяжелая дверь захлопывалась.

Раздавшийся вдруг далеко внизу на лестнице шум только удесятирил их возбуждение и страх. Но это был лишь грохот копыт гаста, чей труп скатился вниз по ступенькам, но, как бы то ни было, им следовало быть начеку. И, прекрасно помня о коварстве гугов, упыри с утроенным рвением взялись за плиту, высоко ее приподняли и долго держали так, дав Картеру возможность подложить надгробие в широкий проем. Потом они помогли Картеру выбраться из башни, подставив ему свои скользкие упругие плечи и держа его за ноги. Он ступил на благословенную землю верхнего сновидческого мира. Еще секунда – и они тоже вылезли наружу, выбили из-под двери надгробие как раз в тот момент, когда тяжелое сопение снизу было уже совсем близко. Из-за проклятия Великих ни один гут не мог выйти через эту дверь, так что Картер с превеликим облегчением улегся на ковер из мясистых грибов зачарованного леса, а его спутники сели отдыхать возле него, как и подобает упырям, на корточках.

Сколь бы мрачным ни был зачарованный лес, по которому Картер недавно бродил, по сравнению с ужасными безднами, откуда он только что выбрался, этот лес казался райским вертоградом. Вокруг не было ни живой души, так как гуги в страхе сторонятся таинственной двери, и Картер поинтересовался у своих провожатых об их будущем маршруте. Упырям не очень-то хотелось возвращаться снова через башню, но и бодрствующий мир не слишком-то их прельщал, особенно когда они узнали, что им придется встретиться с жрецами Наштом и Каман-Та в пещере огня. Так что в конце концов они решили вернуться в бездну через Саркоманд и его врата, хотя и не имели ни малейшего представления, как туда попасть. Картер же вспомнил, что Саркоманд находится в долине ниже Ленга, и еще вспомнил зловещего косоглазого купца из Дайлат-Лина, который, как поговаривали, торговал на Ленге, так что он посоветовал упырям найти Дайлат-Лин, пересечь поля до Нира и Скай и пойти вдоль реки к ее устью. На том они и порешили и, не теряя время, пустились в путь, ибо сумерки уже сгущались и они опасались, как бы ночь не застигла их в дороге. А Картер пожал отвратительным чудищам лапы и, поблагодарив за помощь, попросил передать благодарность твари, некогда бывшей Пикманом. Однако же после их ухода он не смог сдержать вздох облегчения. Ибо упырь есть упырь, и в лучшем случае это не самый приятный спутник для человека. После этого Картер отыскал лесное озеро, смыл с себя грязь преисподней и надел одежду, которую так долго носил с собой.

На грозный лес призрачных деревьев спустилась ночь, но, поскольку все вокруг фосфоресцировало, тут было светло, как днем. Картер отправился хорошо знакомой ему дорогой к Селефаису, в Оот-Наргай за Танарианскими горами. И по дороге он вспомнил о зебре, которую привязал к ясеню у горы Нгранек на далеком Ориабе, и подумал, хорошо бы собиратели лавы нашли ее, накормили и отпустили бы на волю. И еще он думал о том, доведется ли ему вновь побывать в Бахарне и заплатить за зебру, убитую ночью в древних руинах на берегу Ята, и вспомнит ли его старик – хозяин харчевни. Таковы были мысли, рожденные в его мозгу свежим воздухом вновь обретенного верхнего сновидческого мира.

Но вскоре Картера остановил непонятный звук из высокого дуплистого дерева. Он миновал было большой круг камней, так как сейчас ему было недосуг вступать в беседу с зугами, но остановился, так как, судя по громким щелчкам и хлопкам, доносившимся из ствола исполинского дерева, там проходил бурный совет. Подойдя чуть ближе, он понял, что невольно подслушал напряженный и жаркий спор, который его очень заинтересовал. Ибо на своей сходке зуги горячо обсуждали предстоящую войну с котами, поводом к которой послужила гибель отряда зугов, проникшего вслед за Картером в Ултар и подвергнутого наказанию за недостойное поведение. Их гнев долго тлел втуне, но теперь либо, самое позднее, через месяц мобилизованные зуги решили обрушить на все кошачье отродье серию внезапных атак, застигая врасплох отдельных котов или их стаи, чтоб не оставить бесчисленным ултарским котам ни малейшего шанса загодя подготовиться к войне. Таков был план зугов, и Картер понял, что обязан его сорвать, а потом уж продолжить свой славный поход.

Стараясь не шуметь, Рэндольф Картер прокрался на лесную опушку и вознес кошачий клич над освещенными звездами полями. И огромный котяра в ближайшей деревне подхватил этот клич и послал его дальше, через многомильные просторы полей, кошачьим воинам, большим и малым, черным и серым, тигристым и белым, желтым и пятнистым, и эхом кошачий клич полетел за Нир и за Скай, достигнув Ултара, и бесчисленные ултарские коты отозвались могучим хором и выстроились походной колонной. Счастье, что луна еще не взошла, так что все коты и кошки были еще на земле. Быстро и бесшумно прыгнув со всех городских крыш и ото всех каминов, они воспарили и образовали великое пушистое море, захлестнувшее все пространство вплоть до лесной опушки. Картер там их приветственно встретил и после всех тех кошмаров и ужасов, которые довелось ему лицезреть в безднах, вид кошачьей армии был ему в удовольствие. Он с радостью увидел своего достойного друга и спасителя, с почетным воротником на гибкой шее и воинственно ошетилившимися усами, во главе ултарского воинства. И, самое приятное, одним из младших лейтенантов был молодой быстрый воин – не кто иной, как тот самый котенок из харчевни, кому Картер в то давнее утро в Ултаре дал жирных сливок. Тогдашний котенок преобразился в сильного и многообещающего кота, который, подав другу лапу, приветливо замурлыкал и выгнул спинку. Его дед сообщил Картеру, что внук делает заметные успехи на военном поприще и что скоро, после еще одной успешно проведенной кампании, его ждет капитанский чин.

Картер поведал о нависшей над кошачьим племенем опасности и в ответ услышал со всех сторон благодарное мурлыканье. Проконсультировавшись с генералами, он

выработал план внезапного нападения, предусматривавший немедленную атаку на пункт проведения зугами военного совета и на прочие зугские укрепления, чтобы упредить их вероломное нападение и вынудить принять кошачьи условия капитуляции до того, как они объявят о всеобщей мобилизации. Тотчас же, без секундного промедления, огромный кошачий океан наводнил зачарованный лес, окружил дерево военного совета и исполинский круг камней. Хлопки и щелчки внутри дерева достигли панического тембра, когда неприятель заметил пришельцев, и опасливые, но любопытные коричневые зуги не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Увидев, что их разгромили, нанеся упреждающий удар, они обратились от помыслов о возмездии к мыслям о незамедлительном спасении.

Половина котов села в круг около захваченных зугов, освободив проход для препровождения пленников, пойманных другими котами в прочих частях леса. Наконец, приступили к выработке условий капитуляции, причем Картер выступал в роли переводчика, и было решено, что зугам будет дарована свобода только при условии передачи котам солидной контрибуции в виде куропаток, тетеревов и фазанов из менее зачарованных участков леса. Двенадцать молодых зугов из благородных кланов были взяты заложниками для содержания в Кошачьем храме в Ултаре, а победители ясно дали понять, что каждое исчезновение кота на границах зугских владений будет иметь самые катастрофические для зугов последствия. Покончив с этим делом, коты разомкнули тесные ряды и позволили зугам по одному отправиться восвояси, что те без лишних напоминаний не преминули сделать, бросая опасливые взгляды через плечо.

Старый кошачий генерал предложил Картеру сопровождение через лес до любой нужной ему точки, ибо полагал, что зуги затаили на него глубокую злобу за срыв их военной авантюры. Картер с благодарностью принял это предложение, ибо оно обеспечивало ему защиту и безопасность, и, кроме того, ему нравилась дружелюбное кошачье общество. Так что, находясь в гуще симпатичного игривого подразделения и чувствуя облегчение после столь успешно выполненного им долга, Рэндольф Картер с достоинством двинулся через зачарованный фосфоресцирующий лес исполинских деревьев, делясь соображениями о своем путешествии со старым генералом и его внуком, пока прочие участники марша резвились вовсю и играли опавшими листьями, которые ветер нес по грибным зарослям первобытного леса. И старый кот поведал Картеру, что много слышал о неведомом Кадате в холодной пустыне, но не знал лишь, где он находится. Что же до чудесного предзакатного города, то он даже не слышал о таком, хотя и пообещал впоследствии пересказать все Картеру в подробностях, буде он что-либо узнает.

Старый кот научил искателя-сновидца некоторым ценным паролям, имеющим хождение у котов сновидческого мира, и особенно посоветовал ему обратиться к старому кошачьему вожаку в Селефаисе, куда он сейчас держал путь. Этот кошачий генерал, о котором Картер кое-что слышал раньше, был почтенным мальтийцем и в любом деле мог оказаться чрезвычайно полезным. Когда они дошли до нужной опушки, уже рассвело, и Картер с сожалением попрощался со своими друзьями. Младший лейтенант, с кем Картер познакомился, когда тот был еще котенком, изъявил желание сопровождать его и дальше, но старый генерал ему запретил: сей суровый патриарх важно заметил, что его долг – оставаться со своим племенем и со своей армией. Так что Картер в одиночестве

отправился через золотые поля, что тянулись таинственным шлейфом вдоль ивовых берегов реки, а коты повернули назад в лес.

Путешественник прекрасно знал сады, что простерлись между лесом и Серенарианским морем, и он весело шагал по-над поющей рекой Укранос, что бежала, точно следуя его маршрутом. Солнце вставало все выше над лесами и полянами, и в его лучах сочнее становились цвета тысяч бутонов, звездами сияющих на каждом пригорке и в каждой лощине. Весь этот край был словно объят дымкой благодати, ибо солнечного света и тепла здесь в избытке и нет более иного места, где бы так звонко пели птицы и жужжали пчелы, отчего люди, оказавшись в этих местах, мнят себя в сказочном мире и чувствуют, как их души переполняют столь великая радость и удивление, что потом они не в силах об этом и вспомнить.

К полудню Картер дошел до яшмовых террас Кирана, что сбегают к речному берегу и на которых высится тот храм приятства, куда один раз в году прибывает из своих дальних владений на сумеречном море царь Илек-Вад в золотом паланкине, чтобы вознести хвалу богу Украноса, услаждавшему его пением в юности, когда тот жил в домике на берегу реки. Весь из яшмы сложен и самый храм, и его стены, дворики и семь башен со шпильями занимают площадь в один акр, и его алтарь, куда через скрытые каналы впадает река, и бог тихо поет там ночами. Многократно луна, освещая своим сиянием эти дворики, террасы и шпили, слышит странную музыку, но что это за музыка – то ли песнь бога, то ли гимны таинственных жрецов, никто, кроме царя Илек-Вада, сказать не может, ибо лишь он входил в тот храм и воочию видел тех жрецов. А в этот дремотный час резная хрупкая храмина была безмолвна, и Картер, идя под лучами зачарованного солнца, слышал лишь невнятное бормотание великой реки и гомон птиц и пчел.

Весь день пилигрим брел среди благоуханных лугов, в благодатной тени пологих прибрежных холмов, чьи склоны испещрены мирными соломенными крышами и святилищами дружелюбных богов, идолов, вырезанных из яшмы или хризоберилла. Иногда он приближался к самой воде и посвистывал резвящимся в кристально чистом Украносе радужным рыбкам, а в иные минуты останавливался посреди шепчущих зарослей тростника и глядел на бескрайний темный лес на противоположном берегу, чьи деревья вплотную подступали к быстрым водам реки. В прошлых снах он видел диковинных топчущих буйпотов, что робко выходили из леса к реке на водопой, но теперь он не заметил ни одного. То и дело он останавливался понаблюдать за хищной рыбой, которая приманивала поближе к воде птичку-рыбака, дразня ее своими поблескивающими на солнце чешуйчатыми боками, и хватала несчастную за клюв огромными сильными губами в тот самый момент, когда крылатый рыбак отважно кидался на нее сверху.

Ближе к вечеру он взошел на поросший травой пригорок и увидел впереди пылающие в закатном солнце тысячи позолоченных шпилей Трана. Невообразимо высокие алебастровые стены этого поразительного города поднимались к высокой вершине и были вырублены из цельного куска – какими инструментами, не дано узнать никому, ибо эти стены древнее человеческой памяти. И как бы высоки ни были эти стены, с сотнями ворот и двумя сотнями сторожевых башенок, внутренние городские башни, белоснежные под золотыми шпильями, были еще выше, так что наблюдатели, стоящие на равнине за

городом, могут видеть, как они устремляются в небесную высь, иногда являя взору свою громаду незамутненной, иногда подернутой сверху клочьями облаков и тумана, а иногда заволоченной низко стелющимся дымом, когда их шпили дивно сияют над клубящимися испарениями. А там, где ворота Трана открываются на реку, расположены огромные мраморные причалы с изукрашенными галеонами из душистого кедра и каламандра, которые качаются на натянутых якорных цепях, а чудные бородатые моряки сидят на бочках или тюках, покрытых иероглифами дальних стран. А дальше, за городскими стенами, раскинулась сельская местность, где крошечные белые домики дремлют меж холмов, и узкие проселки со множеством каменных мостиков причудливо вьются меж ручьев и рек.

И вот по этому зеленому краю шел под вечер Картер и увидел, что от реки на чудесные золотые шпили Трана надвигаются сумерки. Уже темнело, когда он подошел к южным воротам и там был остановлен часовым в красном камзоле, которому пришлось рассказать три невероятных сна, дабы доказать, что он – сновидец, вполне достойный вступить на таинственные улицы Трана и посетить его базары, где продают всевозможные товары с изукрашенных галеонов. И вот он вошел в этот невероятный город, пройдя сквозь стену столь толстую, что городские ворота показались туннелем, а потом устремил свои стопы вдоль извилистых улочек, глубоко стиснутых теснящимися и тянущимися к небесам башнями. Из зарешеченных и обрамленных балконами окон струился свет, и звуки лютни и свирелей чуть слышно неслись из внутренних двориков, где журчали мраморные фонтаны. Картер знал дорогу и сразу двинулся по темным проулкам к реке, где в старой приморской таверне он нашел капитанов и матросов, которых встречал в тысячах прошлых снов. Там он оплатил свой проезд до Селефаиса на большом зеленом галеоне, и в той же таверне он остановился на ночлег, почтительно потолковав с тамошним старожилком-котом, который, лежа перед огромным очагом, сонно моргал и грезил о старых войнах и позабытых богах.

Утром Картер взошел на борт галеона, державшего курс на Селефаис, и сел на корме; тут отдали концы, и долгое плавание к Серенарианскому морю началось. На протяжении многих лиг берега напоминали транские, Картер то и дело видел удивительные храмы на вершинах холмов справа или сонную прибрежную деревушку с островерхими крышами, крытыми красной черепицей, и сушившимися на солнце сетями. Ни на мгновение не забывая о цели своего поиска, Картер дотошно расспрашивал моряков о чужеземцах, которых те встречали в тавернах Селефаиса, выпытывая у них имена и привычки диковинных людей с длинными узкими глазами, длинными мочками, тонкими носами и торчащими подбородками, которые приплывали на темных кораблях с севера и меняли оникс на яшмовые блоки, золотую проволоку и красных певчих птичек из Селефаиса. Об этих купцах матросы могли рассказать немного – лишь то, что они были неразговорчивы и вызывали у всех благоговейный ужас.

Их страна, лежащая очень далеко за морями, прозывалась Инкуанок, и очень немногие решались туда отправиться, ибо эта был холодный сумеречный край, который, как говорили, лежал неподалеку от хмурого Ленга; впрочем, в той стороне, где, видимо, находится Ленг, высятся непроходимые горы, так что трудно было сказать, то ли и вправду существует это мрачное плато с жуткими каменными поселками и ужасным монастырем,

то ли слухи о них лишь плод страха, который посещает малодушных ночью, когда ужасные пики мрачной грядой теснятся против яркой луны. Конечно же, моряки прибывали к Ленгу с разных океанов. О прочих же границах Инкуанока моряки не имели ни малейшего представления, как не слышали они ни о холодной пустыне, ни о неведомом Кадате, кроме разве что неясных и неточных намеков. А о чудесном предзакатном городе, который искал Картер, они вообще ничего не знали. Так что путешественник более не стал их спрашивать о далеких краях, но решил погодить до того момента, когда ему представится случай вступить в беседу с теми странными моряками из холодного сумеречного Инкуанока, несущими семя богов, запечатлевших свои черты на вырубленном в скале Нгранека лике.

Позднее, тем же днем галеон достиг излучины реки, бегущей сквозь благоуханные джунгли Кледа. Тут Картеру захотелось сойти на берег, ибо в этих тропических чащах таились покинутые и никем не посещаемые чудесные дворцы из слоновой кости, где некогда обитали легендарные монархи края, чье имя позабыто. Чары Старых богов хранят эти потаенные места в первозданном виде, ибо написано, что настанет день, когда в них снова возникнет нужда, и только погонщики слонов видят их издали при свете луны, но никто не осмеливается приблизиться к ним из-за сторожей, охраняющих их неприступный покой. Но корабль несея дальше, и в сумерках утих дневной шум, и ранние звезды высыпали на небе и стали перемигиваться с первыми светлячками на берегу реки, и джунгли исчезли позади, оставив по себе лишь сладкие воспоминания об их благоухании. И всю ночь галеон скользил мимо незримых и неожиданных тайн. Один раз дозорный известил о сигнальных огнях на горах к востоку, но сонный капитан сказал, что лучше от этих огней отвести глаза, ибо совершенно не понятно, кто и зачем зажег их там.

Утром речное русло сильно расширилось, и Картер увидел вытянувшиеся вдоль берега дома и понял, что они подплыли к большому торговому городу Хланит на Серенарианском море. Здесь стены выложены из грубого гранита, а островерхие фронтоны придают городским домам совершенно фантастический вид. Жители Хланита более, чем какие-либо иные обитатели сновидческого мира, похожи на людей явного мира, поэтому город известен лишь меновой торговлей, однако также славится и прекрасное мастерство здешних ремесленников. Причалы Хланита сложены из дубовых бревен, и, пока галеон швартовался, капитан обошел купцов в тавернах. Картер также сошел на берег и с любопытством стал осматривать изъезженные улочки и площади, где громыхали деревянные двуколки, запряженные быками, а на базарах разгоряченные купцы криком тщетно расхваливали свой товар. Приморские таверны подступали близко к просоленным причалам на мощеных улицах и казались невероятно древними, что особенно подчеркивали их низкие черные балки под потолками и зеленоватые слуховые окошки. Древние моряки в этих тавернах без устали рассказывали о далеких портах и вспоминали множество диковинных историй о странных людях из сумеречного Инкуанока. Но и им было нечего добавить к тому, что Картер уже слышал от моряков с его галеона. Потом наконец, после долгой погрузки-разгрузки, капитан поставил парус под закатным солнцем, и высокие стены и диковинные фронтоны Хланита скрылись на горизонте, когда последний золотой луч дня одарил их чудесной красотой, несравнимой с рукотворными красотами.

Два дня и две ночи галеон плыл по Серенарианскому морю, не встретив ни одного корабля и ни полоски земли. На второй день плавания, ближе к закату, впереди замаячил снежный пик Арана с огромными деревьями гинкго на нижних склонах, и Картер понял, что они подошли к земле Оот-Наргай и к чудесному городу Селефаису. И вскоре перед их взором встали сверкающие минареты легендарного города, сияющие мраморные стены с бронзовыми статуями на вершине и огромный каменный мост в том месте, где Наракса впадает в море. А позади города тянулись пологие холмы, покрытые дубравами и лугами асфоделей, виднелись небольшие храмы и домики, а еще дальше, на горизонте, высился алый хребет могучих Танарианских гор, за которыми лежали запретные маршруты в явный мир и в иные сновидческие пределы.

В гавани было полно разноцветных галер, иные из которых прибыли из мраморного заоблачного города Серанниана, что лежит в эфирных высях за линией встречи моря и неба, а иные были из менее зыбких мест сновидческого мира. Рулевой умело провел галеон между кораблей к благоухающей пряностями пристани, где и встал на якорь в сумерках, когда миллионы городских огней замерцали в воде. Этот бессмертный город-мираж казался вечно юным, ибо время тут не имело власти старить и разрушать. Бирюзовые орнаменты Нат-Хортата были такие же, как и прежде, и восемьдесят жрецов в венках из орхидей те же самые, кто выстроил этот храм десять тысяч лет назад. И так же ярко сияла бронза огромных ворот, и ониксовые мостовые не выщерблены, и ни единый камень не треснул. А колоссальные бронзовые статуи на стенах глядели вниз на купцов и погонщиков верблюдов, которые древнее древних преданий, но тем не менее в их двухвостых бородах не найти ни единого седого волоска.

Картер не сразу отправился искать храм, или дворец, или крепость, но остался у приморской стены, смешавшись с толпой моряков и торговцев. И, когда уже совсем стемнело, он пошел в хорошо ему знакомую старую таверну и преклонил голову на подушку, грезя о богах неведомого Кадата. На следующий день он отправился вдоль набережной на поиски странных моряков из Инкуанока, но ему сказали, что таких тут не видели, да и галеры с севера не заходили в этот порт уж добрых две недели. Однако он обнаружил одного торабонианского моряка, побывавшего в Инкуанокке и работавшего на ониксовых каменоломнях в том сумеречном краю, и этот моряк поведал ему, что к северу от населенных мест, безусловно, есть некие пустынные земли, которых люди страшатся и сторонятся. Торабонианец предположил, что та пустыня обнимает крайний оком неприступных пиков на границе с жутким плато Ленга, потому-то люди и страшатся тех мест, впрочем, он также упомянул, что ходят невнятные слухи о злых силах и безымянных часовых, стерегущих те пределы. Та ли это пресловутая пустыня, где находится неведомый Кадат, он не знал, но уж очень невероятным казалось, что и темные силы, и часовые, если они и вправду существуют, стерегут те земли без особой причины.

На следующий день Картер двинулся по улице Столпов к бирюзовому храму и поговорил там с верховным жрецом. Хотя в Селефаисе особо поклоняются Нат-Хортату, в каждодневных молитвах поминаются все Великие боги, и жрец тонко чувствовал их расположение. И, подобно Аталу в далеком Ултаре, он настоятельно посоветовал Картеру не пытаться увидеть их, пояснив, что они вспыльчивы и своенравны и находятся под странной защитой безумных Иных богов из Внешнего мира, чей дух и посланник –

ползучий хаос Ньярлатотеп. Их ревнивое стремление утаить чудесный предзакатный город ясно дает понять, что они не хотят допустить в него Картера, и можно лишь гадать, как они отнесутся к пришельцу, вознамерившемуся их увидеть и обратиться к ним с некоей просьбой. Никто еще никогда не находил Кадата, и вполне возможно, что никому не суждено найти его и впредь. Что же до слухов об ониксовом замке Великих, то они отнюдь не внушают доброй надежды.

Поблагодарив увенчанного венком из орхидей верховного жреца, Картер покинул храм и пошел искать овечий базар, где благоденствовал старый вожак селефаисских котов. Серый величественный зверь лежал на ониксовой мостовой под теплыми лучами солнца и, когда к нему приблизился гость, сонно отогнал его взмахом лапы. Но Картер произнес пароли и заветные фразы, которым научил его старый кошачий генерал в Ултаре, и пушистый патриарх, смилостивившись, стал более разговорчивым. Он поведал Картеру о тайном знании, кое ведали коты на приморских склонах Оот-Наргая. А самое главное, он вспомнил многое из того, что нашептали ему робкие портовые коты Селефаиса – о морях из Инкуанока, на чьи темные корабли ни один кот не отваживался пробраться.

Эти люди, похоже, неземного происхождения, хотя вовсе не по этой причине коты не рискуют запрыгивать на их корабли. Причина же в том, что в Инкуаноке обретаются тени, невыносимые для котов и наводящие на них ужас, так что в том холодном сумеречном краю никогда не услышишь ни веселого мурлыканья, ни приветственного мяуканья. То ли это из-за незримых посланцев из загадочного Ленга, приносимых порывами ветра через неприступные пики, либо же из-за пришельцев из прохладной пустыни к северу, сказать нельзя, но факт остается фактом: в том далеком краю есть приметы запредельного мира, который не по нраву котам и чье присутствие они тоньше, чем люди, ощущают. Вот почему они и не отправляются на темных кораблях к базальтовым пирсам Инкуанока.

Старый кошачий вожак также рассказал, где найти его друга царя Куранеса, который в последних снах Картера являлся ему владыкой, обитающим то в розовохрустальном дворце Семидесяти радостей в Селефаисе, то в облачном многобашенном замке парящего в небе Серанниана. Похоже, ему стало неуютно в тех краях, и его обуяла сильная тоска по памятным с детства английским утесам и зеленым низинам, где под вечер в крошечных сонных деревнях из-за зарешеченных окошек звучат старинные английские песни и где серые церковные башни мило проглядывают сквозь зелень далеких долин. Он не мог вернуться туда наяву, ибо тело его мертво, но он сделал наилучший выбор, воссоздав в сновидениях небольшой кусочек этого края к востоку от города, где луга весело убегают прочь от прибрежных скал к подножию Танарианских гор. Там он и поселился в каменном готическом особняке с видом на море, убедив себя в том, что это древний Тревортауэрс, где он родился и где увидели свет тринадцать поколений его предков. А на берегу поблизости он выстроил корнуолльскую рыбацью деревушку с круто взбегающими в гору мощеными улицами, населил ее жителями с типично английскими чертами лица и научил их приснопамятному говору старых корнуолльских рыбаков. А в долине, что была неподалеку, он выстроил огромное норманнское аббатство, чьи башни он мог видеть из окна, а на кладбище вокруг аббатства он установил серые гробовые плиты с выбитыми на них именами своих предков и увитые мхом, напоминающим мхи старой Англии. И хотя Куранес был царем в сновидческой стране, богатой всевозможными, какие только можно

вообразить, красотами и чудесами, богатствами и великолепием, радостями и восторгами, утехами и наслаждениями, невидальщиной и диковинками, имевшимися в его распоряжении, он бы с радостью отказался от своей безмерной власти, и роскоши, и свободы за один только благословенный день жизни простым мальчишкой в доброй тихой Англии, в той древней любимой Англии, что создала его и неотъемлемой частичкой которой он навечно остался.

Так что, распрощавшись со старым кошачьим вожаком, Картер не пошел искать дворец из розового хрусталя, а двинулся из восточных ворот через заросший маргаритками луг к островерхому фронтому, который он заметил сквозь кроны дубов в парке у подножия прибрежных скал. И вскоре он подошел к разросшейся живой изгороди, где за калиткой стояла кирпичная сторожка, и, когда он позвонил в колокольчик, его впустил не разодетый лакей, а сгорбленный старичок в рабочей куртке, изъяснявшийся на наречии далекого и древнего Корнуолла. И Картер последовал за ним по тенистой аллее меж деревьев, точь-в-точь похожих на английские, и поднялся на террасы среди садов, разбитых в старом добром стиле эпохи королевы Анны. А у двери, охраняемой с обеих сторон каменными котами, как то было принято в старое время, Картера встретил дворецкий с пышными бакенбардами и в подобающей ливрее, и вскоре он оказался в библиотеке, где Куранес, повелитель Оот-Наргая и Неба вокруг Серанниана, сидел задумчиво в кресле у окна, взирал на свою приморскую деревушку и мечтал о том, чтобы сейчас в комнату вошла его старая няня и упрекнула, что он еще не одет и не готов отправиться на скучнейший пикник к викарию, потому что карета уже подана и у мамы лопнуло терпение...

Куранес в халате, скроенном на манер тех, какие в дни его юности шили лондонские портные, стремительно поднялся, чтобы поприветствовать гостя, ибо вид англосакса из бодрствующего мира был ему в радость даже при том, что этот англосакс был родом из Бостона, штат Массачусетс, а вовсе не из Корнуолла. И долго они беседовали о стародавних деньках, и у них было много что сказать друг другу, так как оба были опытными сновидцами и обладали глубокими познаниями о чудесах самых заповедных уголков. Куранес и впрямь побывал в зазвездных пределах абсолютной пустоты, и, как говорят, ему единственному удалось вернуться из этого путешествия, сохранив ясный рассудок.

Наконец Картер перешел к предмету своего поиска и задал хозяину те же вопросы, которые задавал уже многим. Куранес не знал, ни где находится Кадат, ни где чудесный закатный город, но зато он знал, что Великие представляли чрезвычайную опасность для всякого, кто пытался их отыскать, и что Иные боги почему-то оберегали их от назойливого людского любопытства. Он многое узнал об Иных богах в далеких пределах космоса, особенно в тех безднах, где формы не существует, и разноцветные клубящиеся газы хранят последние тайны мироздания. Фиолетовый газ Снгак поведал ему ужасные вещи о ползучем хаосе Ньярлатотеппе и наказал ему никогда не приближаться к центральной бездне, где султан демонов Азатот жадно жует во тьме. Вообще же, очень неразумно прекословить Старцам, и коли уж они так настойчиво преграждают ему путь к чудесному предзакатному городу, стало быть, лучше и не искать этот город.

Куранес к тому же выразил сомнение в том, что его посетитель извлечет какую-либо пользу, придя в этот город, даже если это ему и удастся. Он и сам ведь долгие годы стремился попасть в прекрасный Селефаис и на землю Оот-Наргай и обрести свободу, полноту и высокий восторг жизни, лишенной всех предрассудков, препон и глупости. Но теперь, когда он обрел и этот город, и эту землю и стал их повелителем, он осознал, что и свобода, и полнота жизни слишком быстро увядают и наскучивают из-за отсутствия в его ощущениях и воспоминаниях чего-то более осязаемого. Он был царем Оот-Наргая, но не нашел в том никакого глубокого смысла и постоянно испытывал тоску по милым сердцу приметам Англии, которые так много значили для него в юности. Он отдал бы все свои владения за один только звон корнуолльского церковного колокола, несущийся над долинами, и все тысячи минаретов Селефаиса – за родные островерхие крыши деревенских домов вблизи его родового поместья. И он сказал своему гостю, что неведомый предзакатный город, возможно, не подарит ему взыскуемого удовлетворения и что, вероятно, лучше будет, если он останется величественным и полузабытым сном. Ибо Куранес часто навещал Картера в старой жизни наяву и неплохо помнил милые массачусетские холмы, среди которых прошло его детство.

Он не сомневался, что искатель возжаждет увидеть лишь самые ранние непозабываемые сцены: озаренный вечерним сиянием Бикон-Хилл, высокие шпили и извилистые улочки дивного Кингспорта, древние двускатные крыши седого Аркхема, помнящего предания о ведьмах, и благословенные луга и долины, посреди которых высятся обрушенные каменные стены и белые фронтоны фермерских домов проглядывают сквозь буйную зелень. Вот о чем он поведал Рэндольфу Картеру, но искатель упрямо стоял на своем. В конце концов они расстались, каждый при своем убеждении, и Картер вернулся через бронзовые ворота в Селефаис и пошел по улице Столпов к старой приморской стене; там он вновь стал расспрашивать моряков из дальних краев и дожидался прибытия темных кораблей из холодного и сумеречного Инкуанока, чьи страннеликие матросы и торговцы ониксом были кровными потомками Великих богов.

В один звездный вечер, когда над гаванью ярко сиял маяк, показался долгожданный корабль, и страннеликие матросы и купцы по одному и группками стали появляться в портовых тавернах у приморской стены. Удивительно было видеть вновь живые лица, столь похожие на божественный лик на Нгранеке, но Картер не спешил вступить в беседу с молчаливыми матросами. Он не знал, насколько горды и скрытны эти дети Великих и насколько внятны их тайные воспоминания, и был уверен, что было бы неразумно сразу заговорить с ними о предмете своих поисков или слишком настойчиво интересоваться холодной пустыней на севере их сумеречной страны. С посетителями древних таверн они почти не разговаривали, а сидели отдельно в темных углах и тихо напевали незнакомые мелодии своей неведомой родины либо же нараспев рассказывали друг другу длинные истории на языке, непонятном для обитателей сновидческого мира. И настолько дивными и щемящими были их песни и рассказы, что их чудесный смысл можно было угадать по выражениям лиц слушателей, хотя слова для обычного уха звучали не более чем диковинной каденцией и невнятной мелодией.

Целую неделю таинственные моряки просиживали в тавернах и торговали на базарах Селефаиса, и, прежде чем они отправились в обратный путь, Картеру удалось выговорить

себе место на черном корабле под тем предлогом, что он, мол, старый добытчик оникса и хочет поработать в их каменоломнях. Это был очень красивый корабль, искусно построенный из тикового дерева, с эбеновыми скрепами и золотой отделкой, а каюта, где разместился путешественник, была убрана шелками и бархатом. Однажды утром в час отлива подняли паруса, и Картер, стоя на высокой корме, видел, как купающиеся в солнечном свете городские стены, бронзовые статуи и золотые минареты вечно юного Селефаиса тонут во мраке, а снежные пики горы Аран становятся все меньше и меньше. К полудню за горизонтом растаяла последняя полоска суши и остались лишь Серенарианское море да одна яркоцветная галера вдалеке, устремленная к тому пределу Серенарианского моря, где вода встречается с небом.

Ночью на небе высыпали дивные звезды, и черный корабль держал курс по Большой и Малой Медведице, медленно вращавшимся вокруг полюса. Моряки затаили диковинные песни из неведомых стран и один за другим стали исчезать в кубрике, а задумчивые вахтенные мурлыкали старые гимны и свешивались за борт поглядеть на блестящих рыбок, резвящихся в морской пучине. Картер ушел спать в полночь и проснулся с первым лучом нового утра, отметив, что солнце склонилось дальше к югу, чем следовало бы. В продолжение всего дня он знакомился с командой, мало-помалу вызывая матросов на беседу об их холодной сумеречной стране, об их изумительном ониковом городе и о страхе, внушаемом им высокими и неприступными горными пиками, за которыми, как говорят, находится Ленг. Они поведали ему о своей печали оттого, что в их стране Инкуанок нет ни единого кота, и предположили, что, по-видимому, тайная близость Ленга отпугивает этих животных. И лишь о каменистой пустыне на севере они упорно не желали говорить. Эта пустыня вызывала у них какой-то панический ужас, и они предпочитали думать, что ее вовсе не существует.

В последующие дни речь шла о каменоломнях, где, по словам Картера, он намеревался работать. Каменоломен там было великое множество, ибо весь город Инкуанок выстроен из оникса, и огромные отполированные ониковые блоки продают на базарах в Ринаре, Огратане и Селефаисе и в самом Инкуанок купцам из Трана, Иларнека и Кадатерона в обмен на чудесные товары из этих знаменитых портов. А дальше к северу, почти на краю холодной пустыни, в чье существование моряки Инкуанок отказывались поверить, находится заброшенная каменоломня, больше, чем все прочие, где в незапамятные времена добывались такие исполинские глыбы и блоки, что самый вид их вызывал ужас у всех, кто смотрел на них. Но кто вырубал эти чудовищные блоки и куда их потом перевозили – неизвестно, однако местные жители не рисковали посещать эту каменоломню, овеянную страшными воспоминаниями. Так что она оставалась безлюдной, и в сумерки лишь вороны и сказочная птица шантак летали над ее беспредельным простором. Услышав об этой колоссальной каменоломне, Картер погрузился в раздумья, ибо ведь старые предания гласили, что замок Великих на вершине неведомого Кадата как раз и сложен из чистого оникса.

С каждым днем солнце висело все ниже и ниже над горизонтом, а туманы в выси клубились все гуще и гуще. А через две недели солнце и вовсе перестало сиять на небосводе, и в дневные часы огромный купол вечного тумана прорезало лишь зловещее сумеречное сияние, а ночью из-под нижней кромки клубящегося тумана струилось

холодное беззвездное фосфоресцирование. На двадцатый день посреди моря вдали показалась гигантская зубчатая скала – первый клочок суши с тех пор, как за кормой исчез заснеженный пик Арана. Картер поинтересовался у капитана о названии скалистого острова, но в ответ услышал, что имени у него нет и что ни один корабль не подплывает к нему, потому что ночью из скалы несутся какие-то непонятные звуки. И потом, когда в сгустившейся ночи из недр гранитной глыбы донесся низкий нескончаемый вой, путешественник поразился, что они не пристали к этому мрачному исполину и что скала была безымянной. Команда же молилась и без усталости распевала священные гимны до тех пор, пока жуткий вой не растаял вдали за кормой, а Картеру под утро пригрезились жуткие сны.

Два утра спустя далеко впереди на востоке показалась вереница гигантских серых пиков, чьи вершины были скрыты застывшей грядой туч сумеречного мира. И при виде них моряки затянули радостные песни, а кое-кто пал ниц и стал молиться. Картер понял, что они приближаются к Инкуануку и очень скоро бросят якорь у базальтового причала великого города, носящего имя этой земли. К полудню на горизонте затемнела береговая линия, и к трем часам пополудни в северной части горизонта уже высились исполинские купола храмов и фантастические башни ониксового города. Удивительное зрелище являл этот город, высящийся над своими стенами и причалами, весь из черного камня, с фантастическими узорами и резными окладами из золота. Дома были высокие и со множеством окон, и каждый фасад изукрашен диковинными цветами и орнаментами, чьи темные симметричные линии завораживали взор красотой куда более слепящей, чем дневной свет. Иные дома были увенчаны крутобокими куполами, заострившимися наверху конусом, иные представляли собой уступчатые пирамиды, где теснились минареты самых причудливых и невообразимых очертаний и форм. Городские стены были низкие, со множеством ворот под громадными арками, высоко вознесшимися над улицами и увенчанными изображениями бога, которые были высечены с тем самым мастерством, что воплотилось в резном лике Неведомого бога на склоне далекого Нгранека. На вершине горы в центре высилась шестнадцатигранная башня с высокой островерхой колокольней, и казалась эта башня несравненно больше всех соседних построек. То, по словам матросов, был храм Старцев, настоятелем коего был древний верховный жрец, посвященный во многие печальные тайны.

С регулярными интервалами над ониковым городом плыл рокот странного колокола, на который отзывался громогласный хор мистических мелодий, издаваемых рожками, виолами и певчими. И время от времени расставленные на парапете вокруг высокого купола храма треножки взрывались огненными языками, ибо жрецы и обитатели этого города были посвящены в древнейшие таинства и верно хранили ритмы Великих богов, записанные в свитках, что были древнее Пнакотикских рукописей. Когда корабль, миновав гигантский базальтовый волнорез, вошел в гавань, до палубы донесся ровный городской гул, и Картер увидел около доков толпы рабов, матросов и купцов. Матросы и купцы принадлежали к странноликой расе богов, а вот рабы, коренастые, с раскосыми глазами, были те самые люди, которые, по слухам, пришли сюда из долины за Ленгом, каким-то образом умудрившись преодолеть или обойти стороной неприступные пики. Перед городской стеной тянулись широкие причалы, и на них были свалены всевозможные товары, сгружаемые с пришвартованных галер, причем в самом конце

набережной высились штабеля ониксовых глыб, как обработанных, так и необработанных, которые дожидались отправки на далекие рынки в Ринар, Огратан и Селефаис.

Еще засветло черный корабль встал на якорь близ длинного каменного пирса, и все матросы и купцы высыпали на берег и сквозь арочные ворота потекли в город. Городские улицы были вымощены ониксом, и иные из них были широкие и прямые, а другие извилистые и узкие. Дома у берега были ниже прочих, и над их арочными дверями были укреплены диковинные золотые талисманы в честь божков – хранителей домашнего очага. Капитан отвел Картера в старинную портовую таверну, которую облюбовали моряки с разных континентов, и пообещал на следующий день показать ему все чудеса сумеречного города и проводить в таверны у северной стены, где собираются ониксотесы. С наступлением вечера в таверне зажгли маленькие бронзовые светильники, и моряки затянули песни о далеких землях. Но, когда большой колокол на самой высокой башне громогласно вознес над городом свой гулкий зов и в ответ ему грянул хор рожков, виол и певчих, выводящих загадочную мелодию, песни и байки в таверне смолкли, и люди, склонив головы, оставались безмолвны до тех пор, пока в воздухе не растворилось последнее эхо. Ибо в сумеречном городе Инкуаноке все испытывают некий чудесный трепет и боятся нарушить местные суровые ритуалы, дабы не стать внезапной жертвой рока и мести.

В самом темном углу таверны Картер заметил приземистого человека, и тот сразу не пришелся ему по душе. Картер сразу признал в нем старого узкоглазого купца, которого он когда-то давно видел в тавернах Дайлат-Лина и который, если верить слухам, торговал с обитателями жутких каменных деревень Ленга, куда здравомыслящие люди не отваживаются заходить и чьи зловещие огни далеко видны ночью; еще поговаривали, что этот купец даже имел какие-то тайные сношения с обитающим в доисторическом каменном монастыре верховным жрецом в желтой шелковой маске на лице, чей облик не поддается описанию. Когда в Дайлат-Лине Картер расспрашивал тамошних торговцев о холодной пустыне и о Кадате, в глазах этого мерзкого купца как будто бы вспыхнул недобрый огонек, и теперь новая встреча с ним в темном и мрачном Инкуаноке, что находится совсем близко от северных чудес, показалась Картеру дурным знаком. Но, прежде чем Картер успел с ним заговорить, купец незаметно выскользнул из таверны, а моряки потом сказали, что он пришел в город с караваном яков откуда-то издалека, а откуда именно, неизвестно, и принес с собой гигантские и необычайно вкусные яйца сказочной птицы шантак, дабы выменять их на изумительные резные яшмовые кубки из Иларнека.

На следующее утро капитан повел Картера по мрачным ониксовым улочкам Инкуанока под сумеречным небом. Изукрашенные золотыми узорами двери и покрытые барельефами фасады домов, резные балконы и хрустальные окна эркеров – все сверкало хмурой и безукоризненной красотой, и то и дело им на пути попадались небольшие площади с черными колоннадами и изваяниями диковинных тварей, имевших человеческий или фантастический облик. Виды, открывавшиеся в конце длинных прямых улиц и переулков или за куполами, шпилями и причудливыми крышами, казались несказанно зловещими и прекрасными, но ничто не могло сравниться по

красоте с исполинским городским храмом Старцев с его шестнадцатью резными стенами-гранями, приземистым куполом и высокой колокольной со шпилем, что была выше и величественнее всех прочих зданий по соседству. А на востоке, далеко за городскими стенами и за пастбищными лугами, высились серые громады бесконечных и неприступных горных пиков, за которыми, по преданиям, находился загадочный Ленг.

Капитан повел Картера к могучему храму, который располагался посреди обнесенного стеной сада на огромной круглой площади, от которой лучами, точно спицы колеса, расходились улицы. Семь арочных ворот сада, украшенных теми же резными ликами, что прибиты на городских воротах, всегда растворены, и люди с благоговением гуляют по мощеным тропинкам и аллеям, окаймленным причудливыми изваяниями и святилищами местных богов. В многочисленных здешних фонтанах и прудах отражается мерцающее пламя треножников на высоком балконе, все водоемы сложены из оникса, и в них плещутся крошечные блестящие рыбки, которых ныряльщики ловят в океанском глубоководье и потом приносят сюда. Когда глубокий рокот главного храмового колокола плывет над садом и ему отвечает стройный хор рожков, виол и певчих, доносящийся из сторожек у семи садовых ворот, из семи дверей храма выходят семь длинных процессий жрецов в масках и клобуках, в черном одеянии; в вытянутых руках все они несут золотые чаши, над которыми клубится странный дым. И эти семь процессий слаженно маршируют довольно необычным шагом, выбрасывая далеко вперед негнущиеся ноги, и уходят по аллеям, ведущим к семи сторожкам, в которых они скрываются, чтобы больше уже не появиться. Говорят, что сторожки соединяются с храмом подземными ходами и длинные процессии жрецов возвращаются по ним в храм, а еще говорят, что бесчисленные ониксовые ступени подземелья ведут к заповедным тайнам, которым не суждено быть разгаданными. Лишь немногие намекают на то, что жрецы в масках и в клобуках вовсе даже и не человеческие существа.

Картер не вошел в храм, ибо никому, кроме царя в маске, это не позволено. Но, прежде чем он покинул сад, настал час бить храмовому колоколу, и прямо над головой гостя раздался оглушительный удар колокола, а за ним последовало завывание рожков, виол и голосов из семи сторожек близ садовых ворот. И вот на семь аллей выступили длинные процессии жрецов с чашами в руках, и величава была их поступь, и в душе путешественника зародился страх, какой нечасто могут вызвать жрецы-люди. Когда же последний из них скрылся из вида, Картер покинул сад, заметив перед самым уходом пятно в том месте на мостовой, где только что пронесли чаши. Даже капитану не понравилось это пятно, и он увлек гостя поскорее к холму, где стоит чудесный многокупольный дворец царя в маске.

Ко дворцу вели узкие крутые тропинки, но лишь по одной из них, широкой и кривой, выезжает царь со своей свитой на яках или на повозках, запряженных яками. Картер и его проводник взошли по ступенчатой аллее, которая тянулась между высоких стен, украшенных таинственными золотыми знаками, под балконами и эркерами, откуда порой доносились нежные аккорды или дуновения экзотических ароматов. А прямо перед ними высились исполинские стены с могучими опорами, теснились луковичные купола, коими так славится дворец царя в маске, и вот наконец они прошли под огромной черной аркой и вступили в сад монарших удовольствий. Тут Картер невольно

остановился, едва не лишившись чувств от невиданной красоты, ибо ониксовые террасы и колоннады, веселые кадки с цветами и хрупкие цветущие деревца вдоль золотых изгородей, медные вазы и треножники с изумительными барельефами, казавшиеся почти живыми статуи из черного с прожилками мрамора, фонтаны с выложенным базальтовыми плитами дном, где плавали блестящие рыбки, крошечные храмы для радужных певчих птиц на верхушках резных колонн, филигранная резьба величественных бронзовых ворот и цветущие лозы, облепившие каждый дюйм отполированных стен, – все сплелось в дивное зрелище, чье великолепие казалось невероятным, а то и попросту невозможным даже в мире сновидений. Под серым сумеречным небом все это казалось искрящимся и переливающимся миражом, и великолепный купол узорчатого дворца впереди, и фантастические очертания неприступных горных пиков вдали справа. Немолчно пели пташки и фонтаны, и аромат редчайших цветов овевал незримым покровом удивительный сад. Кроме них, тут не было ни единой живой души, и Картер тому был несказанно рад. Потом они свернули и стали спускаться по ониксовым ступеням вниз, ибо никто не только не смеет входить во дворец, но даже не может смотреть долго на колоссальный центральный купол, ибо, говорят, там скрывается праотец всех сказочных птиц шантак и насылает на любопытных мучительные сны.

Потом капитан повел Картера в северные кварталы города, к воротам Караванов, где располагаются таверны торговцев яками и добытчиков оникса. И там, в излюбленной таверне каменотесов, они распрощались, ибо капитана ждали неотложные дела, а Картер сторал от нетерпения порасспросить каменотесов о таинственной северной стране. В харчевне с низким потолком яблоку негде было упасть, и путешественник скоро разговорился кое с кем, выдав себя за опытного добытчика оникса, которого, мол, интересуют ониксовые карьеры Инкуанока. Однако все, что он услышал, уже было известно ему, ибо каменотесы робели, едва речь заходила о холодной пустыне на севере и о каменоломне, которую люди стараются обходить далеко стороной. Они боялись таинственных посланцев из-за гор, где находится Ленг, и злых сил и безымянных часовых, затаившихся далеко на севере среди скал. И еще они шепотом говорили, что сказочные птицы шантак вовсе не живые существа, и очень хорошо, что пока ни одному человеку не удалось их увидеть (ибо, как гласит легенда, праотец шантаков, обитающий в куполе царского храма, по ночам выходит на охоту).

На следующий день, изъявив желание самолично осмотреть все знаменитые каменоломни и посетить разбросанные по округе фермы и загадочные ониксовые деревушки Инкуанока, Картер позаимствовал в городе яка и наполнил объемистые кожаные мешки всем необходимым для долгого путешествия. За воротами Караванов дорога бежала между распаханых полей, и повсюду виднелись старенькие фермерские домишки, увенчанные низкими куполами. Путешественник останавливался у этих домов и задавал вопросы, и однажды ему попался довольно суровый и неразговорчивый человек, чья величественно-надменная внешность выдавала явное сходство с гигантским ликом на Нгранеке, и Картер не сомневался, что наконец-то столкнулся с одним из Великих или по крайней мере с тем, в чьих жилах на девять десятых течет их кровь и кто поселился среди простых смертных. И с этим неразговорчивым суровым

домохозяином Картер постарался вести весьма дружелюбные речи о богах и благодарил их за неоднократно оказанные ему знаки благорасположения.

В ту ночь Картер устроился на ночлег в придорожном лугу под гигантским деревом лигат, к которому он привязал своего яка, и утром продолжил путешествие на север. Около десяти часов он вошел в деревушку Ург, где обычно останавливаются на отдых торговцы и каменотесы, травят им свои байки, и до полудня бродил по тамошним тавернам. Именно возле той деревушки все караваны поворачивают на запад, к Селарну, но Картер держал путь на север по пыльной тропе к каменоломням. Весь день он двигался по уходящей в гору дороге, которая оказалась уже главного тракта; сменился и пейзаж: вдоль дороги тянулись не вспаханные поля, а голые скалы. К вечеру низкие холмы слева превратились в гигантские черные утесы, и он понял, что до каменоломен теперь рукой подать. И все время исполинские мрачные склоны неприступных гор громоздились впереди справа, и чем дальше он продвигался, тем мрачнее становились предания об этих горах, рассказываемые местными крестьянами, и торговцами, и возчиками громыхающих повозок, груженых ониксом.

Во вторую ночь Картер расположился на ночлег в тени огромного черного утеса, привязав своего яка к врытому в землю столбу. Он глядел на фосфоресцирующие облака в северном небе, и ему несколько раз показалось, что он видит на их фоне гигантские черные силуэты. А на третье утро он вышел к первому на его пути ониковому карьеру и поприветствовал трудившихся там каменотесов. До вечера Картер миновал одиннадцать каменоломен, а весь здешний ландшафт представлял собой нагромождение ониковых скал и валунов, без единой зеленой травинки или кустика, и черная земля вокруг была усеяна обломками скал, а справа серели грозные неприступные пики. Третью ночь он провел в лагере каменотесов, чьи мерцающие костры отбрасывали зыбкие тени на отполированные утесы в западной стороне. Люди пели песни и поведали ему немало преданий, выказав при этом глубокие познания о стародавних временах и о повадках богов, и Картер понял, что у них в душе хранится потаенная память об их пращурах – Великих богах. Они спрашивали, куда он держит путь, и советовали не уходить слишком далеко на север, но он отвечал, что ищет новые скопления ониковых скал и не собирается рисковать более, чем это принято у старателей. Утром он с ними распрощался и отправился дальше, на темнеющий север, где, как его предупредили, ему должна встретиться страшная безлюдная каменоломня, в которой неведомые каменотесы, что старше рода человеческого, вырубили исполинские глыбы. И ему стало не по себе, когда, обернувшись, чтобы в последний раз махнуть им рукой на прощание, он заметил, как к лагерю каменотесов подходит тот самый коренастый хитрюга купец с раскосыми глазами, о чьих тайных торговых сделках с Ленгом тревожно шептались по углам в далеком Дайлат-Лине.

Оставив позади еще два карьера, он, похоже, покинул населенные уголки Инкуанока, и дорога сузилась в крутую горную тропку, вьющуюся среди черных скал. Справа по-прежнему маячили далекие суровые пики, и по мере того, как Картер взбирался все выше и выше в нехоженный горный край, становилось все холоднее и мрачнее. Вскоре он заметил, что на черной тропе уже нет ни человеческих следов, ни отпечатков копыт, и понял, что оказался в неведомом и безлюдном краю. Время от времени вдали злоеще

каркал ворон, а из-за скал то и дело раздавалось гулкое хлопанье крыльев, и путника невольно посещали тревожные мысли о сказочной птице шантак. Но тем не менее он был тут наедине со своим косматым зверем, и его встревожило, что выносливый як с большой неохотой переступает мощными ногами по тропе и все чаще испуганно храпит в ответ на малейший шорох в придорожных скалах.

Тропу стиснули с обеих сторон черные блестящие скалы, и она стала куда круче, чем прежде. Двигаться стало труднее, и як теперь часто поскользнулся на мелких камнях, густо усеявших тропу. Часа через два Картер увидел перед собой резко очерченный хребет, над которым нависло пустое серое небо, и возблагодарил богов за обещание ровной, а быть может, и бегущей под уклон дороги. Однако добраться до вершины хребта оказалось задачей нелегкой, ибо теперь тропа шла чуть ли не отвесно, и черные камешки и обломки скал стали почти непреодолимым препятствием для его животного. Наконец Картер спешил и повел испуганного яка под уздцы, сильно натягивая повод, когда животное поскользнулось или спотыкалось, и сам старался ступать как можно более осторожно. Неожиданно он вышел на гребень хребта, огляделся – и от представшего его глазам зрелища у него перехватило дыхание.

Тропа, как и прежде, бежала прямо и даже чуть под уклон, меж все тех же естественных стен, но с левой руки разверзлась чудовищная бездна, ускользающая за линию горизонта, где некая древняя сила вырубилась в нагромождении первозданных ониксовых скал нечто вроде гигантской каменоломни. Этот циклопический овраг далеко впереди переходил в глубокий обрыв, и глубоко внизу, едва ли не вровень с потаенными недрами земли, зияли его самые нижние пределы. То была каменоломня, где трудились явно не люди, и в ее вогнутых стенах были вырезаны огромные, в ярд шириной, квадраты, свидетельствовавшие о размерах глыб, некогда вырубленных здесь неизвестными резчиками. А высоко над иззубренным краем хребта каркали и хлопали крыльями гигантские вороны, а неясное жужжание в незримых глубинах говорило о присутствии там воинства летучих мышей или ведьм, а то и вовсе безымянных тварей, населяющих черную бездонную тьму. Картер стоял в сумерках на узкой горной тропе, глядя на убегающую вниз тропу, и на высящиеся справа до самого горизонта ониксовые скалы, и высокие утесы слева, в которых была вырезана эта страшная невыносимая каменоломня.

И вдруг як, издав протяжный крик, вырвался, отпрыгнул в сторону и в ужасе помчался вниз по узкой тропе в северную сторону, пока не скрылся из виду. Выбитые его торопкими копытами камешки брызнули через край каменоломни и полетели вниз, во тьму, и Картер даже не услышал стука от их падения на дно. Но путник забыл об опасностях, таившихся по сторонам этой зыбкой тропы, и устремился вдогонку за своим сбежавшим зверем. А вскоре с левой стороны опять возвысились черные скалы и вновь тропа превратилась в узкий проход в горах, а Картер спешил за яком, и огромные отпечатки копыт вели его маршрутом обезумевшего беглеца.

Как-то ему почудилось, что он услышал впереди топот перепуганного зверя, и Картер поспешил за ним с удвоенной скоростью. Он покрывал милю за милей, и постепенно дорога становилась все шире, пока он не понял, что очень скоро попадет в холодную и страшную северную пустыню. Мрачные серые глыбы далеких неприступных пиков вновь завиднелись на горизонте справа, а впереди замаячили скалы и валуны на широком

плато, за которым, без сомнения, начиналась темная безграничная равнина. И вновь в его ушах гулко зазвучал топот копыт, даже яснее, чем прежде, но на сей раз он не воодушевился, а исполнился ужасом, ибо понял, что это вовсе не копыта сбежавшего яка. Нарастающий неумолимый топот доносился из-за спины...

И теперь погоня за яком обернулась бегством от незримой твари, ибо хотя Картер и не смел оглянуться, он инстинктивно чувствовал, что его преследует нечто невыразимое и неосоздаемое. Его як, должно быть, первым почувствовал ее или услышал этот топот, и Картер не решался даже помыслить, откуда настигал его преследователь – от последнего ли лагеря каменотесов или же из черной исполинской каменоломни. Тем временем скалы остались позади, и ночь сгустилась над испещренной призрачными утесами бескрайней песчаной пустыней, в которой терялись все дороги. Он уже не видел отпечатков копыт яка, но за его спиной звучал неумолчный кошмарный топот, то и дело заглушаемый, как ему казалось, гулким хлопаньем исполинских крыльев и жужжанием. К своему ужасу, он понял, что безнадежно заблудился в этой грозной пустыне слепых скал и нехоженых песков. Лишь далекие неприступные пики справа служили ему неким ориентиром, но и они стали неясными в сгустившихся серых сумерках, и вместо них на горизонте замерцали слабо подсвеченные облака.

И затем в туманной дымке в северной части горизонта прямо перед собой он заметил нечто ужасное. В первый миг ему показалось, что эта гряда черных гор, но потом он взгляделся и понял, то это кое-что иное. Фосфоресцирующие облака довольно четко освещали его очертания и даже позволяли рассмотреть отдельные его части на фоне клубящегося позади дыма. Насколько далеко это было, Картер не мог сказать, но, видимо, очень далеко. Оно было в тысячу футов высотой и вздымалось огромной вогнутой аркой от серых неприступных пиков к невообразимым безднам на западе, и в какое-то мгновение стало походить на могучий ониксовый хребет. Но потом ониксовые горы вдруг растаяли под чьей-то исполинской рукой, явно не человеческой. Эти громады безмолвно присели на вершине мира, точно волки или упыри, увенчанные облаками и туманами, став вечными сторожами тайн севера. Они сидели полукругом, эти собакоподобные горы, превратившиеся в чудовищные изваяния дозорных и угрожающе подъявшие десницы над всем человечеством.

И в мерцающем свечении набрякших облаков их каменные двойные головы как будто чуть покачивались, но как только Картер двинулся вперед, он увидел, как от их мрачных вершин отделились какие-то гигантские существа, чьи движения явно не были галлюцинацией. Крылатые жужжащие твари с каждым мгновением становились все больше и больше, и путешественник понял, что его блуждания приблизились к концу. То были не птицы и не летучие мыши, известные в земном мире либо в мире снов, ибо они были крупнее слонов и их головы походили на лошадиные. И Картер понял, что это и есть печально знаменитые птицы шантак, и теперь уже перестал удивляться тому, что адские сторожа и безмянные часовые заставляли людей сторониться северной скалистой пустыни. И когда он, покоровшись судьбе, остановился и наконец-то решился бросить взгляд через плечо, то увидел, что его преследует коренастый косоглазый купец, о ком ходили дурные слухи, – он, усмехаясь, сидел верхом на исхудалом яке, возглавляя жуткую

стаю хохочущих птиц шантак, чьи крыла все еще дышали хладом и сернистыми испарениями нижних пределов мира.

Но, попавшись в ловушку к сказочным лошадиноголовым крылатым тварям, что кружили над ним богомерзкими насмешниками, Рэндольф Картер не потерял присутствия духа. Жуткие горгульи висели прямо над ним, а косоглазый купец спрыгнул с худосочного яка и стоял, усмехаясь прямо в лицо пленнику. Потом он знаком приказал человеку сесть на одну из омерзительных птиц и даже помог Картеру, которого обуревало сомнение, подчиниться или воспротивиться. Ему с трудом удалось оседлать крылатое чудовище, ибо птицы шантак вместо оперения имеют скользкую чешую. Как только он взгромоздился птице на спину, косоглазый сел позади него, оставив своего худосочного яка на попечение одной из колоссальных птиц, которая тотчас же увела его на север к кольцу горных хребтов.

И начался жуткий полет в застывшем холодном пространстве, бесконечный полет вверх к восточному горизонту, к серому мрачному нагромождению неприступных пиков, за которыми, по преданию, находится таинственный Ленг. Они взлетели выше облаков, пока наконец под ними не открылись фантастические пики, которых обитатели Инкуанока никогда не видели и которые вечно скрыты в клубящемся вихре сияющего тумана. Когда они пролетали над ними, Картер разглядел их очень хорошо и увидел у самых вершин странные пещеры, напомнившие ему те, что он видел на Нгранеке, но он не стал ни о чем спрашивать своего тюремщика, заметив, что и старик, и лошадиноголовая птица шантак почему-то взирали на них со страхом и находились в сильном волнении до тех пор, пока эти горные пики не остались далеко позади.

Птица шантак спустилась ниже, и под грядой облаков показалась серая бесплодная пустыня, на которой вдалеке виднелись тусклые костры. Они спустились еще ниже, и взору Картера предстали разбросанные там и сям одинокие каменные хижины и унылые каменные деревни, в окошках которых мерцал бледный свет. И из этих хижин и деревень доносилось пронзительное пение рожков и тошнотворный грохот барабанов, и Картер сразу понял, что обитатели Инкуанока говорили правду об этих местах. Ибо путешественники слышали подобные звуки и раньше и знали, что они доносятся из этой холодной пустыни, куда не ступала нога человека, ибо это и было мрачное обиталище жутких тайн, имя которому Ленг.

Вокруг тусклых костров плясали какие-то темные фигуры, и Картер стал гадать, что же это за существа, ибо ни одна живая душа никогда не бывала в Ленге, и это место знаменито лишь виднеющимися издалика кострами и каменными деревнями. Плясуны неуклюже и медленно подпрыгивали, неистово и непристойно извиваясь и изгибаясь, так что Картер понял, почему смутная молва причисляет их к дьявольским порождениям и почему во всем сновидческом мире их жуткое ледяное плато вызывает такой страх. Когда птица шантак снизилась, в отвратительных фигурах плясунов внезапно прояснились знакомые черты, и узник напряг зрение, дабы разглядеть их получше, и напряг память, чтобы отыскать в ее глубинах какие-то намеки на то, где бы он мог видеть эти жуткие создания.

Они прыгали так, словно вместо ступней у них были копыта, а на головах у них вроде бы были нахлобучены парики и шапочки с рожками. Другой же одежды на них не было, но многие из них заросли косматой шерстью. Сзади у них болтались крошечные хвостики, а когда они глядели вверх, Картер заметил, какие у них непомерно широкие пасти. И тогда он понял, кто это и что на головах у них вовсе не парики и не шапочки. Ибо загадочные обитатели Ленга были соплеменниками зловещих купцов с черных галер, привозивших в Дайлат-Лин рубины, – тех полулюдей-купцов, которые служат рабами у лунных тварей. Это и впрямь были те самые темнолицые люди, которые когда-то подпоили и хитростью завлекли Картера на жуткую галеру и чьих сородичей на его глазах выстроили на грязных причалах в проклятом лунном городе и худых отправляли на самые тяжелые работы, а упитанных увозили в клетях, чтобы удовлетворить прочие нужды их жабообразных хозяев. Теперь Картер понял, откуда эти диковинные существа, и содрогнулся при мысли, что и Ленг известен тем бесформенным исчадиям Луны.

Птица шантак пролетела над кострами, и над каменными домами, и над нечеловеческого вида плясунами и взмыла над голыми пиками серого гранита и над мрачными пустынями скал, льдов и снегов. Настал день, и тусклое сияние низких облаков сменилось туманными сумерками северного края, а дьявольская птица упорно мчала его сквозь холод и безмолвие. Временами косоглазый купец заговаривал со своим крылатым носильщиком на жутком гортанном языке, и шантак отвечала ему клетотом, напоминая скрежет истолченного стекла. Пока они летели, равнинный ландшафт внизу сменился горами, и наконец они оказались над продуваемым всеми ветрами плоскогорьем, казавшимся крышей опустошенного необитаемого мира. Здесь в сумеречной холодной тишине вздымались призрачные глыбы безоконных домов, окруженных каменными монолитами. В этих постройках не было ни намека на присутствие человека, и Картер, вспомнив старые предания, понял, что это самое страшное и самое непостижимое место на свете – уединенный доисторический монастырь, где живет в одиночестве неопикуемый верховный жрец с желтой шелковой маской на лице, молящийся Великим богам и их ползучему хаосу Ньярлатотепу.

Мерзкая птица опустилась на землю, косоглазый спутник Картера спрыгнул и помог узнику спешиться. Картер теперь вполне догадывался относительно цели своего пленения, ибо этот косоглазый купец был посланцем темных сил, жаждущим предъявить своему повелителю смертного, который вознамерился отыскать неведомый Кадат и вознести молитву перед лицом Великих богов в их ониксовом замке. И вполне возможно, что именно этот косоглазый купец стал зачинщиком его давешнего пленения рабами лунных тварей в Дайлат-Лине и что теперь-то он готов сделать то, на что не осмелились спасительные коты, а именно отвести свою жертву на встречу с чудовищным Ньярлатотепом и рассказать, с каким упорством этот смертный ведет поиски неведомого Кадата. От Ленга и холодной пустыни к северу от Инкуанока, должно быть, совсем недалеко обитель Иных богов, и там все пути к Кадату тщательно охраняются.

Косоглазый был щупл, но гигантская лошадиноголовая птица следила, чтобы пленник подчинялся ему беспрекословно. Так что Картер послушно двинулся за ним и оказался внутри кольца высоких скал и потом прошел сквозь арочный проем в безоконный каменный монастырь. Внутри было темно, но мерзкий купец зажег небольшую глиняную

лампу с омерзительными барельефами на стенках и повел пленника по извилистым узким коридорам. Стены коридоров были разрисованы страшными древними картинами, написанными в стиле, не известном земным археологам. После бесчисленных веков их краски ничуть не потускнели, ибо в холодном сухом воздухе страшного Ленга первобытные создания отлично сохраняются. Картер мельком глядел на них при тусклом свете лампы и содрогался, вникая в содержание их немой повести.

В этих древних фресках запечатлелась летопись Ленга, и рогатые, и копытные, и широкооротые полулюди кружились в адской пляске посреди позабытых городов. Тут были сцены из старых войн, в которых полулюди Ленга сражались с жирными алыми пауками из соседних долин, были тут сцены прибытия черных галер с Луны и сцены порабощения обитателей Ленга жабообразными тварями, которые выпрыгивали из прибывших галер. Этим скользким серо-белым исчадиям ленгцы поклонялись как богам и никогда не противились тому, что их лучших и самых здоровых мужчин увозили в черных трюмах черных кораблей. Чудовищные лунные твари разбили лагерь на скалистом острове в море, и на одной из фресок Картер заметил изображение того самого безымянного острова, который встретился ему в море на пути в Инкуанок, той самой серой проклятой скалы, которую инкуанокские моряки старались обходить стороной и откуда всю ночь неслись жуткие завывания.

И еще на этих фресках был изображен большой морской порт, столица этих полулюдей, гордо вознесшая свои колонны среди утесов и базальтовых причалов и красующаяся высокими храминами и высеченными из камня постройками. Огромные сады и окаймленные колоннами улицы тянулись от прибрежных утесов и от шести охраняемых сфинксами городских ворот к огромной центральной площади, а на площади стояли два гигантских крылатых льва, охранявших вход на подземную лестницу. Эти крылатые львы были изображены на многих фресках, и их могучие фигуры сияли в серых сумерках дня и в облачном сиянии ночи. И, шагая мимо часто повторяющихся настенных картин, Картер наконец-то понял, что же они изображают и что это за город, который полулюди воздвигли задолго до появления черных галер. Ошибки быть не могло, ибо предания сновидческого мира щедры и обильны. Вне всякого сомнения, этот первобытный город был легендарным Саркомандом, чьи руины обветрились и выбелились за миллионы лет до появления на земле первого человека и чьи два исполинских льва-близнеца вечно стерегут лестницу, ведущую из сновидческого мира в великую бездну.

На прочих же изображениях появлялись мрачные серые хребты, отделявшие Ленг от Инкуанока, и чудовищные птицы шантак, что строили свои гнезда в высокогорных ущельях на склонах неприступных хребтов. И еще там были изображены диковинные пещеры у самых вершин, от которых с испуганными криками улетали прочь даже самые отчаянные из птиц шантак. Картер обратил внимание на эти пещеры, пролетая над ними, и мысленно отметил их сходство с пещерами Нгранека. Теперь он ясно видел, что это сходство далеко не случайно, ибо на фресках были изображены страшные обитатели этих пещер, чьи перепончатые крылья, изогнутые рога, колючие хвосты, цепкие лапы и скользкие туловища были ему знакомы. Он уже встречался с этими безмолвными крылатыми когтистыми тварями, с этими безрассудными часовыми великой бездны, которых страшатся даже Великие боги и чьим властелином является даже не

Ньярлатотеп, а косматый седой Ноденс. Ибо то были ужасные ночные призраки, которые не умеют ни хохотать, ни улыбаться, ибо у них нет лиц, и которые непрестанно хлопают крыльями во тьме между Пнатской долиной и переходами во внешний мир.

Косоглазый купец ввел Картера в огромную куполообразную залу, стены которой были покрыты резными барельефами пугающего содержания, а посередине зиял круглый зев, окруженный шестью безобразно запачканными каменными алтарями. Бездонный зловонный склеп не был освещен, и во тьме лишь слабо сияла тусклая крошечная лампа зловещего купца, и при ее свете мало-помалу Картер сумел различить кое-какие детали. В дальнем углу зала высилась каменная кафедра, к которой вели пять ступеней, и там на золотом троне восседала массивная фигура в желтом шелковом одеянии, испещренном красными узорами, и в желтой шелковой маске на лице. Этому существу косоглазый купец сделал рукой некие знаки, и сидящий во тьме поднял мерзкого вида резную флейту из слоновой кости, которую зажимал в лапах, облаченных в шелка, и, приложив ее к желтой маске, выдул несколько отвратительных звуков. Их беседа продолжалась некоторое время, и в звуках этой флейты, как и в витавшем в этой зале зловонии, Картер распознал что-то мучительно знакомое. Он вспомнил о пугающем городе, залитом красным светом, и о чудовищной процессии, некогда шествовавшей по его улицам, и о страшном блуждании по лунной местности, и о последовавшем затем поспешном бегстве при посредстве его друзей, земных котов. Он понял, что восседающая на кафедре тварь, вне всякого сомнения, и есть неопикуемый верховный жрец, о котором идет самая невероятная и пугающая молва, но он устранился даже предположить, кем же этот чудовищный верховный жрец может быть.

А потом разрисованный шелк чуть соскользнул с серо-белой лапы, и Картер понял, кто такой этот жуткий верховный жрец. И в ту же страшную секунду его объял несказанный страх и подвинул к тому, что его разум никогда бы не приказал ему совершить, ибо в его потрясенном мозгу стучала лишь одна лихорадочная мысль – как можно скорее спастись от восседающего на золотом троне чудовища. Он знал, что от холодного плоскогорья снаружи его отделяют бесконечные лабиринты каменных проходов, но даже на спасительном плоскогорье его дожидается жуткая птица шантак; но, невзирая на все эти разумные доводы, его сознание жгло одно лишь желание убраться подальше от этого скользкого, таящегося под шелковым покровом чудовища.

Косоглазый поставил диковинную глиняную лампу на один из запачканных каменных алтарей у зияющего зева и чуть приблизился к кафедре, дабы продолжить разговор с верховным жрецом при помощи жестикуляции, а Картер, выказывавший до этого момента полную отрешенность и подстегнутый страхом, сильно толкнул купца вперед, так что тот сразу же провалился в зияющий колодец, достигающий, по преданиям, самых глубин подземных склепов Зина, где во тьме гуги охотятся на гостей. В ту же секунду Картер схватил лампу с алтаря и бросился прочь в лабиринты коридоров с фресками и помчался вперед, положившись на волю счастливого случая и стараясь не думать ни о тихих шлепках бесформенных лап по каменному полу, которые доносились сзади, ни о бесшумно ползущем по неосвещенным коридорам за его спиной извивающемся чудовище.

Но через несколько секунд он уже пожалел о своем необдуманном бегстве и понял, что ему было бы лучше искать дорогу обратно по фрескам, которые встречались ему на пути сюда. Что верно, то верно: эти картины были настолько неуловимо похожи и так часто повторялись, что найти по ним дорогу было едва ли возможно, но он тем не менее жалел, что не попытал счастья. Те же фрески, что теперь предстали его взору, были ужаснее прежних, и ему стало ясно, что этот коридор не выведет его наружу. Вскоре беглец понял, что его никто не преследует, и несколько сбавил шаг, но не успел он с облегчением перевести дыхание, как на него обрушилась новая напасть. Огонек глиняной лампы догорал, и скоро Картер должен был оказаться в кромешной тьме, потеряв возможность что-либо видеть и ориентироваться в лабиринте.

Когда пламя погасло, он стал медленно пробираться во тьме на ощупь, моля Великих богов прийти ему на помощь. Временами каменный пол под ногами то шел под уклон, то поднимался, а однажды он споткнулся о ступеньку, непонятно зачем тут оказавшуюся. Чем дальше он шел, тем более сырым становился воздух, и когда он нащупывал перекресток коридоров или боковой проход, то неизменно выбирал наиболее пологий. Впрочем, он полагал, что его путь идет вниз, и характерный для подземелья смрад и наросты на слизистых стенах и полу также служили знаком, что он спускается все ниже и ниже в глубину ленгского адского плоскогорья. Но его встреча с неведомым произошла без всякого упреждающего знамения – его ожидали лишь шок от этой встречи, ужас и хаос... Он медленно шагал по скользкому полу почти ровного зала и в следующий момент с головокружительной быстротой низвергся во тьму, провалившись в нору, почти отвесно уходящую вниз.

Он так и не понял, как долго длилось его падение, но казалось, оно продолжалось несколько часов, в течение которых он ощущал жуткую тошноту и экзотический ужас. Потом он осознал, что неподвижно лежит на твердой почве, а над ним бледно мерцают фосфоресцирующие облака северной ночи. Вокруг высились разрушенные стены и сломанные колонны, а между булыжниками мостовой, на которой он лежал, пробивались упрямые кустики травы, стебли и корни. Позади него перпендикулярно вздымался бесконечный базальтовый утес, причем его теневая сторона была покрыта отвратительными барельефами и прорезана арочным зевом, ведущим в кромешную тьму, из которой он выпал. А впереди громоздились двойной ряд колонн, обломки колонн и разрушенные пьедесталы, некогда окаймлявшие широкую улицу, а судя по сломанным каменным амфорам и иссохшим бассейнам с фонтанами, было ясно, что когда-то это была зеленая садовая аллея. Далеко в конце аллеи колонны разбежались веером вдоль большой круглой площади, и в этом просторном круге на фоне мрачных ночных туч темнели два колоссальных изваяния. Это были гигантские крылатые львы из диорита, а между ними таились мрак и тень. Их причудливые неповрежденные головы возвышались на добрых двадцать футов, и звери взирали на руины с презрительной усмешкой. Картер тотчас понял, что они такое, ибо предания и молва говорили лишь об одной паре каменных львов. То были вечные стражники великой бездны, а эти мрачные руины были не что иное, как первобытный Саркоманд.

Первым побуждением Картера было завалить арочный зев в утесе валявшимися повсюду обломками скал и каменных строений. Он не хотел, чтобы преследователи из

жуткого ленгского монастыря нашли его тут, ибо впереди его, без сомнения, и так ожидало множество новых опасностей. Картер не имел ни малейшего представления, как ему добраться от Саркоманда до населенных пределов сновидческого мира, и, проникнув в гроты упырей, он мало чего бы добился, ибо упыри, как было ему известно, были осведомлены не лучше его. Те три упыря, что вывели его из города гугов во внешний мир, не знали дорогу в Саркоманд и намеревались расспросить стариков-торговцев в Дайлат-Лине. Ему вовсе не улыбалась перспектива вновь вернуться в подземный мир гугов и вновь предпринять рискованное путешествие по циклопической лестнице в башне Кота, и попасть в зачарованный лес, однако же он решил, что если все его попытки потерпят неудачу, то ему опять придется попытаться счастья на том же маршруте. Он боялся без чьей-либо помощи пересекать ленгское плоскогорье, ибо его там могли поджидать сонмы посланцев верховного жреца, а уж в конце пути ему, без сомнения, придется столкнуться с птицами шантак, а может быть, и с другими ужасными тварями. Если же он разбудит лодку, то сможет проплыть на ней обратно в Инкуанок мимо ужасной иззубренной скалы среди моря, ибо, судя по древним фрескам в монастырских коридорах, это ужасное место совсем недалеко от саркомандских базальтовых причалов. Но найти лодку в давно заброшенном городе было весьма затруднительно, и совсем уж маловероятным представлялось то, что ему удалось бы самому ее смастерить.

Таковы были мысли Рэндольфа Картера, когда его взору предстало новое видение. Все это время он смотрел на гигантские безжизненные руины легендарного Саркоманда с черными сломанными колоннами и полуразрушенными воротами, увенчанными сфинксами, и исполинскими валунами, и чудовищными крылатыми львами на фоне бледного сияния ночных облаков. И вот теперь далеко впереди справа он заметил зарево, которое явно исходило не от нависших туч, и понял, что не один в этом безмолвном мертвом городе. Зарево становилось то ярче, то тусклее и было подернуто зеленоватыми всполохами, несказанно напугавшими Картера. Он пополз в ту сторону по бывшей садовой аллее и, продравшись сквозь узкие лазы меж обвалившихся стен, увидел костер возле причалов; вокруг яркого пламени костра темнели сидящие кружком неясные фигуры, а над костром витало трупное зловоние. Позади костра виднелись маслянистые воды гавани и гигантский корабль на якоре. И Картера объял несказанный ужас, так как он узнал в этом корабле черную галерею с Луны.

А потом, уже собравшись отползти подальше от жуткого костра, он заметил, что неясные фигуры зашевелились, и услышал чудной, но знакомый звук. Это был испуганный писк упыря, и в следующее мгновение он сменился целым хором страдальческих криков. Притаившись в тени городских руин, Картер заставил себя подавить страх и, вместо того чтобы ретироваться, устремился вперед. Как-то раз, пересекая открытую широкую улицу, он был вынужден, словно червяк, ползти на животе, а в другой раз ему пришлось подняться во весь рост, чтобы не шуметь в груди мраморных обломков. Но ему пока удавалось оставаться незамеченным, так что очень скоро он нашел удобное место за колонной, откуда ему открывался хороший обзор на озаренное зеленоватыми бликами место событий. Вокруг огромного костра, в котором горели жуткие корни лунных грибов, сидели на корточках зловонные жабоподобные лунные твари и их рабы-полулюди. Кое-кто из рабов нагревал в огне диковинные железные пики и время от времени тыкал их раскаленными добела концами трех крепко связанных

пленников, которые извивались на земле перед вожаками стаи. По судорожным движениям их щупальцев Картер понял, что тупомордые лунные твари испытывали от происходящего огромное удовольствие, и он, к своему великому ужасу, увидел, что истязаемые упыри были тройцей его верных проводников, которые вывели его из бездны, а затем направились из зачарованного леса искать Саркоманд и вход в родные пределы.

Лунных тварей вокруг зловещего зеленоватого костра собралось великое множество, и Картер видел, что ничем не может помочь своим бывшим союзникам. Как упыри попали в плен, ему оставалось лишь гадать, но, вероятно, серые жабоподобные твари услышали в Дайлат-Лине, как упыри спрашивали дорогу в Саркоманд, и решили преградить им путь к страшному ленгскому плато и к неопишуемому верховному жрецу. Картер стал думать, что бы предпринять, и вспомнил, что совсем близко отсюда находятся ворота в черное царство упырей. Самым разумным теперь было бы незаметно доползти до площади двух львов и нырнуть в колодец, где его поджидали ужасы не страшнее, чем здесь, и где он сумел бы встретить упырей, готовых спасти своих собратьев, а может быть, и изгнать лунных тварей с их черной галеры. Ему пришло в голову, что портал, как и прочие ворота в бездну, сторожат стаи ночных призраков, но сейчас этих безлицых тварей почему-то не было видно. Он знал, что они связаны с упырями священной клятвой, а упырь, ранее бывший Пикманом, научил его важным паролям, на которые они отзывались.

И вновь Картер стал бесшумно красться в руинах, медленно пробираясь к центральной площади и крылатым львам. Это было весьма рискованно, но лунные твари, поглощенные своим приятным занятием, не услышали слабого шороха, который Картер дважды случайно издал, пробираясь по каменной трухе. Наконец, добравшись до площади, он скрылся за чахлыми деревцами и за туго обвившими их лозами. В слабом сиянии фосфоресцирующих ночных туч гигантские львы высились над ним ужасными истуканами, но он отважно держал путь прямо к ним и вскоре оказался перед их мордами, зная, что именно с этой стороны сможет обнаружить бездонный мрачный зев, который они сторожат. Насмешливоликих зверей из диорита, которые задумчиво возлежали на исполинских пьедесталах, изукрашенных пугающими барельефами, разделяли всего лишь десять футов. Между ними был разбит мощенный плитами дворик, центральную часть которого некогда окружали ониксовые перила, а в самой середине его чернел провал, и Картер понял, что достиг зияющего колодца с заплесневелыми ступенями, ведущими в потаенные недра кошмара.

Ужасны воспоминания об этом спуске во мраке, когда медленно текли часы, а Картер в безвидной тьме спускался по бесконечной спирали крутых скользких ступеней. И эти узкие ступени были так сильно выщерблены и покрыты таким плотным слоем подземной слизи, что путник не знал, в какую секунду его подстерегает страшное падение в бездонную пропасть, и равно он не знал, когда и где ему следует ожидать внезапного нападения стерегущих эту лестницу ночных призраков, если и впрямь страшные часовые таятся в первобытном мраке. Он вдыхал невыносимый смрад бездонного подземелья и думал, что атмосфера сих душных недр не предназначена для человеческих легких. Через некоторое время им овладели дурнота и сонливость, и он уже двигался, скорее повинувшись органическому автоматизму, нежели разумной воле, и когда

он почувствовал тихое прикосновение сзади, то даже не сумел этого осознать. Картер стремительно полетел вниз и, лишь с содроганием ощутив прикосновение скользких лап, понял, что ночные призраки исполнили свой долг.

Оказавшись в холодных и влажных объятиях безликих тварей, Картер вспомнил пароль упырей и громко, насколько возможно, выкрикнул его в ветреный вихрь безумного полета. Хоть и говорят, что ночные призраки безмозглы, они откликнулись на зов незамедлительно, ибо тотчас же перестали щекотать пленника и постарались усадить его поудобнее. Воодушевленный их мгновенной реакцией Картер попытался дать некоторые объяснения и поведал им о пленении и истязании трех упырей и о необходимости собрать отряд и вызволить их из лап лунных тварей. Ночные призраки, хотя и безгласые, похоже, поняли его сбивчивое сообщение и, прибавив скорости, устремились дальше. Внезапно кромешный мрак сменился серыми сумерками земных недр, и прямо по курсу открылась плоская безжизненная равнина, одна из тех, где упыри так любили собираться и поглощать свою добычу. По разбросанным надгробиям и обломкам костей сразу было ясно, кто жил в этих краях, и, когда Картер издал призывный вопль, из десятков нор выползли кожистые собаковидные обитатели. Ночные призраки снизились почти до самой земли и поставили пленника на ноги, а сами отступили на несколько шагов и встали вокруг него полукольцом. Упыри приветствовали гостя.

Картер торопливо, но внятно пробормотал свое сообщение чудной компании, и четверо упырей тут же нырнули в другие норы, спеша передать новость соплеменникам и собрать необходимые силы для спасения пленников. После долгого ожидания появился весьма важный упырь и подал многозначительный знак ночным призракам, после чего двое из них умчались во мрак. Затем на равнину начали слетаться сонмы горбатых ночных призраков, пока наконец их воинство не покрыло черным покрывалом всю склизкую почву. Тем временем из нор один за другим вылезали все новые и новые упыри. Они о чем-то оживленно лопотали и выстраивались боевым порядком неподалеку от толпящихся ночных призраков. Вскоре появился гордый и важный упырь, некогда бывший художником Ричардом Пикманом из Бостона, и Картер дал ему полный отчет о происшедшем. Экс-Пикмана, которого обрадовала новая встреча со старинным другом, похоже, сильно взволновал тревожный рассказ, и он созвал остальных вожаков на военный совет, который и провел чуть поодаль от собирающегося войска.

Наконец, проведя придирчивый смотр своих сил, вожаки визгливо залопотали в унисон и принялись отдавать ночным призракам и упырям гортанные приказы. Крупное соединение рогатых летунов тотчас скрылось из виду, а остальные сгруппировались по двое, опустившись на колени и вытянув передние лапы, и стали дожидаться подхода новых упырей. Упырь подходил к паре ночных призраков, приданных ему в напарники, и те поднимали его в воздух и уносили прочь во тьму. Так продолжалось до тех пор, пока все воинство не растворилось во мраке и на равнине остались лишь Картер, Пикман и другие вожаки да несколько пар ночных призраков. Пикман объяснил, что ночные призраки являются передовым ударным отрядом и боевой кавалерией упырей и что армия выдвигается маршем на Саркоманд, чтобы дать бой лунным тварям. Потом Картер и упырь-вожаки приблизились к ожидающим их носильщикам, которые тут же их подхватили скользкими влажными лапами. Еще мгновение – и все они уже под свист

ветра мчались во тьме бесконечного колодца, взмывая все выше и выше к воротам с крылатыми львами-стражами и к призрачным руинам первобытного Саркоманда.

Через какое-то время Картер вновь увидел бледное сияние саркомандского ночного неба, а потом и центральную площадь, которая кишмя кишела воинственными упырями и ночными призраками. Было ясно, что скоро забрезжит рассвет, но численность армии была столь внушительна, что она могла справиться с врагом и без внезапной ночной атаки. Зеленоватое пламя костра у причалов все еще смутно мерцало, но жалобных упырьих завываний уже не было слышно: видимо, их истязание завершилось. Тихо отдавая команды своим носильщикам и передовой стае ночных призраков, упыри выстроились в шумливые колонны и направились по мрачным руинам к неприятельскому костру. Картер находился рядом с Пикманом в первых рядах упырей и, когда они приблизились к жуткому лагерю, увидел, что лунные твари совершенно не готовы обороняться. Трое пленников лежали, связанные, без движения, у костра, а их жабовидные тюремщики лениво бродили вокруг. Рабы-полулюди спали, и даже часовые забыли о своих обязанностях, которые в здешних краях, видимо, казались им совсем ненужными.

Атака ночных призраков и оседлавших их упырей была внезапной, и все серые жабовидные твари и их полулюди-рабы были схвачены ночными призраками в мгновение ока. Лунные твари были, разумеется, безгласны, но и рабы не успели издать ни звука, ибо скользкие лапы заткнули им глотки. Огромные скользкие чудища жутко извивались в объятиях ухмыляющихся ночных призраков, но были бессильны против цепких черных когтей. Когда лунная тварь слишком отчаянно пыталась вырваться, ночной призрак попросту хватал ее за щупальца, что причиняло жертве невероятную боль, ибо она тотчас прекращала всякое сопротивление. Картер полагал, что станет свидетелем жестокой бойни, но потом увидел, что у упырей куда более тонкий план. Они пролопотали какие-то приказы ночным призракам, которые удерживали пленников, в остальном полагаясь на свой инстинкт, и вскоре несчастные твари были безмолвно препровождены в великую бездну, где их поровну поделили между бесчисленными долами, гугами, гастами и прочими обитателями первозданного мрака, чьи гастрономические привычки далеко не безболезненны для их жертв. Тем временем трех связанных упырей освободили и передали на попечение сердобольных соплеменников, а поисковые группы начали прочесывать местность на предмет выявления остатков затаившихся лунных тварей, после чего отправились на черную галеру – убедиться, что ни одной из тварей не удалось спастись от разящих лап крылатых мстителей. И вскоре стало ясно, что врагу было нанесено сокрушительное поражение, ибо победители не обнаружили ни малейших признаков жизни. Картер, желая сохранить доступ к остальным пределам сновидческого мира, умолил их не затапливать стоящую на якоре галеру, и эта просьба была великодушно удовлетворена в знак благодарности за его своевременное донесение о печальном уделе плененной троицы. На борту галеры обнаружили весьма странные предметы, каковые Картер тут же выбросил в море.

Упыри и ночные призраки теперь собрались в обособленные группы, причем первые стали расспрашивать у своих спасенных соплеменников об их злоключениях. Выяснилось, что, следуя инструкциям Картера, троица пришла из зачарованного леса в

Дайлат-Лин через Нир и Скай, надев украденную в пустом крестьянском доме человеческую одежду и, насколько это было возможно, подражая человеческой походке. В Дайлат-Лине их причудливые повадки и внешность вызвали массу кривотолков, но они настойчиво выспрашивали дорогу в Саркоманд, пока наконец какой-то старый путешественник не указал им нужное направление. Они выяснили, что им подойдет лишь один корабль, отправляющийся в Лелаг-Ленг, и приготовились терпеливо его ожидать.

Но злонамеренные шпионы, понятное дело, сразу же донесли об их намерениях, ибо очень скоро в порт вошла черная галера, и большеротые торговцы рубинами пригласили переодетых упырей выпить с ними в портовой таверне. Вино разливали из чудной бутылки, вырезанной из цельного куска рубина, и после этого упыри, подобно тому, как некогда это произошло и с Картером, очнулись уже пленниками хозяев черной галеры. На сей раз, однако, невидимые гребцы направили судно не на Луну, а в древний Саркоманд, вознамерившись, несомненно, предъявить пленников неописуемому верховному жрецу. Они пристали к зубчатой скале посреди Северного моря, которой сторонились инкуанокские корабли; тут упыри впервые увидели рыжих хозяев корабля и, несмотря на свою невозмутимость, они едва не лишились чувств, увидев столь жутких бесформенных чудищ и почуяв их невыносимый смрад. Там же они стали свидетелями и невообразимых забав жабоподобных сторожей острова-скалы – тех самых забав, которые сопровождаются ночным воем, отпугивающим людей. После этого их высадили в разрушенном Саркоманде и предали бесконечным пыткам, которые прекратились лишь с появлением спасательной экспедиции.

При обсуждении дальнейших планов трое освобожденных упырей предложили совершить рейд на зубчатую скалу и перебить тамошний гарнизон жабоподобных тварей. Однако ночные призраки стали возражать, так как их совсем не вдохновила перспектива долгого полета над морем. Но многие упыри поддержали план, хотя и не знали, как его осуществить без поддержки крылатых ночных призраков. Тогда Картер, видя, что им не под силу управлять черной галерой, вызвался научить их пользоваться большими веслами, и это предложение было встречено с энтузиазмом. Наступил серый день, и под свинцовым северным небом вереница упырей-добровольцев направилась на жуткий корабль и заняла места на скамьях гребцов. Картер нашел их весьма способными учениками и уже к ночи рискнул сделать несколько тренировочных выходов вдоль берега. Но лишь три дня спустя он счел вполне безопасным предпринять боевой рейд. И вот когда наконец гребцы были вполне обучены, а ночные призраки благополучно расположились в кубрике, подняли паруса, и Пикман и прочие вожаки собрались на палубе для обсуждения вариантов подхода к скале и тактики боя.

Уже в первую ночь они услышали завывания со скалы. И так ужасен был этот вой, что вся команда галеры задрожала от страха, но более всего затрепетали в ужасе трое спасенных упырей, которым было хорошо известно, что означают эти завывания. Было решено отказаться от ночного нападения, поэтому корабль стал на рейде под фосфоресцирующими облаками в ожидании серого рассвета. Когда забрезжило утро и завывания утихли, галера приблизилась к зубчатому утесу, чьи гранитные пики фантастическими клыками пронзали пустое небо. Склоны утеса были очень крутые, но на

его выступах в разных местах виднелись торчащие стены странных безоконных жилищ и низкие перила вдоль исхоженных горных тропинок. Ни одному кораблю не удавалось доселе подходить так близко к утесу, во всяком случае, не удавалось подходить так близко и в целости уходить прочь, но Картер и упыри не ведали страха и держали курс прямо на утес, огибая его восточную стену в поисках причала, который, судя по словам трех спасенных упырей, находился на южной стороне.

Мыс был продолжением острова, и скалистый проход в гавань оказался столь узок, что места хватало лишь для одного корабля. Дозорных они не заметили, так что галера смело ринулась сквозь гранитную горловину и вошла в зловонные стоячие воды гавани. Тут царил суматоха: несколько кораблей стояли, пришвартовавшись к омерзительному каменному причалу, и десятки полулюдей-рабов и лунных зверей таскали клетки и короба и перевозили неведомых и неопишимо жутких монстров, привязанных к гроыхающим повозкам. В вертикальном утесе над гаванью был вырублен небольшой каменный поселок, от которого начиналась спиралевидная дорога, теряющаяся на верхних склонах исполинской скалы. Что творилось по ту сторону громадного пика, оставалось загадкой, но представшее глазам путешественников зрелище с этой стороны было не из приятных.

Вошедшая в гавань галера вызвала бурное оживление на причалах – имевшие глаза пристально вперили взор в корабль, безглазые твари тревожно зашевелили розовыми щупальцами. Они, разумеется, и не предполагали, что черный корабль сменил хозяев, ибо упыри внешне походили на рогатых и копытных полулюдей, а все ночные призраки находились в трюме. К тому времени вожаки выработали окончательный план: они намеревались выпустить ночных призраков, как только галера причалит к берегу, после чего им следовало незамедлительно отплыть прочь, предоставив этим почти неразумным тварям возможность действовать по обстановке. Высадившись на скалу, рогатые летуны прежде всего должны были захватить всех живых существ, а потом, повинувшись лишь инстинкту самосохранения и позабыв о присущей им водобоязни, быстро полететь восвояси со своей жуткой добычей, дабы разделить ее по справедливости во мраке, откуда мало кто возвращался живым.

Упирь, ранее бывший Пикманом, спустился в трюм и отдал ночным призракам необходимые распоряжения, между тем корабль подходил все ближе к зловещим зловонным причалам. Вскоре по набережной прокатился ропот, и Картер заметил, что галера вызвала первые подозрения. Наверное, рулевой направил судно к чужому доку, и, возможно, дозорные на берегу заметили очевидное несходство ужасных упырей с полулюдьми-рабами, чьи места они заняли. Возможно, кто-то подал неслышимый сигнал тревоги, ибо из черного входа безоконного жилища показалась туча смрадных лунных тварей, которые двинулись по спиралевидной дороге к причалам. Как только галера ткнулась носом в пирс, ее осыпал дождь дротиков; от сильного удара двое упырей упали, а прочие получили ушибы. Но к этому моменту все люки были открыты, и из трюма темной тучей рванулись ночные призраки, заполонившие небо над городом, словно стая исполинских летучих мышей.

Склизкие лунные твари вооружились огромным бревном и попытались оттолкнуть им вторгшийся корабль, но после первой же атаки ночных призраков это желание у них пропало. Страшную картину являли дикие забавы безликих скользких налетчиков,

грозной тучей нависших над городом и над горной дорогой. Порой черные лопотуны случайно роняли с большой высоты жабоподобного пленника, и, когда жертва с грохотом падала на скалы, зрители невольно зажимали носы и закрывали глаза от омерзения. Когда последний ночной призрак покинул галеру, вожаки упырей отдали приказ об отступлении, и гребцы неспешно вывели галеру из гавани меж серых скал мыса. В городе царили суматоха и разор.

Пикман-упырь дал ночным призракам несколько часов для того, чтобы они смогли на что-то решиться и побороть водобоязнь; он поставил галеру на рейде в миле от скалистого острова, и, пока они ждали возвращения крылатых бойцов, раненым была оказана первая помощь. Наступила ночь, серые сумерки сменились унылым фосфоресцированием низких туч, и все это время вожаки пристально всматривались в высокие пики проклятой скалы, ожидая увидеть ночных призраков. К утру над самым высоким пиком показалась черная точка и очень скоро превратилась в стаю. Как раз перед самым восходом стая рассыпалась в небе и через четверть часа полностью исчезла на северо-востоке. Один или два раза что-то отрывалось от стаи и падало в море, но Картера это не беспокоило, ибо он знал, что лунные твари не умеют плавать. Наконец, когда стало ясно, что все ночные призраки вместе с обреченными пленниками улетели в сторону Саркомада, к своей великой бездне, галера вновь вошла в гавань между серых скал. Вся ее жуткая команда высадилась на берег и начала прочесывать безжизненную скалу с ее башнями, замками и крепостями, вырезанными в гранитных монолитах.

Ужасными были находки, обнаруженные в безоконных мрачных склепах: там оказалось великое множество оставшихся после бурных пиршеств объедков в различной стадии разложения. Картер старался убрать с дороги предметы, которые в некотором роде были живыми, и в ужасе сторонился иных, о которых ничего определенного сказать было нельзя. Меблировка смрадных домов в основном сводилась к причудливым табуретам да лавкам, вырезанным из стволов лунного дерева и разрисованным изнутри непонятными и дикими орнаментами. Повсюду были разбросаны оружие, инструменты и поделки, в том числе несколько крупных рубиновых идолов в виде фантастических тварей неземного происхождения. Эти идолы, хотя и сделанные из драгоценного камня, не вызвали у Картера желания прихватить их с собой или рассмотреть повнимательнее, и он даже не поленился разбить их молотком вдребезги. Он собрал разбросанные пики и дротики и, с одобрения Пикмана, раздал их упырям. Такое оружие собакоподобным прыгунам было в новинку, но после нехитрых объяснений они им легко овладели.

На верхних склонах утеса было больше храмов, нежели жилищ, и в многочисленных каменных покоях обнаружили ужасные резные алтари и жутко перепачканные купели и святилища для поклонения вещам более чудовищным, чем жуткие боги на вершине Кадата. От заднего придела одного из больших храмов тянулся низкий черный проход, по которому Картер, держа в руке факел, углубился далеко в недра скалы и вскоре попал в высокий неосвященный зал огромных размеров, стены которого были испещрены демоническими барельефами, а в центре зиял чудовищный бездонный колодец, как в том ужасном монастыре в Ленге, где восседает неопикуемый верховный жрец. На противоположной темной стене за кошмарным колодцем Картер, как ему показалось, различил небольшую дверь из кованой бронзы, но почему-то испытал необъяснимый

страх и не рискнул ни отворить ее, ни даже приблизиться к ней, и поспешил обратно по проходу к своим неприглядным союзникам, которые бродили по храму с беспечностью и равнодушием, ему в данный момент чуждыми. Упыри проявили живейший интерес к объедкам пиршества лунных тварей – и не без пользы для себя. Они также нашли бочку крепкого лунного вина и покатали ее к причалу, чтобы потом использовать напиток для дипломатических нужд, впрочем, троица спасенных упырей, памятуя о его дурном воздействии на них в Дайлат-Лине, предупредили соплеменников не пить это вино. В одном из подвалов ближе к воде нашли горы рубинов из лунных каменоломен, как необработанных, так и отполированных, но, когда упыри поняли, что камни несъедобны, они тут же утратили к ним интерес. Картер не стал брать с собой рубины, ибо слишком хорошо знал их добытчиков.

Внезапно часовые на причалах издали возбужденный визг, и жуткие фуражиры, бросив свои занятия и столпившись на берегу, устремили взоры на море. Между серых скал в гавань быстро проскользнула новая черная галера. Стоявшие на ее палубе полулюди сразу могли бы заметить следы налета на город и подали бы сигнал тревоги чудовищам в трюме. К счастью, упыри все еще были вооружены пиками и дротиками, которые им Картер раздал, и по его команде, поддержанной тварью, ранее бывшей Пикманом, они выстроились в боевой порядок и изготовились помешать высадке команды галеры. Из поднявшегося на прибывшей галере шума явствовало, что команда обнаружила перемену обстановки в городе, и, судя по тому, как резко остановилась галера, стало очевидно, что на корабле приняли во внимание превосходящие силы упырей. После минутного колебания пришельцы безмолвно развернулись и ушли в море, но упыри ни секунды не сомневались, что стычки избежать не удалось. Либо темная галера отправилась за подкреплением, либо ее команда попытается сойти на берег где-то в другом месте, поэтому к вершине островной скалы тотчас же была выслана разведывательная группа, чтобы вести наблюдение за действиями противника.

Через несколько минут упыри вернулись и с волнением сообщили, что лунные твари и полулюди высаживаются на восточной части скалистого мыса и карабкаются вверх по тайным тропам и уступам, где и горный козел не пройдет. И почти сразу же после того галеру вновь увидели в узком проливе, но лишь на мгновение. А еще через какое-то время второй вестник спустился с вершины утеса и доложил, что на другой стороне мыса высадился еще один отряд, причем, судя по его многочисленности, галера вряд ли могла вместить столько пассажиров. Галера же, медленно подгоняемая поредевшими гребцами, вскоре показалась между серых скал и встала на якорь в зловонной гавани, точно ее команда вознамерилась наблюдать за будущей битвой и оказать своим бойцам необходимую поддержку.

К этому времени Картер и Пикман разделили упырей на три группы, две из которых должны были выйти навстречу наступавшим колоннам противника, а третья остаться в городе. Обе ударные колонны быстро овладели скалами на своих направлениях, а из третьей группы сформировались сухопутный и морской отряды. Морской отряд под командованием Картера обосновался на галере, которая двинулась к недоукомплектованному вражескому кораблю. Последний тут же ретировался в открытое

море. Картер не стал его преследовать, ибо знал, что его воины могут понадобиться в городе.

Тем временем жуткие полчища лунных тварей и полулюдей уже оккупировали вершину скалистого мыса, страшными силуэтами отпечатавшись на фоне серого сумеречного неба. Омерзительно-тонкими руладами взвыли флейты, и вид беспорядочной процессии монстров был не менее тошнотворным, чем запах, исходящий от жабоподобных лунных тварей. А потом показались оба отряда упырей, дополнив жуткую панораму на вершине скалы. Со всех сторон полетели дротики, и раскатистый визг и звериный вой полулюдей слились с адским всхлипыванием флейт, произведя неопишемую демоническую какофонию. То и дело с узких хребтов скалистого мыса в воду летели тела – и те из них, что падали в гавань, тут же пожирались подводными хищниками, о чьем присутствии свидетельствовали бурлящие пузыри на воде.

Полчаса продолжалась великая битва, пока на западном утесе захватчиков не уничтожили почти полностью. На восточном же утесе, где находился вожак воинства лунных тварей, упырям не сопутствовал успех, и они медленно отступали к склону центральной скалы. Пикман приказал быстро выслать туда подкрепление из города, и приданные силы оказали существенную помощь воинам. А когда завершилась битва на западном утесе, победители-упыри тоже поспешили к соседнему утесу на помощь соплеменникам. Им удалось переломить ход сражения, и они вынудили нападавших вернуться на узкий хребет. Полулюди к этому времени были почти все перебиты, но уцелевшие жабоподобные отчаянно бились огромными пиками, которые они сжимали в своих могучих лапах. Момент для использования дротиков был упущен, и битва перешла в рукопашную.

По мере того как возрастал накал боя, число падающих в море жертв увеличивалось. Многие упавшие в воды гавани стали жертвами незримых подводных хищников, из тех же, кто упал в открытое море, кому-то удалось выбраться на прибрежные скалы, и стоявшая все это время поблизости вражеская галера подобрала из воды нескольких лунных тварей. Прибрежные утесы, кроме места высадки монстров, были абсолютно неприступны, так что никому из упырей, расположившихся на вершине скалы, не удалось спуститься к передовой линии боя. Кого-то из них пронзили насмерть пущенные с вражеской галеры дротики, кого-то убили лунные твари, но кое-кто все же уцелел. Когда же сухопутному отряду уже более ничто не угрожало, галера Картера вышла из гавани и отогнала вражеский корабль далеко в открытое море, а потом бросилась на помощь упырям, которые остались на скале или барахтались в воде. Лунных тварей, выброшенных на прибрежные скалы, быстро уносили прочь.

Наконец, когда галера лунных тварей ушла далеко от острова и вторгшееся воинство закрепилось в одном месте, Картер выдвинул значительные силы с восточной части мыса в тыл врагу, после чего судьба битвы была предрешена. Атакованные с двух флангов боевые порядки мерзких захватчиков были быстро расчленены и сброшены в море, и к вечеру вожаки упырей решили, что остров вновь очищен от неприятеля. Вражеская галера тем временем исчезла, и было решено покинуть остров-утес, пока превосходящие силы лунных тварей не собрались в кулак и не бросились в новую атаку на победителей.

Итак, к ночи Пикман и Картер собрали всех оставшихся в живых упырей и после пересчета обнаружили, что в ходе вчерашней битвы они потеряли четверть состава. Раненых разместили в трюме, так как Пикман всегда выступал противником старого обычая упырей убивать и пожирать трупы раненых, а здоровых воинов посадили на весла или расставили там, где их присутствие могло быть полезно. Галера заскользила под низкими фосфоресцирующими облаками, и Картер без сожаления покинул остров жутких тайн, и перед его мысленным взором стоял неосвещенный зал с куполообразным потолком, с бездонным колодцем в центре и отвратительной бронзовой дверью в стене. Рассвет застал корабль на рейде саркомандского базальтового причала, где их до сих пор терпеливо дожидались ночные призраки-часовые, сидевшие, точно черные рогатые горгульи, на поверженных колоннах и разрушенных сфинксах страшного города, что возник и угас до появления на земле человека.

Упыри разбили лагерь среди саркомандских обломков, выслав вестника за ночными призраками, которые должны были стать их скакунами. Пикман и прочие вожаки пылко выразили Картеру благодарность за оказанную помощь. Теперь Картер понял, что его планы близки к осуществлению и что он сможет воспользоваться помощью своих страшных союзников не только для выхода из этой части сновидческого мира, но и для успешного завершения поиска богов на вершине неведомого Кадата и чудесного предзакатного города, который боги столь странным образом не допускали в его сны. Он говорил об этом с вожаками упырей, поведав им все, что было ему известно о холодной пустыне, где стоит Кадат, и о чудовищных птицах шантак, и о горах, в которых вырублены двуглавые стражи Кадата. Он говорил о том, насколько опасны птицы шантак для ночных призраков, и о том, как гигантские лошадиноголовые птицы с криком уносятся прочь от черных расщелин высоко на серых хребтах, отделяющих Инкуанок от чудовищного Ленга. Еще он рассказывал о тайнах ночных призраков, изображенных на фресках в безоконном монастыре неопикуемого верховного жреца, и о том, что даже Великие боги их боятся, и что их владыка вовсе не ползучий хаос Ньярлатотеп, а древний седой Ноденс, Повелитель великой бездны.

Обо всем этом Картер поведал столпившимся вокруг него упырям и потом изложил свою просьбу и сказал, что считает себя вправе попросить их о такой же услуге, как и та, что была не так давно оказана им собакоподобным прыгунам. Он изъявил желание, чтобы ночные призраки перенесли его над гористой страной птиц шантак прямо в холодную пустыню, туда, куда не ступала нога смертного. Он хотел перелететь к ониксовому замку на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне и упросить Великих богов подарить ему чудесный предзакатный город, к которому они его не допускают; он не сомневался, что ночные призраки доставят его туда без особого труда, и он минует все опасности, подстерегающие его на равнине и на ужасных двуглавых горах-сторожах, что навечно притаились в серых сумерках. Рогатым безликим тварям это путешествие ничем не грозит, ибо их страшатся даже сами Великие. И даже если Великие предпримут какие-то неожиданные шаги, ибо самых неожиданных вещей следует ждать от Великих, привычно надзирающих за делами добрых земных богов, ночным призракам их не следует бояться, так как внешние адские пределы не опасны безгласным скользким летунам, чьим владыкой является не Ньярлатотеп, а могущественный древний Ноденс.

«Стая из десяти-пятнадцати ночных призраков, – продолжал Картер, – несомненно, отпугнет птиц шантак, хотя, возможно, стоит взять с собой нескольких упырей, чтобы совладать с этими крылатыми тварями, ибо их повадки лучше известны упырю, чем человеку». Крылатый отряд мог бы высадить его где-нибудь в легендарной ониксовой цитадели и затаиться в укромном месте, дожидаясь его возвращения или условного сигнала, когда он пройдет внутрь замка помолиться земным богам. Если же кто-то из упырей захочет сопровождать его в тронный зал Великих, он будет им благодарен, ибо их присутствие придаст больше значимости и достоинства его просьбе. Он, впрочем, не будет на этом настаивать и хочет лишь с их помощью долететь до Кадата и вернуться обратно, а их последнее путешествие будет либо к чудесному предзакатному городу, если боги отнесутся к его просьбе благосклонно, или назад, к вратам Глубокого Сна в зачарованном лесу, в случае если его молитвы не возымеют действия.

Пока Картер говорил, все упыри слушали его с великим вниманием, и вскоре небо почернело от слетевших стай ночных призраков, за которыми ранее послали вестника. Крылатые твари уселись полукольцом вокруг упырьего воинства, дожидаясь, пока собакоподобные вожаки закончат обсуждение просьбы земного путешественника. Упырь-Пикман с серьезным видом долго лопотал со своими соплеменниками, и в конце концов Картеру предложили даже больше, чем он ожидал. Как он помогал упырям в битве с лунными тварями, так и они окажут ему помощь в дерзком путешествии к пределам, откуда никому еще не довелось вернуться, и они готовы выделить ему своих союзников, ночных призраков, не только в нужном количестве, но и все их воинство, и ветеранов прежних сражений, и молодых ночных призраков, за исключением лишь небольшого отряда, оставшегося на захваченной черной галере, и раненных в бою на острове-утесе. Они будут готовы к полету, когда он пожелает, а по прибытии на Кадат внушительный отряд упырей будет сопровождать его все время, пока он будет говорить с земными богами в их ониксовом дворце.

Испытывая огромную радость и благодарность, Картер вместе с упырьими вожаками приступил к выработке плана дерзновенного путешествия. Они решили, что крылатое воинство полетит высоко над чудовищным Ленгом, над безымянным монастырем и ужасными каменными деревнями и сделает остановку лишь на гигантских серых пиках, чтобы переговорить со столь пугающими птиц шантак ночными призраками, чьи подземные лазы проникли глубоко в недра скал. А потом, следуя советам, полученным от обитателей тех горных лазов, они выберут конечный маршрут и приблизятся к неведомому Кадату либо со стороны пустыни и гор к северу от Инкуанока, либо же с северной стороны отвратительного Ленга. Собакоподобные бездушные упыри и ночные призраки не испытывали ни малейшего страха перед тем, что сулила им нехоженная пустыня, как не испытывали ни малейшей робости оттого, что их ждет встреча с Кадатом и его таинственным ониксовым замком.

К полудню упыри и ночные призраки были готовы к полету, причем каждый упырь подобрал себе подходящую пару крылатых носильщиков. Картер разместился в голове воздушной колонны рядом с Пикманом, а впереди, в качестве боевого авангарда, расположились две шеренги ночных призраков налегке. По краткому приказу Пикмана грозная армада взмыла ввысь над поверженными колоннами и полуразрушенными

сфинксами древнего Саркоманда. Они летели все выше и выше, и вот уже скрылись из вида базальтовые утесы за городом, а прямо по курсу показались холодные безжизненные плоскогорья на подступах к Ленгу. Еще выше поднялось черное воинство, и вот даже плоскогорье превратилось в песчинку, и, когда они направились к северу над продуваемым всеми ветрами плато, Картер вновь с содроганием увидел кольцо грубых монолитов и приземистое безоконное здание, в котором восседало чудовище с желтой шелковой маской на лице, от чьих цепких лап он чудом спасся. На этот раз черная армия, словно стая гигантских летучих мышей, летела, не снижаясь, и на большой высоте миновала тусклые костры кошмарных каменных деревень, не останавливаясь, чтобы поглядеть на ужасные кривляния рогатых и копытоногих полулюдей, несущихся в вечном вихре дикой пляски. Как-то раз они заметили птицу шантак, пролетающую низко над равниной, но завидев страшную крылатую армию, она издала испуганный крик и, громко хлопая крыльями, унеслась прочь в северном направлении.

С наступлением сумерек они достигли зазубренных серых хребтов, служащих Инкуануку защитой, и стали кружить над причудливыми пещерами у самых вершин, которые так отпугивали птиц шантак. По зову упырих вожаков из всех высокогорных лазов вырвались вереницы рогатых черных летунов, с которыми упыри и ночные призраки вступили в беседу посредством непотребной жестикуляции. Скоро выяснилось, что наиболее удобный маршрут пролегает над холодной пустыней к северу от Инкуанока, ибо северные подступы к Ленгу таят множество незаметных ловушек, которые даже ночным призракам не по нраву, а именно злые силы, таящиеся в белых полусферических зданиях на странных пригорках, которые народная молва связывает с Иными богами и их ползучим хаосом Ньярлатотепом.

О Кадате громокрылые обитатели горных пиков почти ничего не знали, кроме того, что дальше к северу есть некая могучая чудотворная сила, которую зорко стерегут шантаки и вырезанные в горе часовые. Они упомянули и о том, что в тех нехоженых местах наблюдается диковинное искривление пространственных измерений, и вспомнили слухи о том крае, где стоит вечная ночь, но более конкретных сведений они передать не могли. Так что Картер и его спутники поблагодарили их и, миновав высочайшую гранитную вершину в небе Инкуанока, опустились ниже кромки фосфоресцирующих ночных туч и разглядели вдали жутких сидящих горгулий, которые некогда были горным хребтом, пока чья-то титаническая рука не вырезала в его девственных скалах ужасные изваяния.

Гранитные часовые, чьи ноги впечатались в песок пустыни, а митры пронзали сияющие облака, восседали пугающим полукругом, зловещие, похожие на двуглавых волков, с мордами, искаженными яростью, и с подъятыми правыми руками, они мрачно и злобно взирали на окоем человеческого мира, служа преградой ужаса на границе холодного северного мира, чуждого человеку. С их чудовищных колен взмывали ввысь слоноподобные птицы шантак, но все они с безумными воплями улетели прочь, едва завидев в туманном небе передовые линии ночных призраков. Крылатая армада полетела к северу над каменными горгульями, потом над безбрежными просторами хмурой пустыни с безжизненным и голым пейзажем. Облака становились все мрачнее и мрачнее, и наконец Картер заметил, что вокруг сгустился мрак, но крылатые носильщики

не сбились с курса, ибо были привычны к черным подземельям и умели видеть не глазами, а всей влажной поверхностью склизкого туловища. Они летели в кромешной тьме, рассекая потоки странных запахов и вихри странных звуков, и покрывали настолько громадные расстояния, что Картер перестал понимать, находятся ли они все еще в пределах земного мира снов.

Потом облака вдруг поредели и высоко в небе призрачным светом замерцали звезды. Внизу все было черным-черно, но небесные бледные маяки казались исполненными тайного смысла и направляющей силы, которую они никогда прежде не выказывали. Не то чтобы очертания созвездий изменились, нет, но их знакомые формы теперь обнаружили глубокую значимость, неявную ранее. Все словно сфокусировалось в сторону севера, и все линии и точки мерцающего неба стали частью гигантского узора, чье предназначение заключалось в том, чтобы привлечь вначале взор, а затем и самого наблюдателя к некоей тайне и ужасной цели по ту сторону замороженной пустыни, которая бесконечно раскинулась впереди. Картер взглянул на восток, где огромный хребет горной преграды тянулся вдоль пределов Инкуанока, и увидел на фоне звезд иззубренный силуэт неизбывных гор. Их абрис был теперь более хаотичным, с зияющими провалами и фантастическим нагромождением пиков, и Картер внимательно рассмотрел мучительно знакомые изгибы и откосы причудливого силуэта, который, похоже, заодно со звездами увлекал путешественников некой неодолимой силой притяжения к северному окоему неба.

Они летели со страшной скоростью, и наблюдателю приходилось сильно напрягать зрение, чтобы рассмотреть внизу пейзажи, как вдруг он различил над изломанной линией высочайших пиков движущийся на фоне звезд темный предмет, чей маршрут в точности повторял путь их странной летучей армии. Упыри также заметили его, и Картер услышал, как со всех сторон раздалось их тихое лопотание, и на мгновение ему почудилось, будто это темное пятно – исполинская птица шантак размером куда больше средней особи. Однако вскоре он понял, что его предположение неверно, ибо очертания пятна, летящего над горами, вовсе не походило на лошадиноголовую птицу. Смутный силуэт на фоне звезд скорее напоминал голову в митре или пару бесконечно увеличенных голов, причем, странное дело, ее стремительный скачкообразный полет в небе проходил без помощи крыльев. Картер еще не понимал, с какой стороны горного хребта летит это пятно, но скоро понял, что перед ним нечто доселе невиданное, ибо в тех местах, где горный хребет прорезали широкие ущелья, летящий силуэт затмевал все звезды на небе.

Потом в горной цепи появился провал – там, где жуткие просторы лежащего за горной цепью Ленга соединялись с холодной пустыней глубоким перевалом, в котором показались тусклые звезды. Картер взглянул в провал, догадываясь, что должен увидеть на фоне ночного неба нижнюю часть гигантской фигуры, летящей над горными пиками. Теперь неопознанный предмет оказался чуть впереди крылатой армии, и все устремили взоры на перевал, в котором вот-вот должен был появиться темный силуэт в полный рост. Исполинская тварь приблизилась к провалу, немного сбавила скорость, точно поймав себя на том, что немного опередила армаду ночных призраков. В следующую минуту все застыли в напряженном ожидании, а еще через мгновение силуэт полностью предстал взорам наблюдателей, вызвав у упырей сдавленный всхлип космического ужаса и посеяв

холод в душе путешественника. Ибо циклопическая скачущая форма над горами была только лишь головой – вернее, двумя головами в митрах, – а внизу, в ужасной бездне колыхалось ужасающе раздутое туловище гороподобного монстра, беззвучно и опасно переступавшего ногами, исполинская фигура, напоминающая непропорционально сложенного человеческого уroda, который вприпрыжку несся черной тенью на фоне неба, доставая едва ли не до зенита обеими отвратительными головами в конических шапках.

Картер не потерял сознание и не закричал от страха, ибо был опытным сновидцем, но он в ужасе оглянулся назад и содрогнулся при виде других таких же чудовищных голов над горными пиками, что, подпрыгивая, бежали следом за первым силуэтом. А прямо позади них высились три гороподобных силуэта, четко различимые на фоне южных звезд, которые с невероятным грохотом трусили по-волчьи, и высокие митры покачивались в такт их бега в тысяче футов над землей. Значит, вырезанные в горах изваяния в пустыне к северу от Инкуанока вовсе не стояли недвижимым полукругом, грозно подъяв правые руки. Им поручалась важная миссия, и они ревностно ее выполняли. А самое ужасное, что они не обладали даром речи и на бегу не издавали ни звука.

Тем временем Пикман-упырь отдал приказ ночным призракам, и все их воинство взмыло высоко в небо. Странная колонна взяла курс прямо на звезды, и скоро уже ничто не маячило в небе на их пути – ни неподвижные серые гранитные хребты, ни бегущие исполинские изваяния в митрах. Громокрылый легион летел к северу в вихрях свистящего ветра, под неясно откуда вырвавшийся из космического эфира хохот; внизу все было черным-черно, и ни птицы шантак, ни иные менее жуткие твари не устремились из мрачных бездн за ними вдогонку. И чем дальше они летели, тем стремительнее становился их полет, пока развитая ими головокружительная скорость не превзошла скорость пули, сравнявшись со скоростью обращения нашей планеты по орбите. Картер удивился, как же при такой скорости земля еще виднелась внизу, но он также знал, что в стране снов пространственные измерения обладают удивительными свойствами. Он не сомневался, что они попали в край вечной ночи, и ему чудилось, что созвездия вверху чуть больше вытянулись к северу, словно собрались вместе, желая направить летучую армию в пустоту Северного полюса – так рука стягивает складки мешка, чтобы вытряхнуть из него последние крупички груза.

Потом Картер с ужасом заметил, что больше не слышит хлопанья крыльев ночных призраков. Рогатые безликие возницы, сложив перепончатые отростки, как будто отдыхали в вихре ветра, с хохотом и свистом несшего их на своих крылах. Армию подхватила неземная сила, и упыри и ночные призраки были бессильны перед этим потоком, который свирепо и неумолимо увлекал их к северу, откуда еще ни один смертный не возвращался живым. Наконец на горизонте впереди забрезжила бледная точка света, и по мере их приближения светящаяся точка ширилась и становилась ярче. А под ней разрасталась черная масса, затмевавшая звезды. Картер решил, что это, должно быть, сигнальный огонь на горе, ибо с небесных высот можно было увидеть лишь исполинскую гору.

Зарево поднималось все выше и выше, и все громаднее и громаднее растекалась тьма под ним, пока циклопический темный конус не затмил полнеба в северной стороне. И

хотя крылатая армия летела очень высоко, бледный зловещий маяк сиял еще выше, нависая чудовищной массой над горными пиками и равнинами земли, точно пробуя на вкус пустой эфир, где вращались таинственная Луна и безумные планеты. Никто из людей еще не видывал подобной исполинской горы, что темнела прямо перед ними. Тяжелые облака внизу окаймляли лишь ее подножие, а головокружительные вихри верхних слоев воздуха служили лишь поясом на ее чреслах. Мрачным призраком вздымался этот мост между землей и небом, черный в вечной ночи, увенчанный венцом неведомых звезд, и его устрашающие и могучие очертания с каждым мгновением становились все четче и четче. Упыри изумленно завизжали при виде этого зрелища, а Картер поежился от страха и забеспокоился, как бы всю его летучую армию не разметало в пух и прах при столкновении с гигантским ониксовым монолитом.

Выше и выше росло зарево света, пока не слилось в вышине с зенитом, откуда насмешливо подмигивало огненными зеницами, устремленными вниз на летящую стаю. Вся северная часть неба под этим заревом теперь была объята крошечным мраком, жуткой каменной чернотой, простершейся от бесконечных глубин до бесконечных высот и озаренной лишь бледным мерцанием зыбкого маяка на недостижимой высоте призрачной горы. Картер всмотрелся в маяк попристальнее и наконец разглядел чернильный абрис на фоне звезд. На самой вершине исполинской горы высились башни, ужасные башни с куполами, которые громоздились бесчисленными жуткими уступами и террасами и явно не были творением рук человеческих. Чудесные, но и грозные бастионы и террасы, казавшиеся далекими черными точками, крошечными, черными и далекими, на фоне звездных соцветий, угрюмо сиявших на верхнем окоме неба. И венчал эту безмерную гору замок, непостижимый разуму смертного, в котором-то и мерцал тот демонический маяк. Только теперь Рэндольф Картер понял, что поиск его завершился и прямо перед ним сияет заветная цель всех запретных поступков и дерзких видений, легендарная и непостижимая обитель Великих богов на вершине неведомого Кадата.

Осознав это, Картер заметил, как его засосанная ветром летучая армада изменила курс. Теперь она резко взмыла ввысь, и стало очевидно, что гравитационный фокус ее полета теперь переместился на ониксовый замок, из которого струился бледный свет. Так близко была черная гора, что ее склоны с головокружительной быстротой проносились мимо взмывающей ввысь стаи, и она уже ничего не различала во тьме. Сумрачные башни черного замка становились все больше и больше, и Картер ощутил всю греховную мерзость их исполинской безмерности. Несомненно, глыбы, из коих замок был сложен, добывались безмянными каменотесами в той самой чудовищной каменоломне на горном перевале к северу от Инкуанока. Ибо его размеры были таковы, что стоящий на ступенях этой высочайшей цитадели земли человек оказывался вровень с пустым эфиром. От венка неведомых звезд над мириадами башен с куполами исходило желтовато-бледное сияние, так что угрюмые скользкие стены из оникса были объаты сумеречным покровом. Бледный маяк теперь казался единственным освещенным окном в одной из самых высоких башен замка, и, когда беспомощная армада подлетела к вершине горы, Картеру почудилось, будто он различил уродливые тени, мечущиеся в тускло освещенной зале. То было арочное окно странной неземной формы.

Неприступная скала превратилась в гигантский монолит чудовищного замка, и летучая армия вдруг резко сбавила скорость. Вокруг ее высоко взметнулись исполинские стены, мелькнула арка гигантских врат, в которые ее втянуло неведомой силой. Бесконечный внутренний двор объела вечная тьма и, когда огромный арочный портал поглотил летучих странников, они оказались в еще более густой тьме. Вихри обжигающе-холодного влажного ветра носились по незримым ониксовым лабиринтам, и Картер мог лишь гадать, что за циклопические лестницы и коридоры тайком убегали от главного маршрута их нескончаемого полета в эфире. Они уносились во тьме все выше и выше, и ни единый звук, ни толчок, ни проблеск света не тревожили плотную пелену тайны. Неисчислимая армия упырей и ночных призраков потерялась в бездонных безднах неземного замка. И когда наконец в лицо Картеру брызнул свет из той единственной залы в башне, чье светящееся окно служило им маяком в ночи, он не сразу смог различить далекие стены и высокий потолок и не сразу осознал, что попал не в безбрежный ночной простор...

Рэндольф Картер намеревался вступить в тронный зал Великих с должным достоинством, в окружении внушительной свиты упырей, и вознести свою молитву, как подобает вольному и сведущему ветерану-сновидцу. Он давно знал, что Великие сами отнюдь не неподвластны воле смертного, и понадеялся на удачу, полагая, что Иные боги и их ползучий хаос Ньярлатотеп не придут к Великим на подмогу в решающий момент, как то уже бывало не раз, когда люди посещали земных богов в их обители или в их горах. Он даже лелеял надежду, что в окружении своего внушительного эскорта сумеет достойно встретить и Иных богов, буде такой случай представится, ибо знал, что над упырями нет верховного владыки, а ночные призраки подчиняются не Ньярлатотепу, а лишь древнему Ноденсу. Но теперь он воочию убедился, что божественный Кадат в холодной пустыне и впрямь находится под охраной темных чудес и безымянных стражей и что Иные боги воистину надежно оберегают покой слабых земных богов. Не имея верховной власти над упырями и ночными призраками, неразумные бесформенные исчадия внешних пространств все же способны при необходимости сдерживать их, так что Рэндольф Картер в компании своих упырей вошел в тронный зал Великих богов вовсе не так, как подобает вольному и сведущему ветерану-сновидцу. И когда его свита, ослепленная и оглушенная кошмарными звездными смерчами, уstraшенная незримыми чудищами северной пустыни, оказалась в освещенной страшным светом зале, где по безмолвному приказу тотчас стихли вихри ужаса, вся она беззвучно рухнула на ониксовый пол бессильной и беспомощной толпой.

Рэндольф Картер стоял не перед золотой кафедрой, и не увидел он величавого собрания узкоглазых созданий с нимбами и коронами, с длинными мочками, тонкими носами и выпяченными подбородками, чье сходство с высеченным на Нгранеке ликом могло бы выдать их принадлежность к роду тех, к кому наш сновидец пришел обратиться свою молитву. За исключением этой единственной освещенной залы, ониксовый замок на вершине Кадата был темен, Картер пришел к неведомому Кадату в холодной пустыне, но не нашел богов, его обитателей. И все же страшный свет сиял в этой единственной башенной зале, которая была много меньше, нежели безбрежные пространства снаружи, и чьи далекие стены и потолок терялись в клубящихся туманах. Земных богов здесь не оказалось, верно, но прочих созданий, незримых и неосязаемых, было в избытке. Там, где

добрые боги отсутствуют, Иные тем не менее имеют своих посланников, и, разумеется, ониковый замок отнюдь не был необитаем. Но Картер не мог даже себе вообразить, в каком виде будет явлен ему несказанный ужас. Он понял, что его визита тут ждали, но мог лишь гадать, сколь давно и пристально следил за его паломничеством ползучий хаос Ньярлатотеп. Тот самый Ньярлатотеп, кошмар безграничной формы, ужасный дух и посланник Иных богов, которому служат грибообразные лунные твари, и Картер вспомнил черную галеру, исчезнувшую в море, когда в битве на скалистом острове жабоподобные стали терпеть поражение.

Размышляя об этом, он с трудом поднялся на ноги посреди поверженной стаи, и вдруг без всякого предупреждения озаренную бледным сиянием бесконечную залу прорезал громовый глас демонической трубы. Трижды прогремел этот ужасающий клич, и когда эхо от третьего трубного рева растаяло вдаль, Рэндольф Картер увидел, что остался один. Куда, почему и как вдруг исчезли все упыри и ночные призраки, он не мог даже помыслить. Он лишь знал, что внезапно остался один и что безмолвно хохочущие незримые плясуны, заключившие его в круг своей пляски, отнюдь не доброжелательные духи земного мира сновидений... Потом из бездонных глубин донесся новый звук. Это тоже был ритмичный глас трубы, но совсем не похожий на те три раската, что смели в незримую пустоту его верных спутников. В этом низком вое трубы эхом звучали напевы чудес и мелодий космического сна, и при каждом новом аккорде и при каждой неведомой каденции возникали видения экзотических пейзажей невообразимой красоты. Золотые звуки сопровождали порывы дивных благоуханий, потом над его головой занялся яркий свет, волнообразно менявший оттенки, чуждые привычному спектру, и служивший мрачным симфоническим сопровождением трубной песни. Вдали замерцали факелы, и, разрывая пелену напряженного предчувствия, послышалась приближающаяся барабанная дробь.

Из редящего тумана и клубов диковинных благовоний выросли две колонны гигантских чернокожих невольников в набедренных повязках из светящегося шелка. На их головах были укреплены, словно шлемы, огромные факелы из блестящего металла, от которых дымными кольцами струился аромат неведомых бальзамических благовоний. В правой руке невольники держали хрустальные жезлы, на концах которых были вырезаны оскалившиеся в ухмылке химеры, а в левой руке они сжимали длинные серебряные трубы, в которые поочередно дули. Их щиколотки и предплечья были стянуты золотыми браслетами, а оба браслета на щиколотках были соединены золотыми цепочками, заставлявшими невольников идти неспешной походкой. Было ясно с первого взгляда, что это чернокожие обитатели земного мира сновидений, но их одеяния и поведение выдавали в них неземных существ. В десяти шагах от Картера процессия остановилась, и тотчас же серебряные мундштуки прилипли к толстым губам трубачей. Грянул дикий экстатический трубный хор, а за ним последовал еще более дикий вопль, искусно исторгнутый черными глотками на оглушающе-пронзительной ноте.

Потом в широком проходе между двух колонн чернокожих невольников появилась одинокая фигура – высокий стройный муж с юным лицом античного фараона, облаченный в переливающийся хитон и увенчанный золотым венцом, от которого исходило сияние. Прямо к Картеру шел величественный муж, чья гордая осанка и

приятные черты лица были исполнены очарования смуглого бога или падшего ангела и в чьих глазах играли потаенные искорки прихотливого нрава. Пришелец заговорил, и в мелодичных модуляциях его голоса зажурчала необузданная музыка летейского потока.

– Рэндольф Картер, – произнес голос, – ты пришел взглянуть на Великих, кого смертным не позволено видеть. Соглядатаи сообщили об этом, и Иные боги возроптали, исступленно мечась и кружась под тонкие звуки флейт в вечной черной пустоте, где обитает султан демонов, чье имя запрещено произносить вслух.

Когда Барзай Мудрый вошел на Хатег-Кла, чтобы увидеть, как Великие танцуют и воют над облаками при лунном свете, он не вернулся. Там были Иные боги и сделали то, что от них и требовалось. Зенит из Афрата пытался отыскать неведомый Кадат в холодной пустыне, и ныне его череп впаян в кольцо на мизинце того, кого мне нет нужды называть по имени.

Но ты, Рэндольф Картер, превзошел мужеством все создания земного мира сновидений и все еще горишь жаждой поиска. Ты пришел не из праздного любопытства, но как взыскующий истины, и ты без устали выказывал свое почтение к добрым земным богам. И все же эти боги не допускали тебя к чудесному предзакатному городу твоих снов, и лишь по причине их мелочной скупости, ибо правда в том, что они сами возжаждали обладать жуткой красотой создания твоей фантазии и поклялись, что отныне никакое иное место не будет их обиталищем.

Они покинули замок на неведомом Кадате и поселились в твоём чудесном городе. Днём они бродят по мраморным дворцам, а с заходом солнца прогуливаются в благоухающих садах и наслаждаются величественным видом закатной позолоты на храмах и колоннадах, на арочных мостах и в серебряных чашах фонтанов, на широких улицах с цветочными вазами и сверкающих рядах статуй из слоновой кости. А с наступлением ночи они поднимаются на террасы горного склона, увлажненного ночными росами, садятся на резные скамьи из порфира и взирают на звезды или, перегнувшись через перила балюстрад, устремляют взор на крутые северные склоны, где окошки в старинных башенках одно за другим озаряются мягким сиянием – то желтое пламя уютных домашних свечей.

Боги полюбили твой чудесный город и покинули тропы богов. Они позабыли земные возвышенности и горы своей юности. На земле более не осталось богов, и лишь Иные боги из внешних пределов имеют власть на незапамятном Кадате. Далеко-далеко отсюда, в долине, где прошло твоё детство, Рэндольф Картер, предаются беззаботным забавам Великие боги. Ты слишком умело погружался в сновидческий мир, о величайший сновидец, ибо ты смог увести богов сна прочь из мира всеобщих видений в мир, который всецело принадлежит тебе одному, выстроив из своих детских фантазий город, прекраснее всех призраков, доселе рожденных.

Жаль, что земные боги покинули свои троны, оставив все на милость пауку, трудолюбиво ткущему там паутину, да Иным богам, владычествующим в их обители в привычной для Иных манере. С превеликой радостью силы внешнего мира наслали бы хаос и ужас на тебя, Рэндольф Картер, причину их печали, но они знают, что в твоей лишь

власти вновь вернуть богов в их исконный мир. Никакая сила вечной ночи не может проникнуть за тобой в твой полубодрствующий сновидческий мир, и лишь ты один способен уговорить самолюбивых Великих уйти из твоего чудесного предзакатного города и вернуться через северные сумерки обратно в их привычную обитель на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне.

Итак, Рэндольф Картер, во имя Иных богов я пощажу тебя и вверю тебе исполнение моей воли. Я поручаю тебе найти твой предзакатный город грез и изгнать оттуда позабывших о своем долге богов, которых дожидается сновидческий мир. Тебе несложно будет отыскать сонмище богов, услышать глас божественных труб и звон бессмертных кимвалов, ту тайну, чье местонахождение и смысл преследовали тебя неотступно в пору бодрствования и в глубоком сне и мучили тебя обрывками растаявших воспоминаний и болью об утраченном, столь дорогом и мимолетном. Тебе несложно будет отыскать этот символ и останки восторженной поры твоей жизни, ибо воистину это вечное и нетленное сокровище, в коем слепились сверкающие осколки твоих юных восторгов, освещающая тропу твоих вечерних блужданий. Внемли! Не за неведомые моря, но в столь знакомые тебе годы прошлой жизни лежит теперь твой путь, обратно к тем незабываемым чудным местам и мыслям детства, к мимолетным солнечным проблескам магии, которые твой пытливый юный взор узрел в древних пейзажах.

Ибо знай, что твой золотой мраморный город чудес – это лишь сумма всего того, что ты видел и любил в юности. Это великолепие бостонских крыш на горных склонах, и озаренных пожаром заката западных окон, и душистых цветов на площади Коммон, и огромного купола на холме, и лабиринта фронтонов и печных труб в фиолетовой долине, по которой сонно течет Чарльз, оседланный многими мостами. Все это ты, Рэндольф Картер, увидел, когда твоя нянька впервые вывезла тебя в коляске на весеннее солнце, и те же видения в последний раз пробегут перед твоим мысленным и любящим взором. А еще есть древний Сейлем, погруженный в воспоминания о протекших годах, и призрачный Марблхед, чьи скалистые окрестности убегают в глубь прошлых веков, и величие сейлемских башен и шпилей на другой стороне гавани, которые можно увидеть с марблхедских пастбищ на фоне закатного солнца.

А еще есть Провиденс, таинственно и величественно раскинувшийся на семи холмах над голубым заливом, с зелеными террасами, тянущимися вверх к шпилям и цитаделям неумирающей древности, и Ньюпорт, вьющийся, точно дивный венок, вверх от своих сонных вод. И Аркхем, с его мшистыми двускатными крышами и горными лугами на горизонте; и допотопный Кингспорт, с частоколом печных труб, и безлюдными пирсами, и насупившимися фронтонами; и несравненное чудо высоких утесов; и объятый молочными туманами океан с звенящими буйками у линии горизонта.

Холодные долины Конкорда, мощеные улицы Портсмута, сумеречные извивы нью-хэмпширских сельских дорог, где за гигантскими вязами притаились белостенные крестьянские домики и скрипучие колодцы. И просоленные причалы Глостера, и продуваемые всеми ветрами плакучие ивы Труро. И бесконечные панорамы далеких городков с торчащими иголками шпилей, и горные цепи за горными цепями вдоль Норт-Шора, и безмолвные каменистые склоны и низенькие увитые плющом особнячки под сенью гигантских валунов в род-айлендской глуши. Запах моря и благоухание полей,

чары темных лесов и зеленая радость садов на рассвете. Это твой город, Рэндольф Картер, ибо все это – ты сам. Новая Англия породила тебя и влила тебе в душу всю эту красоту, которой несть конца. Эта красота, отлитая, закаленная и отшлифованная годами воспоминаний и снов, и есть твой чудесный град на неуловимом закате; и чтобы найти этот мраморный парапет с дивными вазами и резным перилами, и чтобы спуститься наконец по бесконечным ступеням в город широких площадей и разноцветных фонтанов, тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства.

Смотри! Вон в окне сияют звезды вечной ночи. Даже сейчас они освещают пейзажи, которые ты так любил и лелеял в памяти, и впивают их очарование, чтобы сиять еще ярче над садами снов. Это Антарес – видишь, он подмигивает крышам на Трмонт-стрит, ты мог видеть его из окна отчего дома на Бикон-хилл. А позади этих звезд простираются бездны, из которых меня прислали мои повелители. Настанет день, и ты тоже сможешь посетить их, но надеюсь, тебе достанет мудрости не совершать подобного безумного поступка, ибо из тех смертных, кто побывал там и вернулся, лишь одному удалось сохранить ясный разум и спасти его от ужасных грохочущих тварей вечной пустоты. Ужасные богомерзкие исчадия грызут друг друга в той бездне, и в мелких тварях больше греховного зла, нежели в крупных; да ведь ты и сам это знаешь по повадкам тех, кто желал доставить тебя ко мне, хотя я сам не лелеял ни малейшего желания причинить тебе вред и, без сомнения, давно бы помог тебе прийти сюда, кабы не был занят иными заботами и не пребывал в уверенности, что ты и сам найдешь сюда дорогу. Отринь же адские бездны и отдайся тихим красотам своего детства. Ищи свой чудесный предзакатный город, и изгони оттуда праздных Великих богов, и ласково отошли их обратно в край их детства, что нетерпеливо дожидается их возвращения.

Путь, на который я предлагаю тебе ступить, легче, чем тропа смутных воспоминаний. Смотри! Вот приближается чудовищная птица шантак, ведомая невольником, кому ради твоего же блага стоит оставаться незримым. Оседлай птицу и приготовься – ну же! Чернокожий невольник Йогаш поможет тебе взгромоздиться на чешуйчатое исчадие. Держи путь на яркую звезду к югу от зенита – это Вега, и через два часа ты окажешься над террасами своего предзакатного города. Лети в том направлении до тех только пор, пока не услышишь далекое пение в высоком эфире. Над ним таится безумие, так что останови птицу шантак, лишь только заслышишь первые ноты. Затем оглянись на землю – ты увидишь сияние неугасимого алтарного огня Иред-Наа на священной крыше храма. Этот храм стоит в предзакатном городе твоих грез, так что направляйся прямо туда, прежде чем ты услышишь пение, иначе погибнешь.

Когда приблизишься к городу, держи путь к высокому парапету, откуда некогда ты взирал на открывшуюся перед тобой величественную панораму, и пришпоривай птицу шантак, пока она не закричит. Великие, которые сидят на благоуханных террасах, услышат этот крик, и ими овладеет столь сильная ностальгия, что все красоты и чудеса твоего города не смягчат боль их тоски по мрачному кадатскому замку и соцветию вечных звезд над ним.

Потом опустись рядом с ними верхом на птице шантак – пускай они увидят и погладят чудовищную лошадиноголовую птицу, а сам тем временем расскажи им о неведомом Кадате, который ты только что покинул, поведай им, как прекрасны его бесконечные

неосвященные покои, где в старину они предавались веселым играм в божественном сиянии. Потом с ними заговорит птица шантак на языке шантаков, и ее речь лишь обострит их воспоминания о днях юности.

Без устали ты должен будешь настойчиво рассказывать Великим о родной обители их детства, пока они наконец не прольют слезы и не попросят тебя показать позабытую ими обратную дорогу домой. Тогда ты отпустишь птицу шантак, и она взмлет в небо с призывным радостным криком, заслышав который Великие в безмерной радости запрыгают, и пустятся в пляс, и поспешат следом за чудовищной птицей, как и подобает богам, сквозь глубокие бездны неба к знакомым и дорогим кадатским башням и куполам.

И потом чудесный предзакатный город останется тебе для вечного наслаждения, а земные боги, вновь заняв привычное место, будут править снами людей. Иди же – путь свободен, и звезды ждут. И твоя птица шантак уже храпит и топчет ногами в нетерпении. Держи курс на Вегу, но сразу поверни, как только заслышишь первые звуки песни. Не забудь мое предупреждение, ибо невообразимые исчадия кошмара засосут тебя в черную бездну истошного и рыдающего безумия. И помни об Иных богах, они могущественны, безрассудны и ужасны и таятся во внешних безднах. Лучше избегать встречи с ними.

Хей! А-шанта ниг! Иди! Пришли земных богов обратно в их обитель на неведомом Кадате и моли небо, чтобы никогда не встречать меня ни в одном из моих тысяч обличий. Прощай, Рэндольф Картер, и будь осторожен, ибо я и есть Ньярлатотеп, ползучий хаос!

Рэндольф Картер оседлал птицу шантак и, сбившись с дыхания и испытывая сильное головокружение, со свистом улетел в небесную бездну навстречу холодному сиянию северной звезды Веги и лишь раз бросил взгляд через плечо на хаотично громоздящиеся башни ониксового кошмара, в котором по-прежнему смутно сиял одинокий свет из окна высоко над облаками земного сновидческого мира. Мимо проносились огромные полипообразные исчадия, и незримые крылья надсадно хлопали во мраке, но он крепко держался за мерзкую гриву чудовищной лошадиноголовой чешуйчатой птицы. Звезды в выси стали кривляться, сорвались со своих привычных мест и выстроились в причудливые знаки судьбы, которых ни один смертный почему-то ранее не замечал и не боялся. А ветры бездонных бездн ревом возвещали о смутном мраке и космическом одиночестве.

А потом сверкающую бездну впереди прорезало, словно грозное знамение беды, безмолвие, и все ветры и чудовищные исчадия растаяли во мраке, как исчезают с первым лучом рассвета ночные твари. Издалека, дрожа на волнах, которые вдруг с ужасающей осязаемостью возникли из золотых клочков туманов, донеслись далекие звуки мелодии, струившейся невнятными и неслышанными в земном небе аккордами. И когда музыка зазвучала громче, шантак наострила уши и рванулась вперед, равно и Картер с превеликим вниманием старался уловить каждый звук, столь сладкий его слуху. То была песня, но пел ее не голос. Ее пели сама ночь и небесные сферы, и эта песня возникла в древнюю пору рождения космоса и Ньярлатотепа и Иных богов.

Птица шантак летела все быстрее, и все ниже пригибался к ее спине наездник, опьяненный чудом мелодии бездны и замороженный хрустальными извилами

космической магии. И потом запоздало ему вспомнилось грозное предостережение исчадия зла, сардоническое предупреждение демонического посланника, который наказал искателю опасаться безумия этой песни. Не более чем издевкой был предначертанный Ньярлатотепом путь его спасения в чудесном предзакатном городе, не более чем в насмешку черный посланник открыл ему тайну праздных богов, дорогу к которым он и сам бы мог с легкостью найти. Ибо безумие и дикое отмщение бездны – вот единственные дары Ньярлатотепа самонадеянным смертным, и хотя наездник с безумным усилием пытался поворотить своего летучего возницу, с насмешливым клекотом птица шантак продолжала неумолимо нестись вперед, в злонамеренной радости хлопая гигантскими перепончатыми крыльями, держа путь прямо к тем богомерзким провалам, куда не долетают сны, в тот предельный аморфный хаос нижних пределов естества, где бурлит и богохульствует в средоточии бесконечности неразумный султан демонов Азатот, чье имя никто не смеет произнести вслух.

Неукоснительно следуя приказу мерзкого посланца зла, дьявольская птица мчалась вперед, врезаясь в легионы бесформенных обитателей мрака и неосязаемые сонмы мельтешащих тварей, которые тянули к ней свои когтистые цепкие лапы, то были безымянные отродья Иных богов, такие же слепые и неразумные и охваченные лишь неизбывной жаждой и голодом.

Вперед, неуклонно вперед, с радостным клекотом приветствуя хохот и истерические вопли, в которые преобразилась песнь ночи и небесных сфер, чешуйчатокрылое чудовище несло своего беспомощного наездника, вспарывая, казалось бы, конечный окоем неба и минуя запредельные бездны, оставляя позади звезды и материальные пространства и метеором несясь сквозь крошечный хаос к непостижимым темным покоем вне времени, где под приглушенный умопомрачительный бой богомерзких барабанов и тонкое монотонное завывание сатанинских флейт растекся бесформенной массой вечно жующей и вечно ненасытный Азатот.

Вперед – вперед сквозь крики и вопли, сквозь кишасщие мерзкими обитателями черные провалы, – и вдруг из какой-то далекой благословенной дали обреченному Рэндольфу Картеру явились образ и мысль. Чересчур изошренной оказалась коварная и мучительная ловушка Ньярлатотепа, ибо злой демон заставил свою жертву вспомнить то, чего никакие объятия льдистого ужаса не могли стереть из памяти. Родной дом – Новая Англия – Бикон-хилл – бодрствующий мир.

«Ибо знай, что твой золотой мраморный город чудес – это лишь сумма всего того, что ты видел и любил в юности... Это великолепие бостонских крыш на горных склонах, и озаренных пожаром заката западных окон, и душистых цветов на площади Коммон, и огромного купола на холме, и лабиринта фронтонов и печных труб в фиолетовой долине, по которой сонно течет Чарльз... Эта красота, отлитая, закаленная и отшлифованная годами воспоминаний и снов, и есть твой чудесный град на неуловимом закате; и чтобы найти этот мраморный парапет с дивными вазами и резными перилами, и чтобы спуститься наконец по бесконечным ступеням в город широких площадей и разноцветных фонтанов, тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства».

Вперед, вперед – головокружительный полет к последнему пределу сквозь мрак, где безглазые твари выпускают когти, а склизкие морды тычутся в разные стороны, а безымянные исчадия щебечут, и щебечут, и щебечут. Но образ и мысль уже возникли, и Рэндольф Картер осознал, очень отчетливо, что он спит, только спит и что где-то далеко остались бодрствующий мир и город его детства. И вновь вспомнились слова: «Тебе надо лишь вернуться к мыслям и видениям своего милого детства». Вернуться, повернуться – но его со всех сторон обступала тьма, однако Рэндольф Картер мог повернуться.

Как бы ни были сильны объятия кошмара, сжавшие душу Рэндольфа Картера, он все же мог бы найти силы повернуться и двинуться в попятном направлении. Он мог двигаться сам, а если бы захотел, мог бы даже спрыгнуть с дьявольской птицы шантак, которая по приказу Ньярлатотепа неукоснительно несла его к гибели. Он мог бы спрыгнуть и нырнуть в глубины ночи, зияющие далеко внизу, в бездны страха, которые вряд ли ужаснее безымянной гибели, ожидавшей его в самой средоточии хаоса. Он может повернуться, и двинуться, и спрыгнуть... он сможет – он должен... он должен...

И обреченный сновидец в отчаянии спрыгнул со спины исполинского лошадиноголового крылатого чудовища и полетел в бесконечную бездну разумного мрака. Мчались световые годы, галактики умирали и рождались вновь, звезды превращались в туманности, а туманности в звезды, но Рэндольф Картер все падал сквозь бесконечную пустоту разумного мрака.

А потом медленно, неспешным путем вечности космос совершил очередной цикл, вновь возвратившись к точке бесполезного завершения, и все вновь стало таким же, как и прежде, вернувшись на неисчислимы калпы назад. Материя и свет родились заново такими же, какими они некогда возникли в пространстве, а кометы, солнца и миры возгорелись к новой жизни, хотя ничего не уцелело для напоминания о том, какими они были в миг рождения и в миг исчезновения, в вечной смене начала и конца и возврата к бесконечному началу.

И вновь возникла твердь, и ветер, и сияние пурпурного света в глазах падающего сновидца. Возникли боги, и твари, и воля, красота и зло, и жалобные вопли гибельной ночи, лишенной своей добычи. Ибо в неведомом вечном цикле выжила мысль, и видение детства сновидца, и его бодрствующий мир, и милый его сердцу древний город возродились, дабы воплотить все сущее и придать ему смысл. Из пустоты фиолетовый газ Снгат метил путь, и древний Ноденс изрыгал наказания из неведомых бездн.

Звезды сменились рассветами, а рассветы взорвались золотыми, пунцовыми и пурпурными фонтанами, но сновидец продолжал падать. Эфир разрывали жуткие крики, когда шлейфы света гнали прочь исчадия внешней тьмы. И седой Ноденс поднял вой торжества, когда Ньярлатотеп, уже было овладевший своей добычей, был остановлен, ослепленный рассветным сиянием, обратившим полчище его бесформенных охотников в серый прах. Рэндольф Картер и впрямь достиг наконец широкой мраморной лестницы, ведущей к его чудесному городу, ибо он вновь вернулся в родную Новую Англию, в мир, который его породил.

С криком и содроганием пробудился в своей бостонской спальне Рэндольф Картер, оглушенный органным аккордом утреннего щебета и посвиста и ослепленный блеском рассветного солнца, чьи лучи, отразившись в огромном золотом куполе ратуши на холме, проникли сквозь пурпурные окна. Птицы пели в потаенных садах, и пьянящее благоухание аккуратно подвязанных лоз струилось из сада, посаженного еще его дедом. Красота и свет плясали на классическом камине, и на резном карнизе, и на стенах в причудливых узорах, а лоснящийся черный кот, разбуженный громким криком хозяина, поднялся, зевая, со своей лежанки. И далеко-далеко, за воротами Глубокого Сна, за зачарованным лесом и садами, за Серенарианским морем и за сумеречными просторами Инкуанока ползучий хаос Ньярлатотеп задумчиво вошел в онисовый замок на вершине неведомого Кадата в холодной пустыне и принялся надменно упрекать добрых земных богов, чье упоительное веселье в чудесном закатном городе он так грубо прервал.

Перевод: Олег Алякринский

2000 год